

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№. II.

Воскресенье 14 марта.

„Право“ издается въ С.-Петербургъ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. Ф. А. Вальтера, I. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. Г. Петражицкаго и В. М. Устинова.

—*—

Содержаніе: 1) Условія для возникновенія права на вознагражденіе по 683 ст. 1 ч. X т. Н. П. Змирова. 2) Гражданская отвѣтственность соучастниковъ въ злостномъ банкротствѣ. I. В. Гессена. 3) Обзорънне уголовной кассационной практики за 1897 г. 4) О неудобствахъ порядка принесенія кассационныхъ жалобъ по уголовнымъ дѣламъ. Прис. пов. М. Р. 5) Антропометрія въ Парижѣ. М. С. Маргуліеса. 6) Судебные отчеты. 7) Всеподданнѣйшее представленіе Финляндскаго Сената. 8) Хроника. 9) Юридическія общества. 10) Библиографія: Д. Дриль. Ссылка во Франціи и Россіи. В. Н.

11) Судебная и судебно-административная практика.

12) Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлелать, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Непечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Условія для возникновенія права на вознагражденіе по 683 ст. 1 ч. X т.

Серьезныя недоразумѣнія вызываетъ въ судебной практикѣ вопросъ о томъ: при наличности какихъ условій возникаетъ право на вознагражденіе у потерпѣвшаго вредъ или убытокъ, вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья, при эксплуатаціи желѣзнодорожнаго или пароходнаго предпріятія. Въ нашей юридической литературѣ этотъ вопросъ оставленъ безъ должнаго обсужденія. Его коснулся только Ф. И. Осецкій въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Смерть и увѣчья при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ“ (2 изд., стр. 97 и 98), но и то мимоходомъ.

Остановимся поэтому на данномъ вопросѣ и постараемся его разрѣшить.

Разсмотримъ сперва при какихъ условіяхъ возникаетъ право на вознагражденіе за убытки, происшедшіе вслѣдствіе причиненія смерти, а затѣмъ перейдемъ къ вопросу о вознагражденіи за причиненіе разстройства въ здоровьѣ.

I.

Основною статью, опредѣляющею право на вознагражденіе за причиненіе убытка, при эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятіи, является 683 ст. 1 ч. X т. 1-й ея пунктъ постановляетъ:

„Владѣльцы желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятіи (казна, общества и частныя

лица) обязаны вознаградить каждаго потерпѣвшаго вредъ и убытокъ, вслѣдствіе смерти или поврежденія въ здоровьѣ, причиненныхъ при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній. *Вознагражденіе назначается на основаніи статей 657—662 и 675, съ соблюденіемъ правилъ, въ слѣдующихъ пунктахъ изложенныхъ“.*

Изъ статей, на которыя здѣсь сдѣлана ссылка, трактуютъ о вознагражденіи за причиненіе смерти 657 и 658 ст.

657 ст., между прочимъ, гласитъ:

„Когда признано, что *лишившійся жизни, вслѣдствіе какого либо преступленія, содержалъ собственными трудами: своихъ родителей, жену или дѣтей, буде они не имѣютъ другихъ средствъ содержанія, или же сіи средства недостаточны, то изъ имущества лица, бывшаго причиною смерти, опредѣляется... оставшееся послѣ убитаго семейству достаточное... содержаніе“.*

Затѣмъ, въ 658 ст. сказано:

„Изъ имѣнія лица, виновнаго въ лишеніи кого-либо жизни, должны быть также возвращены всѣ употребленныя на леченіе отъ причиненныхъ имъ смертельныхъ поврежденій и на попеченіе о больномъ издержки, а равно и расходы на похороны лишившагося жизни...“

Изъ сопоставленія этихъ двухъ статей явствуетъ, что законъ различаетъ два вида права на вознагражденіе при лишеніи жизни: во 1-хъ, право на возмѣщеніе всѣхъ расходовъ, вы-

званных леченіемъ и попеченіемъ объ убитомъ, когда онъ былъ боленъ, и его погребеніемъ и во 2-хъ—право на содержаніе семейства убитаго.

Перваго рода право не обставлено никакими особыми условіями и возникаетъ, во всѣхъ безъ различія случаяхъ, коль скоро семьею убитаго были понесены упомянутые расходы; при этомъ не имѣетъ никакого значенія изъ какихъ источниковъ произведены расходы: изъ средствъ собственно убитому принадлежащихъ, или же изъ средствъ семьи.

Совершенно въ иныя условія поставлено право на содержаніе семейства убитаго. По точному смыслу 657 ст. 1 ч. X т., оно возникаетъ только при наличности двухъ условій: во 1-хъ, когда убитый собственными трудами содержалъ свою семью, и во 2-хъ, когда семья сама не имѣетъ другихъ средствъ содержанія, или же средства эти недостаточны.

Если обратимся къ 683 ст. и къ тѣмъ мотивамъ, на которыхъ она основана, то мы увидимъ, что выведенныя въ 657 ст. условія для возникновенія права на содержаніе нѣсколько измѣнены.

Прежде всего, 683 ст. даетъ право на вознагражденіе каждому потерпѣвшему, при чемъ составители этого закона высказали, что „причиненіе ущерба есть несчастіе, за которое причинившій долженъ отвѣчать настолько, насколько это необходимо для потерпѣвшаго... *Несчастіе это не должно служить источникомъ обогащенія пострадавшаго: онъ имѣетъ право лишь на то, что потерялъ...*“

Изъ такого, недопускающаго никакого сомнѣнія, намѣренія законодателя явствуетъ, что достаточность или недостаточность средствъ потерпѣвшаго не должна играть никакой роли, коль скоро онъ получалъ отъ убитаго извѣстное содержаніе и если фактъ смерти повлекъ за собою для него потерю этого содержанія.

Итакъ, въ силу 683 ст., право на содержаніе возникаетъ только при наличности двухъ условій: *чтобы убитый собственными своими трудами содержалъ потерпѣвшаго и чтобы послѣдній вслѣдствіе этой смерти лишился своего содержанія.* Посему право на содержаніе не можетъ принадлежать: 1) *женѣ* за смерть мужа, живущаго на ея средства, 2) *мужу* за смерть жены, являющейся только хозяйкою дома, и 3) *родителямъ* за смерть ихъ дѣтей, если послѣдніе живутъ на счетъ ихъ отца или матери.

Съ такимъ выводомъ, возражаютъ намъ, нельзя согласиться. Принципъ, который положенъ въ основу 657 ст. 1 ч. X т., всецѣло, будто бы, отжилъ свой вѣкъ и замѣненъ началами, на которыхъ построена 683 ст. и въ силу которыхъ *каждый потерпѣвшій и за всякій причиненный ему вредъ имѣетъ право на вознагражденіе.* Мужъ, какъ глава и руководитель семьи, хотя и не добывающій собствен-

нымъ трудомъ средствъ къ существованію; жена затѣмъ, какъ хозяйка дома и мать семейства, и дѣти, какъ будущіе полезные члены общества, при естественномъ порядкѣ вещей, представляютъ собою несомнѣнно извѣстную, иногда даже весьма значительную, экономическую цѣнность, утрата которой не только въ силу закона, но и по естественному чувству справедливости подлежитъ возмѣщенію.

Едва ли подобное возраженіе можно признать основательнымъ. Прежде всего изъ приведенныхъ нами выше мотивовъ къ 683 ст. ясно видно, что составители этого закона признаютъ за потерпѣвшимъ право на вознагражденіе при наличности извѣстной, точно определенной съ его стороны потери и въ размѣрѣ именно этой потери. Они категорически указываютъ, что потерпѣвшій можетъ требовать только то, что онъ потерялъ. Само собою разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь о *потери уже понесенной*, а не о той утратѣ, которая могла бы имѣть мѣсто, по теоріи вѣроятности, въ будущемъ и затѣмъ о *потери имущественной*, подлежащей исчисленію, а слѣдовательно и возмѣщенію.

Точно также ни изъ мотивовъ къ 683 ст. и ни изъ текста послѣдней не видно, чтобы первое условіе, установленное въ 657 ст. для возникновенія права на вознагражденіе, было отмѣнено, какъ нецѣлесообразное. Напротивъ того, сдѣланная въ 1 п. 683 ст. ссылка на 657 ст. указываетъ, что законодатель считалъ необходимымъ, чтобы право семьи на содержаніе допускалось лишь тогда, когда убитый доставлялъ ей содержаніе, добываемое собственнымъ его трудомъ.

Что подобный принципъ не составляетъ особенноти, свойственной лишь нашей 1 ч. X т., это прежде всего явствуетъ изъ Германскаго закона 1871 года и швейцарскаго союзнаго закона 1875 г., касающихся отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за несчастія, имѣвшія мѣсто при ихъ эксплуатаціи.

Если прусскій законъ 3 ноября 1838 года почти цѣликомъ положенъ въ основу 683 ст. 1 ч. X т. по изданію 1857 г., то германскій законъ 7 іюня 1871 года послужилъ для коммиссіи статсъ-секретаря Селифонтова образцомъ нынѣ дѣйствующей 683 ст. Поэтому, особенно убѣдительно представляется справка съ этимъ закономъ.

Третій его параграфъ (первый пунктъ) постановляетъ, что „вознагражденіе убытковъ производится: 1) въ случаѣ смерти, возмѣщеніемъ расходовъ на леченіе и погребеніе, а также *возмѣщеніемъ имущественнаго убѣткѣ, понесеннаго умершимъ во время болѣзни, вслѣдствіе полной или частичной неспособности къ труду.* Если умершій въ моментъ своей смерти обязанъ былъ, на основаніи закона, содержать кого-либо, то это *лицо можетъ требовать вознагражденія, поскольку оно, вслѣд-*

стве этой смерти, лишилось своего содержания“.

Толкуя этот законъ, германскій Reichsgericht въ своихъ рѣшеніяхъ отъ 5 января 1880 и 5 янв. 1881 г. высказалъ, что мужъ не имѣеть никакого права на вознагражденіе за смерть своей жены (за исключеніемъ понесенныхъ имъ расходы на леченіе и ея погребеніе), такъ какъ на жену не возложено обязанности содержать своего мужа.

Такимъ образомъ и германскій законъ 1871 года, какъ и наша 683 ст., дѣлитъ право вознагражденія: на право возмѣщенія всѣхъ понесенныхъ по леченію и погребенію убитаго издержекъ и на право содержанія его семьи. Первое право принадлежитъ каждому потерпѣвшему, разъ имъ понесены упомянутые расходы; тогда какъ второе—право содержанія—принадлежитъ только тѣмъ, кого обязанъ былъ содержать убитый, и притомъ если они, вслѣдствіе этой смерти, лишились своего содержанія. Очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о доставленіи содержанія личнымъ трудомъ—это свидѣтельствуется первая часть 3 параграфа, гдѣ говорится о полной или частичной утратѣ трудоспособности. Засимъ это явствуетъ и изъ того, что капиталъ или недвижимое имущество, на доходы котораго содержится семья, по естественному ходу вещей, переходитъ послѣ убитаго къ той же семьѣ, которая вслѣдствіе смерти наслѣдодателя и не лишится своего содержанія, получаемаго при его жизни.

Правило германскаго закона почти буквально воспроизведено въ 1 и 2 параграфахъ 5 статьи швейцарскаго союзнаго закона отъ 1 іюля 1875 г. Въ нихъ сказано:

„Въ случаѣ причиненія смерти возмѣщаются расходы на леченіе и на погребеніе, а также ущербъ въ имуществѣ, понесенный убитымъ во время его болѣзни, вслѣдствіе совершенной или частичной неспособности къ труду“.

„Если убитый въ моментъ своей смерти былъ обязанъ содержать другое лицо, то послѣднее вправе потребовать вознагражденіе въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно лишилось содержанія вслѣдствіе этой смерти“.

Наконецъ и новѣйшій гражданскій кодексъ—германскій Bürgerliches Gesetzbuch отъ 1 іюля 1896 г. установилъ въ 844 параграфѣ тѣ же самыя условія, для возникновенія права на содержаніе.

Едва-ли далѣе умѣстно въ данномъ случаѣ, въ видѣ возраженія, ссылаться на естественное чувство справедливости. Оно, конечно, можетъ имѣть значеніе при отысканіи неяснаго для насъ намѣренія законодателя, такъ какъ всегда предполагается, что задача каждой правовой нормы заключается въ регулированіи данныхъ юридическихъ отношеній согласно съ справедливостью. Въ этомъ случаѣ изъ двухъ возможныхъ толкованій закона мы должны остановиться на томъ изъ нихъ, которое бо-

лѣе соотвѣтствуетъ чувству справедливости. Но когда буква закона ясна и не оставляетъ сомнѣнія относительно намѣренія и воли законодателя, въ немъ выраженной, тогда слѣдуетъ оставить въ сторонѣ всѣ постороннія соображенія и памятовать, что *dura lex, sed lex*.

Еще менѣе имѣеть значенія ссылка на экономическую цѣнность: мужа, какъ главы семейства, жены, какъ хозяйки дома, и дѣтей, какъ будущихъ полезныхъ гражданъ. Мы указали уже, что не только нашъ законъ, но и тѣ законодательства, которыя устанавливаютъ специальную отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ за причиненіе смерти или поврежденія въ здоровьѣ, не ставятъ права на вознагражденіе въ какую-либо зависимость отъ экономической стоимости убитаго. Да оно и понятно, такъ какъ такой зависимости въ дѣйствительности и не существуетъ.

Если человѣкъ, хотя бы ничего не дѣлающій и ни на что неспособный, живущій, положимъ, пожизненною рентою, оставленной ему близкими или дальними родственниками, часть своей ренты тратилъ на семью, то причиненіе ему смерти повлечетъ за собою дѣйствительный ущербъ для семьи, которая лишится того, что она получала. А отсюда ея право на вознагражденіе не только по нашему закону, но и по всѣмъ извѣстнымъ намъ европейскимъ законодательствамъ.

Точно также безспорно, что человѣкъ, жившій собственными трудами капиталъ и могущій въ будущемъ его удвоить или утроить, составляетъ болѣе или менѣе крупную экономическую величину. Между тѣмъ причиненіе ему смерти, при эксплоатации, положимъ, желѣзной дороги, не порождаетъ для его семьи права на вознагражденіе, если только съ капитала, перешедшаго семьѣ въ наслѣдство, будетъ получаться въ видѣ процентовъ сумма не менѣе той, которая выдавалась на ея содержаніе при жизни убитаго.

Этотъ послѣдній примѣръ наглядно указываетъ, что ни экономическая цѣнность убитаго, ни возможность для семьи потери выгоды въ будущемъ—сами по себѣ не порождаютъ права на вознагражденіе. Хотя убитый въ данномъ случаѣ и содержалъ семью, которая, благодаря преждевременной его смерти, лишилась возможнаго обогащенія въ будущемъ, но право на содержаніе ей не принадлежитъ, потому, во-первыхъ, что смерть не повлекла за собою уменьшенія тѣхъ средствъ существованія, которыя получались ею отъ убитаго въ моментъ его смерти, а во-вторыхъ потому, что законъ обязываетъ вознаграждать потерпѣвшаго за такія имущественныя выгоды, которыя онъ имѣлъ, и которыхъ онъ лишился вслѣдствіе случившагося несчастія.

Нельзя забывать, что есть тяжелыя утраты, для опредѣленія имущественной стоимости которыхъ, однако, нельзя отыскать масштаба. Какъ

оцѣнить стоимость жены, какъ подруги мужа, служащей нравственной поддержкою въ его трудахъ? Поддаются-ли оцѣнкѣ любовь и попеченіе родителей относительно своихъ дѣтей? Какъ оцѣнить то горе и страданіе, которое причинить родителямъ смерть ихъ ребенка?

Помимо того, обуславливать право на вознагражденіе экономическою цѣнностью убитаго было бы и нежелательно. Въ самомъ дѣлѣ, при разсмотрѣніи дѣлъ о вознагражденіи за причиненіе смерти мужу или женѣ пришлось бы каждый разъ вторгаться въ частную сферу домашней жизни и, съ вѣсами въ одной рукѣ и перомъ въ другой, взвѣшивать, а затѣмъ отмѣчать положительныя и отрицательныя достоинства убитаго. По отношенію, напр., къ опредѣленію экономической стоимости жены нужно было бы изслѣдовать, сколько мужъ тратилъ на нее изъ своихъ средствъ и во что могъ быть оцѣненъ личный ея трудъ, какъ хозяйки дома, такъ какъ безъ сопоставленія этихъ двухъ величинъ нельзя опредѣлить, являлась-ли жена въ домашнемъ хозяйствѣ положительною или отрицательною экономическою величиною.

II.

Въ сущности тѣ же условія необходимы по закону для возникновенія права на вознагражденіе за поврежденіе здоровья.

Согласно приведенному нами выше 1 п. 683 ст., это право опредѣляется на основаніи 660 и 661 ст., съ соблюденіемъ особенностей, указанныхъ во второмъ и послѣдующихъ пунктахъ 683 ст.

Въ 660 ст. постановлено:

„Виновный въ причиненіи кому-либо поврежденія въ здоровьѣ обязанъ вознаградить за расходы на леченіе того, кому нанесъ онъ сіе поврежденіе, и на попеченіе о немъ во время болѣзни; а если онъ имѣетъ семейство и содержитъ его собственными трудами, то и возвратитъ ему суммы, употребленныя на содержаніе семейства, до самаго времени его совершеннаго выздоровленія“.

Здѣсь, такимъ образомъ, предусмотрѣнъ случай причиненія временнаго разстройства въ здоровьѣ, причемъ устанавливается, какъ и въ случаяхъ причиненія смерти, на тѣхъ же основаніяхъ, право на двоякаго рода вознагражденіе, а именно: право на возмѣщеніе расходовъ по леченію пострадавшаго и по попеченію о немъ во время болѣзни, и право на содержаніе семьи до его выздоровленія. При этомъ особенно рельефно подчеркивается, что право на содержаніе семьи возникаетъ лишь тогда, когда пострадавшій содержитъ ее собственнымъ трудомъ.

Законодатель, очевидно, имѣлъ въ виду возмѣстить только то, что потеряно и что собственно вызвано случившимся несчастіемъ. Зарабатываетъ-ли потерпѣвшій собственнымъ тру-

домъ средства къ существованію или нѣтъ—расходъ на леченіе и попеченіе о немъ во время болѣзни не былъ бы произведенъ, если бы ему не причинили разстройства въ здоровьѣ. Отсюда понятно, что эти экстренные расходы составляютъ во всякомъ случаѣ прямой ущербъ въ имуществѣ, а слѣдовательно и должны подлежать возврату. Совѣмъ въ иномъ видѣ представляется содержаніе семьи во время болѣзни. Если она содержится личнымъ трудомъ потерпѣвшаго, то во время его болѣзни прекращается обычный заработокъ и для содержанія семьи приходится тратить, быть можетъ, послѣднія сбереженія. Тутъ опять мы видимъ причиненіе болѣе или менѣе точно опредѣленнаго имущественнаго ущерба, который и долженъ быть возмѣщенъ.

Если однако потерпѣвшій не добываетъ средствъ къ существованію семьи личнымъ трудомъ, а доставляетъ ей содержаніе, положимъ, изъ доходовъ съ своего капитала, или самъ живетъ на ея средства, то семья и во время болѣзни получаетъ то же содержаніе, и расходы нисколько не увеличиваются вслѣдствіе этой болѣзни. Такимъ образомъ непосредственнаго имущественнаго ущерба относительно содержанія семьи не причиняется, а слѣдовательно не можетъ и возникнуть самое право на содержаніе.

661 ст. предусматриваетъ такое поврежденіе въ здоровьѣ, которое имѣетъ своимъ послѣдствіемъ полную или частичную утрату трудоспособности. Она изложена такъ:

„Если... кто-либо потерпѣлъ такое разстройство въ здоровьѣ, что онъ чрезъ то лишенъ навсегда возможности снискивать себѣ пропитаніе своими обычными трудами, то виновный обязанъ обезпечить существованіе его и семейства его...“

Здѣсь говорится только о правѣ на содержаніе, причемъ это право точно также возникаетъ лишь для лица, которое живетъ своимъ заработкомъ и для котораго, слѣдовательно, потеря трудоспособности равносильна лишенію средствъ къ существованію. Отсюда неизбѣжный логическій выводъ, что лицо, не получающее средствъ къ жизни своимъ трудомъ, а само получающее отъ кого-либо содержаніе, не имѣетъ и того права, о которомъ говорится въ 661 ст. Все, что ему принадлежитъ—это право на возмѣщеніе расходовъ, произведенныхъ на его леченіе и попеченіе о немъ во время болѣзни.

Такимъ образомъ, мать семейства, являющаяся только простою хозяйкою дома, не принимающая непосредственнаго участія въ добычаніи средствъ существованія семьи, и дѣти, живущія на попеченіи родителей, не имѣютъ права на содержаніе. Въ подобныхъ случаяхъ право иска можетъ принадлежать главѣ семьи постольку, поскольку постоянное разстройство

здоровья его жены или дѣтей увеличить расходы на ихъ содержаніе.

На разрѣшеніе Правительствующаго Сената не ставились такого рода вопросы, и въ своихъ рѣшеніяхъ за 1882 г. № 93 и за 1883 г. № 7 онъ только указалъ, что 660 ст. имѣетъ въ виду временное разстройство здоровья, а 661 ст. такое поврежденіе, которое должно отозваться на положеніи потерпѣвшаго не только въ періодъ непосредственнаго за событіемъ врачеванія, но и въ будущемъ. При этомъ въ послѣднемъ рѣшеніи имъ, между прочимъ, высказано было, что „истецъ, уже производившій расходы на леченіе и поставленный вообще въ необходимость *отказаться отъ своихъ обычныхъ занятій, составляющихъ источникъ средствъ къ существованію*, имѣетъ право на вознагражденіе, предоставленное какъ 660, такъ и 661 ст. 1 ч. X т.“

Тутъ кассационный Сенатъ, толкуя 661 ст. (которая имѣетъ въ виду невозможность для потерпѣвшаго заниматься своимъ обычнымъ трудомъ), указываетъ тѣ условія, при наличности которыхъ возникаетъ право на вознагражденіе (*полную или частичную утрату трудоспособности, составляющей для потерпѣвшаго источникъ средствъ къ существованію*), но затѣмъ не отличаетъ права на содержаніе, о которомъ идетъ рѣчь въ 661 и во 2 ч. 660 ст., отъ права на возмѣщеніе расходовъ, каковое право принадлежитъ всякомъ потерпѣвшему, понесшему расходы на леченіе своей болѣзни (1 ч. 660 ст.).

Затѣмъ, такія же правила установлены какъ въ германскомъ законѣ 1871 года, такъ и въ союзномъ швейцарскомъ законѣ 1875 г.

2 п. 3 параграфъ германскаго закона говорить:

„Вознагражденіе убытковъ производится въ случаѣ поврежденія въ здоровьѣ—возмѣщеніемъ расходовъ на леченіе *и убытка въ имущество, происшедшаго вслѣдствіе временной, или постоянной неспособности къ труду, или же уменьшенія трудоспособности*“.

Точный и ясный смыслъ этого правила не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что право иска въ данномъ случаѣ принадлежитъ лишь лицу, которое своими трудами доставляло себѣ и своей семьѣ средства къ существованію, такъ какъ только для такого лица лишеніе возможности трудиться причиняетъ имущественный ущербъ. Такъ это правило понимаетъ и извѣстный комментаторъ закона 1871 года Эгеръ (*Das Reichs-Haftpflicht-Gesetz, betr. die Verbindlichkeit zum Schadenersatz für die bei dem Betriebe von Eisenbahnen, Bergwerken... vom 7 Juni 1871. Breslau, 1878, s. 320.*)

Наконецъ, 3 п. 5 ст. швейцарскаго союзнаго закона 1875 г. воспроизводитъ правило германскаго закона. Въ немъ изложено:

„Въ случаѣ причиненія тѣлеснаго поврежденія возмѣщаются издержки на леченіе и *ущербъ въ имущество, понесенный пострада-*

давшимъ вслѣдствіе происшедшаго отъ поврежденія временнаго, или постояннаго, лишенія или уменьшенія способности къ труду“.

Г. Осецкій въ упомянутомъ своемъ сочиненіи (стр. 87 и 88), не останавливаясь на условіяхъ возникновенія права на содержаніе по 661 ст. 1 ч. X т., какъ бы мимоходомъ, возбуждаетъ вопросъ о томъ: имѣетъ ли право *ребенокъ*, потерпѣвшій вредъ въ здоровьѣ, на вознагражденіе, если доказано, что во время причиненія ему вреда онъ, вслѣдствіе своего возраста, не могъ снискивать себѣ пропитаніе? Очевидно, здѣсь возбуждается вопросъ о правѣ на содержаніе, а не о правѣ на возмѣщеніе расходовъ, понесенныхъ на леченіе ребенка. Ссылаясь на логику и простой здравый смыслъ, г. Осецкій разрѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. Сверхъ того, въ защиту своего взгляда онъ приводитъ слѣдующія соображенія: „Каждое вознагражденіе за вредъ въ здоровьѣ вытекаетъ столько же изъ соображеній прошедшаго, сколько и будущаго времени. Врачъ зарабатывалъ 6,000 р. въ годъ; вдовѣ его будетъ присуждено соразмѣрное вознагражденіе въ силу того соображенія, что онъ, вѣроятно, и въ будущемъ зарабатывалъ бы столько же,—такимъ образомъ, соображаясь съ состояніемъ здоровья ребенка до постигшаго его несчастія (нормальныя умственные способности, здоровое тѣлосложеніе и т. п.) съ общественнымъ положеніемъ его родителей и другими обстоятельствами, можно съ достовѣрностью рѣшить, какой имущественный вредъ въ будущемъ причинило ему увѣчье“.

Прежде всего, съ точки зрѣнія *legis latae* не имѣетъ значенія то обстоятельство, насколько возможно доказать причиненіе ребенку, посредствомъ поврежденія его здоровья, имущественнаго вреда въ будущемъ, такъ какъ 661 ст. категорически указываетъ тѣ условія, которыя необходимы для возникновенія права на содержаніе. Коль скоро, для примѣненія 661 ст., *требуется, чтобы потерпѣвшій вполне или отчасти утратилъ ту трудоспособность, которая служила для него источникомъ средствъ къ существованію*, то, очевидно, къ числу такихъ потерпѣвшихъ не можетъ быть отнесенъ ребенокъ, получающій содержаніе отъ своихъ родителей. Вотъ если бы въ 661 ст. 1 ч. X т. было оговорено, на подобіе 843 параграфъ герм. гр. уложенія отъ 1 іюля 1896 года*), что вознагражденіе можетъ быть назначено и тогда, когда потерпѣвшій имѣетъ право на полученіе содержанія отъ другого лица, то конечно, взглядъ г. Осецкаго находилъ бы нѣкоторую опору въ законѣ. Но и тогда пред-

*) 4-й пунктъ означеннаго параграфъ постановляетъ:

„Der Anspruch wird nicht dadurch ausgeschlossen dass ein Anderer dem Verletzten Unterhalt zu gewähren hat“.

ставлялись бы серьезные возражения против правильности такого взгляда. Казалось бы невозможным отыскивать определенную, известную величину, имея в руках одни неизвестные и неопределенные величины. В самом деле, при повреждении здоровья ребенка приходится определить, в болье или менее отдаленном будущем, сь одной стороны, стоимость его труда, а сь другой—необходимость приложенія этого труда къ добыванію средствъ существованія. На основаніи какихъ же данныхъ предлагается разрѣшить столь сложную задачу? Вь силу простыхъ предположеній (т. е. неизвестныхъ величинъ), что умственное и физическое здоровье ребенка вь данный моментъ (каковымъ можетъ быть и нахождение его вь пеленкахъ) создастъ изъ него рабочую силу известной стоимости, а положеніе его родителей вь періодъ его младенчества и отрочества, оставаясь неизмѣннымъ къ періоду его зрѣлости, побудитъ эту рабочую силу добывать известный, опредѣленный заработокъ. Разрѣшеніе такой задачи, по нашему мнѣнію, представляется совершенно невозможнымъ.

Прежде всего, статистика смертности указываетъ намъ, какъ великъ процентъ смертности вь дѣтскомъ возрастѣ, а отсюда слѣдуетъ, что по отношенію къ ребенку существуетъ более шансовъ, что онъ умретъ, не доживши до періода, когда изъ него можетъ сдѣлаться полезный работникъ.

Затѣмъ, факты ежедневной жизни свидѣлствуютъ, что у даровитыхъ и трудящихся родителей нерѣдко бывають совершенно бездарныя дѣти и притомъ иногда тунейдцы. Мало того, вь одной и той же семьѣ дѣти, поставленныя, повидимому, вь одинаковыя условія, весьма часто бывають различны по своему умственному и нравственному складу (что особенно рельефно сказывается вь періодъ возмужалости).

Далее несомнѣнно, что даже вь судьбѣ взрослога человѣка, а не только ребенка, играетъ немаловажную роль рядъ такихъ случайныхъ, привходящихъ элементовъ, которые не могутъ быть заранѣе ни предусмотрѣны, ни регулированы.

Наконецъ, известное положеніе родителей вь данный періодъ можетъ совершенно измѣниться при достиженіи ихъ ребенкомъ возмужалости. При этомъ тѣ же явленія повседневной жизни показываютъ, что подобныя измѣненія бывають то вь худшую, то вь лучшую сторону.

Полагаемъ, что при такихъ условіяхъ нецѣлесообразно возлагать на судъ обязанность опредѣлять размѣръ вознагражденія за причиненіе ребенку поврежденія вь здоровьѣ. Не такова задача суда вь случаѣ причиненія смерти врачу, зарабатывавшему 5000 р. вь годъ.

Тутъ имѣется точно опредѣленная величина заработка. Суду, такимъ образомъ, возможно установить какъ наличность его трудоспособ-

ности, такъ и ея стоимость. Для противной стороны, т. е. желѣзной дороги, представляется полная возможность доказывать случайность заработка, если таковая имѣетъ мѣсто, и, на основаніи подлежащихъ провѣрокъ данныхъ, установить иную среднюю доходность врачебной практики умершаго. Если, затѣмъ, здѣсь принимается вь расчетъ и неопредѣленное будущее, то эта одна неизвестная величина опредѣляется на основаніи другихъ положительныхъ, подлежащихъ точному вычисленію, величинъ.

Итакъ, соображеніе вышеизложенныхъ данныхъ даетъ основаніе придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Что право на вознагражденіе за причиненіе смерти и поврежденіе вь здоровьѣ заключается, во-1-хъ, вь правѣ на возмѣщеніе расходовъ, вызванныхъ причиненіемъ смерти или поврежденіемъ здоровья (какъ то: леченіе и погребеніе), и во-2-хъ, вь правѣ на содержаніе (или одной семьи, или семьи вмѣстѣ сь пострадавшимъ отъ несчастія, или, наконецъ, только этого послѣдняго).

2) Что право на возмѣщеніе расходовъ принадлежитъ всякому пострадавшему, если только расходы дѣйствительно понесены и вызваны были случившимся несчастіемъ, и, наконецъ,

3) Что право на содержаніе принадлежитъ: а) семьѣ убитаго, если послѣдній доставлялъ ей содержаніе своимъ личнымъ трудомъ; б) семьѣ лица, потерпѣвшаго временное разстройство вь здоровьѣ, до его выздоровленія, если она кормилась его заработкомъ, и в) самому непосредственно пострадавшему и его семьѣ, или ему одному (если у него нѣтъ семьи), если случившееся сь нимъ несчастіе повлекло за собою полную или частичную утрату трудоспособности, составляющей источникъ средствъ къ существованію.

К. П. Змирловъ.

Гражданская отвѣтственность соучастниковъ вь злостномъ банкротствѣ.

Вь предыдущемъ № „Права“ (стр. 525) напечатано было весьма интересное и важное вь практическомъ отношеніи рѣшеніе Одесскаго окр. суда по вопросу о размѣрѣ гражданской отвѣтственности соучастниковъ вь злостномъ банкротствѣ. Окружный судъ пришелъ къ тому выводу, что, при недоказанности между *всѣми* соучастниками соглашенія, отвѣтственность каждого ограничивается суммою сокрытаго именно даннымъ соучастникомъ имущества несостоятельнаго должника.

Выводъ этотъ представляется намъ весьма спорнымъ и противорѣчающимъ положеніямъ закона по разсматриваемому вопросу. По отношенію къ преступленіямъ, совершеннымъ нѣсколькими лицами, законъ (ст. 11) „принимаетъ вь уваженіе: учинено-ли сіе преступленіе по

предварительному всёхъ или нѣкоторыхъ виновныхъ на то согласію, или безъ онаго“. Третьяго вида законъ не знаетъ и, слѣдовательно, не только въ томъ случаѣ, если преступленіе совершено по взаимному всёхъ участниковъ соглашенію, но и тогда, когда одинъ изъ уговаривающихся не зналъ, что другою уговорился еще съ третьимъ, преступленіе должно быть разсматриваемо какъ совершенное по предварительному согласію, хотя бы потому, что, при наличности ряда уговоровъ, оно не можетъ быть подведено подъ понятіе преступнаго дѣянія, учиненнаго безъ согласія, а *tertium non datur*. Такъ напр., при кражѣ предварительный уговоръ главнаго виновника съ двумя лицами, изъ коихъ каждое не знаетъ ничего о соучастіи другого, дѣлаетъ, тѣмъ не менѣе, обоихъ виновными въ совершеніи преступленія по предварительному соглашенію, въ смыслѣ 12 ст. ул. о нак. Итакъ, въ законѣ нельзя найти никакихъ указаній, чтобы наличность или отсутствіе предварительнаго между *всѣми* соглашенія въ какой-либо мѣрѣ вліяло на законное понятіе преступленія, совершеннаго по предварительному уговору двухъ или многихъ лицъ. По разъясненіямъ же кас. практики (см. Таганцевъ улож. о наказ., тес. 24 подъ ст. 11), если преступленіе совершено совокупно или силами нѣсколькихъ лицъ, то на каждое изъ нихъ, какъ бы ни была незначительна степень содѣйствія его своимъ товарищамъ, падаетъ цѣлое преступное дѣяніе въ цѣломъ его составѣ.

Въ отношеніи гражданской отвѣтственности преступниковъ за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ, законъ идетъ еще дальше. Между тѣмъ какъ, по 119 ст. ул. о нак., мѣра наказанія соучастникамъ опредѣляется *по мѣрѣ содѣйствія* ихъ зачинщикамъ, гражд. отвѣтственность за убытки распределяется *поровну* между участниками преступленія, дѣйствовавшими по предварительному ихъ между собою на то согласію (ст. 648), причемъ въ случаѣ несостоятельности кого-либо одинъ отвѣчаетъ за всёхъ и всё за одного. Напротивъ, если нѣтъ предварительнаго согласія (ст. 650), то нѣтъ и солидарной отвѣтственности: каждый изъ виновныхъ обязанъ вознаградить именно за тѣ убытки и вредъ, которые причинены при семъ его дѣйствіями. Наконецъ, возможно и сочетаніе обоихъ случаевъ, если при совершеніи преступленія по предварительному уговору одинъ или нѣсколько участниковъ совершаютъ еще и другое преступленіе безъ предварительнаго согласія съ другими. Въ такомъ случаѣ (ст. 649) имѣетъ примѣненіе отвѣтственность по 648 и 650 ст., т. е. сверхъ отвѣтственности по 648 ст., лицо или лица, совершившія безъ уговора еще и другое преступленіе, отвѣчаютъ за вредъ, причиненный *этимъ другимъ* преступленіемъ по 650 ст. Вотъ почему слѣдуетъ признать неправильнымъ взглядъ окр. суда,

который вмѣсто точнаго и яснаго различенія, проведеннаго въ законѣ, смѣшиваетъ въ одно всё эти случаи и совершенно неправильно представляетъ въ качествѣ общаго принципа, что „всякій отвѣчаетъ за убытки, причиненные его дѣйствіями“. Какъ согласовать, напр., этотъ взглядъ съ правиломъ 651 ст., которая возлагаетъ на недоносителей отвѣтственность за ту часть убытковъ, которую сами виновные заплатить не въ состояніи?

Итакъ, приведенныя выше 3 статьи, опредѣляющія гражданскую отвѣтственность соучастниковъ въ преступленіи, точно также не даютъ ни малѣйшаго основанія ставить характеръ этой отвѣтственности въ зависимость отъ того, совершено-ли преступленіе по предварительному между собою уговору всёхъ или отдѣльныхъ участниковъ. Поэтому, съ точки зрѣнія нашего закона, кажется лишеннымъ всякаго юридическаго значенія указаніе суда на то, что для сокрытія разныхъ частей своего имущества, для переукрѣпленія той или другой цѣнности, для обремененія своего имущества тѣмъ или другимъ фиктивнымъ долгомъ банкротъ можетъ обратиться и въ большей части случаевъ дѣйствительно обращается къ разнымъ лицамъ, входя въ соглашеніе съ однимъ съ цѣлью переукрѣпить одно имѣніе, съ другимъ—съ цѣлью фиктивно составить или переучесть долговое обязательство, причемъ участникъ банкрота въ одномъ подлогѣ не только можетъ не участвовать, но даже и не знать о другихъ подлогахъ, совершенныхъ при участіи другихъ лицъ.

Для того, чтобы это обстоятельство могло имѣть какое либо значеніе въ вопросѣ о распредѣленіи гр. отвѣтственности между соучастниками въ преступленіи, необходимо было бы доказать, что нашъ законъ изъемлетъ злонамѣренное банкротство изъ общихъ принциповъ и конструируетъ соучастіе въ немъ на особые началахъ, исключаящихъ возможность примѣненія къ нему установленныхъ выше общихъ правилъ о гражд. отвѣтственности соучастниковъ. Окружный судъ такъ, повидимому, и думаетъ, утверждая, что „наше уголовное законодательство, собственно говоря, не знаетъ соучастниковъ въ злостномъ банкротствѣ вообще; въ ст. 1163 и 1166 ул. о нак., нормирующихъ послѣдствія злонамѣреннаго банкротства, не упоминается о соучастникахъ; вина соучастниковъ предусмотрена 1164 и 1167 ст. ул. о наказ., въ которыхъ идетъ рѣчь не „объ участіи въ злонамѣренномъ банкротствѣ вообще“, а только „объ участіи въ подлогахъ злонамѣреннаго банкрота“, т. е. объ умышленномъ участіи въ тѣхъ обманнхъ дѣйствіяхъ, которыя приняты банкротомъ съ цѣлью сокрытія своего имущества отъ кредиторовъ, и имѣли послѣдствіемъ такое сокрытіе“.

Дѣйствительно, 1164 ст. упоминаетъ только объ участіи въ подлогахъ, но отсюда вовсе нельзя сдѣлать тѣхъ выводовъ, къ которымъ

пришелъ окр. судъ. По ст. 483 уст. суд. торг. — несостоятельность есть подложная и называется злонамѣреннымъ банкротствомъ, когда неоплатность соединена съ умысломъ или подлогомъ. Слово „подлогъ“ употребляется здѣсь не въ тѣсномъ смыслѣ спеціального вида преступленія, предусмотрѣннаго 1690 и другими ст. уложения; это выраженіе, какъ указываютъ объясненія редакціонной комиссіи къ проекту уголовного уложения (т. VII, стр. 422, 436), заимствованное изъ устава о несостоятельности 1832 г., понимается въ широкомъ смыслѣ живыхъ поступковъ всякаго рода, причемъ нѣкоторые примѣры ихъ (а не исчерпывающій перечень) содержатся въ уст. судопр. торг., а именно: неправильное веденіе торговыхъ книгъ; неисполненіе обязанности при описи имущества и составленіи смѣты долговъ открыты безъ малѣйшей утайки и подлога все свое состояніе; противозаконное отчужденіе имѣнія безденежно, и растрата товаровъ, ввѣренныхъ виновному для отправленія по комиссіи.

Отсюда ясно, что необходимый признакъ злостнаго банкротства, отличающій его отъ другихъ видовъ банкротства, есть подлогъ въ смыслѣ живыхъ поступковъ и, слѣдовательно, соучастіе въ злостномъ банкротствѣ только и можетъ выразиться въ участіи въ подлогахъ злонамѣреннаго банкрота. Поэтому, выраженіе 1164 ст., предусматривающее не участіе въ злонамѣренномъ банкротствѣ, а участіе въ подлогахъ (едва ли нужно доказывать, что и здѣсь слово подлогъ употреблено въ широкомъ смыслѣ живыхъ поступковъ) не даетъ ни малѣйшаго основанія заключать объ особомъ видѣ соучастія, такъ какъ эти выраженія вполне равнозначны: безъ подлога нѣтъ злостнаго банкротства, безъ участія въ подлогахъ нѣтъ соучастія въ злостномъ банкротствѣ. Такому пониманію вполне отвѣчаетъ санкція 1164 ст.: участники въ подлогахъ подвергаются наказаніямъ *по общимъ правиламъ*, въ ст. 119 ул. постановленнымъ о сообщникахъ въ преступленіи. Иначе, если бы подлогъ рассматривать, какъ самостоятельное дѣяніе, не входящее непремѣннымъ признакомъ въ понятіе злостнаго банкротства, то и отвѣтственность соучастниковъ опредѣлялась бы не общими правилами о соучастіи, а ст. 123, трактующей о сообщникахъ, которые, сверхъ преднамѣреннаго преступленія, участвовали въ содѣяніи другого.

Такимъ образомъ, участвуя въ подлогахъ, лицо не совершаетъ особаго преступленія, *sui generis*, — самъ по себѣ живой поступокъ можетъ и не составлять уголовно наказуемаго дѣянія, — оно участвуетъ въ злонамѣренномъ банкротствѣ, т. е., по выраженію проф. Фойницкаго (курсъ, стр. 370), въ сокращеніи объема удовлетворенія кредиторовъ несостоятельнаго должника путемъ искусственнаго и фиктивного

умаленія его имущественной сферы. И какъ бы незначительно его участіе ни было, лицо это будетъ наказано по общимъ правиламъ о соучастіи, и нѣтъ никакихъ основаній освобождать его отъ отвѣтственности по общимъ правиламъ X т.

По мнѣнію суда, это возможно лишь тогда, если доказано предварительное соглашеніе *всѣхъ* соучастниковъ. Допустимъ, что былъ лишь одинъ соучастникъ. Въ такомъ случаѣ имѣется на лицо признакъ соглашенія *всѣхъ* (т. е. виновника главнаго съ соучастникомъ) и, слѣдоват., здѣсь соучастникъ долженъ отвѣчать по ст. 648 т. X ч. 1, хотя бы онъ по прежнему принялъ подложное обязательство лишь въ 500 р. Но гдѣ же основаніе въ законѣ, чтобы отличать этотъ случай отъ того, когда, согласившись съ однимъ учинить злонамѣренное банкротство, главный виновникъ привлечетъ, безъ вѣдома этого лица, и другихъ — для неправильнаго веденія торговыхъ книгъ, сокрытія части имущества и т. п.

Подтвержденіе своего взгляда окр. судъ усматриваетъ въ 3 п. 624 ст. уст. торг. суд., въ коемъ послѣдствіемъ злонамѣреннаго банкротства указывается взысканіе съ участниковъ уплатъ по долгамъ, признанныхъ подложными. Но эта статья не имѣетъ исчерпывающаго характера: достаточно указать, что она не упоминаетъ о возвращеніи сокрытаго имущества. Да и во всякомъ случаѣ, статья эта имѣетъ своимъ источникомъ уложеніе 1845 г., а законъ объ отвѣтственности за вредъ, причиненный преступленіемъ, изданъ въ 1851 г., и такъ какъ въ этомъ общемъ законѣ не сдѣлано изъятія въ пользу злостнаго банкротства, то 624 ст. уст. суд. торг. не можетъ служить препятствіемъ къ распространенію на рассматриваемый видъ преступленія общаго принципа гражд. отвѣтственности.

По общему же принципу (ст. 644) возмѣщенію подлежитъ либо непосредственно причиненный дѣяніемъ вредъ, либо, согласно 645 ст. X т., и болѣе отдаленный, если, какъ въ случаѣ злостнаго банкротства (см. Фойницкій, курсъ, с. 370), преступленіе совершено именно съ намѣреніемъ причинить эти убытки. Поэтому, всѣ тѣ убытки, которые причинены живыми поступками (но не самой неоплатностью должника, какъ справедливо замѣчаетъ судъ), должны быть поровну возмѣщены соучастниками, за солидарной ихъ отвѣтственностью.

И. Гессенъ.

Обозрѣніе уголовной кассационной практики за 1897 г.

1. Присвоеніе вопречнаго или мошенничества?

Тифлисская судебная палата, рассмотрѣвъ, по апелляціонному отзыву подсудимыхъ, дѣло

по обвиненію Якова и Ксеніи М. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1666 улож. о нак., усмотрѣла, что они, пользуясь дряхлостью лѣтъ Б., убѣдили послѣднюю взять изъ сберегательной кассы принадлежавшіе ей 463 р. 18 коп. и передать эти деньги имъ, обязавшись содержать ее пожизненно у себя, но затѣмъ, отрицая фактъ получения этой суммы, прогнали Б. безъ всякихъ средствъ къ жизни, каковое дѣяніе должно быть разсматриваемо не какъ мошенничество, а какъ присвоеніе ввѣреннаго для извѣстнаго употребленія чужого имущества. Въ протестѣ товарища прокурора, принесенномъ на приговоръ палаты, указывается, между прочимъ, на наличность существенныхъ признаковъ мошенничества въ признанныхъ палатою дѣяніяхъ М—ыхъ.

Прав. Сенатъ, разсматривая дѣло 4 марта 1897 г., (об. № 13), нашелъ, что „въ дѣяніи М—ыхъ, установленномъ палатою, заключаются всѣ необходимые признаки присвоенія ими имущества Б., ввѣреннаго имъ для израсходования его на ея содержаніе, и что въ убѣжденіи М—ыми Б—ой взять свои деньги изъ сберегательной кассы и передать ихъ имъ не содержится уголовно-наказуемаго обмана, входящаго, какъ существенная часть, въ составъ преступленія мошенничества“.

Какъ въ выводахъ Тифлисской судебной палаты, такъ и въ рѣшеніи Сената нельзя не замѣтить нѣкоторой натяжки. О присвоеніи, согласно ст. 177 уст. о нак., можно говорить только тогда, когда объектомъ его является имущество, ввѣренное для извѣстнаго употребленія. Поэтому, къ данному дѣлу ст. 177 могла бы быть примѣнена только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что обвиняемые присвоили себѣ деньги, ввѣренные имъ для пожизненнаго содержанія на эти деньги Б—ой. Но изъ приведенной резолюціи усматривается только, что обвиняемые уговорили Б—у взять деньги изъ сберегательной кассы и передать эти деньги имъ, обязавшись содержать ее пожизненно у себя. Согласившись на это предложеніе, Б. заключила съ М—ыми безыменный договоръ, какіе часто встрѣчаются въ нашемъ крестьянскомъ быту, и послѣдовавшее засимъ неисполненіе этого договора давало Б—ой право, на основаніи 579 и 1536 ст. Х т. 1 ч., предъявить къ своимъ контрагентамъ искъ въ гражданскомъ судѣ. Даже съ точки зрѣнія болѣе широкой постановки понятія наказуемаго присвоенія, чѣмъ та, которая дается нашимъ закономъ, нельзя усмотрѣть признаковъ этого преступленія въ неисполненіи принятаго на себя обязательства.

Если здѣсь, стало быть, нѣтъ наказуемаго присвоенія, потому что нѣтъ имущества, ввѣреннаго для извѣстнаго употребленія, то возникаетъ вопросъ, возбужденный товарищемъ прокурора: не слѣдуетъ ли видѣть въ дѣяніи Якова и Ксеніи М—ыхъ мошенничество?

Сенатъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно, говоря, что въ убѣжденіи М—ыми Б—ой взять свои деньги изъ сберегательной кассы и передать ихъ имъ не содержится уголовно-наказуемаго обмана. Такой выводъ логически вытекаетъ изъ признанія того, что переданныя деньги были ввѣрены обвиняемымъ для содержанія Б—ой. Теоретически совершенно правильно утвержденіе, что если обманъ употребленъ для того, чтобы побудить кого-либо ввѣрить обманщику какую-либо вещь, имѣющую быть возвращенной или употребленной извѣстнымъ образомъ, то не можетъ быть рѣчи о мошенничествѣ. Школьный примѣръ: А. отдаетъ въ починку свои плохіе часы часовщику Б. для того, чтобы получить отъ него на подержаніе хорошіе часы, которыхъ онъ не возвратитъ: здѣсь нѣтъ мошенничества, такъ какъ Б. въ моментъ передачи не переноситъ никакого права собственности, а лишь владѣніе. Преступное дѣяніе А. заключается не въ томъ, что онъ получилъ часы, а въ томъ, что онъ ихъ не возвратилъ.

Такимъ образомъ оказывается, что поступокъ М—ыхъ не подходитъ подъ понятіе мошенничества, что въ немъ нѣтъ и признаковъ присвоенія; другими словами, онъ ненаказуемъ. Иначе, разумѣется, всякую неотдачу долга пришлось бы считать мошенничествомъ, если доказано, что занимавшій и не собиравшій отдавать, а кредиторъ полагалъ, что онъ выгодно помѣщаетъ свои деньги.

То обстоятельство, что М—ы отрицали полученіе денегъ, въ данномъ случаѣ не играетъ роли. Если на требованіе объ исполненіи договора послѣдуетъ отвѣтъ, что договоръ не былъ заключенъ, такое заpiresательство недостаточно для привлеченія контрагента къ уголовному суду.

II. *Значеніе прежней судимости въ волостномъ судѣ за кражи для признанія вновь затѣмъ учиненной кражи, наказуемой по мировому уставу, повтореніемъ таковой? (Рѣш. № 1).*

Отвѣчая на этотъ вопросъ, возникшій по поводу примѣненія 1 ч. 1655 ст. улож. о нак. къ кражѣ, учиненной лицомъ, уже трижды понесшимъ за кражу наказанія (первый разъ по приговору мирового судьи, второй и третій—по приговорамъ волостного суда), причѣмъ судъ руководился 8 п. 170 ст. уст. о нак. въ редакціи, дополненной закономъ 15 апрѣля 1896 г. *), Сенатъ остановился на томъ, что въ этомъ пунктѣ судимость въ волостныхъ судахъ, хотя бы и двукратная, поставлена, по вліянію ея

*) Ст. 170. „Определенное въ ст. 169 тюремное заключеніе можетъ быть увеличено до одного года: ...8) когда кража совершена лицомъ, уже однажды понесшимъ наказаніе за кражу или мошенничество, или хотя бы и дважды, но по приговорамъ волостного суда“. Въ томъ же смыслѣ ст. 175, п. 1.

на наказуемость, наравнѣ съ однократною судимостью въ мировыхъ установленіяхъ, но какъ изъ общаго смысла закона 15 апрѣля 1896 г., такъ и изъ соображеній, на коихъ онъ основанъ, вполнѣ очевидно, что значеніе этихъ совмѣстно поставленныхъ условій отвѣтственности юридически различно. Между тѣмъ какъ судимость въ мировыхъ установленіяхъ не только служила къ усилению отвѣтственности, но и опредѣляетъ число повтореній кражъ и ихъ подеудности, рѣшенія волостныхъ судовъ, въ случаяхъ, этими статьями указанныхъ, имѣютъ только значеніе обстоятельствъ, вліяющихъ на мѣру отвѣтственности, и никакого значенія ни при опредѣленіи повторности кражъ и мошенничествъ, ни при опредѣленіи подсудности этихъ дѣяній, ни наконецъ, при исчисленіи срока, требуемаго ст. 14¹ уст. о нак., для установленія понятія повторенія имѣть не могутъ. Такимъ образомъ, Сенатъ призналъ, что въ разсматриваемомъ случаѣ долженъ былъ имѣть примѣненіе 8 п. 170 ст. уст. о нак.

Законъ 15 апрѣля 1896 г. вызванъ былъ, какъ извѣстно, сомнѣніями по вопросу о томъ, должны-ли лица, подвергшіяся дважды наказанію за кражу или мошенничество по приговорамъ волостныхъ судовъ и вновь учинившія то же преступленіе, подлежатъ суду общихъ судебныхъ мѣстъ, согласно ст. 181 уст. о нак. Предположенія министерства юстиціи клонились къ отрицательному отвѣту, причемъ прямо указывалось, что въ этихъ случаяхъ виновные должны подлежать суду земскаго начальника, мирового или городского судьи, по принадлежности, какъ за *первую кражу* (или мошенничество). Если бы эти предположенія были приняты безъ измѣненія, то не было бы сомнѣній, что разъ, несмотря на предшествовавшую двукратную судимость въ волостномъ судѣ, послѣдующая кража, подсудная мировому судѣ, признается первой кражей, совершеніе того же проступка вновь должно быть признано совершеніемъ второй кражи. ($O+a=1a$; $O+a+a=2a$). Другими словами, счетъ кражъ, подеудныхъ мировому суду, долженъ былъ бы идти совершенно независимо отъ привходящихъ кражъ, наказанныхъ по приговорамъ волостного суда.

Однако въ этой формѣ предположенія министерства юстиціи приняты не были.

Государственный Совѣтъ нашель, что къ совершенному устраненію вліянія прежней судимости въ волостномъ судѣ на отвѣтственность виновнаго нѣтъ достаточныхъ основаній, ибо въ повтореніи проступка нельзя не видѣть укоренившейся привычки къ преступной дѣятельности. Эта вполнѣ правильная мысль нашла себѣ, однако, весьма неясное выраженіе. П. 2 ст. 181 былъ дополненъ въ томъ смыслѣ, что постановленное въ немъ правило объ опредѣленіи по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ наказанія виновныхъ въ кражѣ или мошенниче-

ствѣ, учиненныхъ въ третій разъ, не примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе было понесено обвиняемыми въ первый, либо во второй разъ, или оба раза по приговору волостного суда. Но, на ряду съ тѣмъ, статья 170 п. 8 (а равно ст. 175 п. 1) уст. о нак. были дополнены вышеприведенными опредѣленіями, не вытекавшими прямо изъ соображеній Государственнаго Совѣта: между признаніемъ необходимости вліянія прежней судимости въ волостномъ судѣ на мѣру отвѣтственности и категорической постановкой двукратной судимости въ волостномъ судѣ рядомъ съ однократной судимостью въ мировыхъ установленіяхъ есть ощутительная разница. Каковы бы ни были соображенія, на коихъ былъ основанъ законъ 15 апрѣля, изъ него буквально вытекаетъ полное отождествленіе двухъ наказаній, понесенныхъ по приговорамъ волостного суда, съ однимъ наказаніемъ, понесеннымъ по приговору земскаго начальника, городского или мирового судьи.

Нѣтъ сомнѣній, что подобное рѣшеніе вопроса представляется мало удовлетворительнымъ; такова судьба всѣхъ вопросовъ, возникающихъ на почвѣ смутныхъ и весьма слабо разработанныхъ постановленій, опредѣляющихъ взаимныя отношенія между судами волостными и другими. Но сенатское толкованіе закона 15 апрѣля приводитъ къ тому, что двукратная судимость въ волостномъ судѣ, имѣвшая мѣсто между первой и второй кражей, наказанными по приговорамъ мирового судьи, не вліяетъ уже вовсе на мѣру отвѣтственности. (Если обозначимъ кражу волостную буквой *a*, а мировую—*b*, то окажется, что п. 8 ст. 170 примѣняется во всѣхъ нижеслѣдующихъ случаяхъ: $a+a+b$; $b+b$; $b+a+a+b$).

Съ другой стороны, толкованіе это расширяетъ значеніе ст. 181 въ новой ея редакціи: если правило объ опредѣленіи по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ наказанія виновнымъ въ кражѣ или мошенничествѣ, учиненныхъ въ третій разъ, не примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе за означенныя дѣянія понесено обвиняемымъ въ первый, либо второй, либо оба раза по приговору волостного суда, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы примѣненіе этого правила исключалось въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый въ первый разъ понесъ наказаніе по приговору мирового судьи, во второй и въ третій—по приговору волостного суда. По крайней мѣрѣ, такой выводъ выходитъ изъ предѣловъ ст. 181.

Въ настоятельной необходимости болѣе широкой редакціи и болѣе правильной систематизаціи относящихся къ разсмотрѣнному вопросу статей едва-ли можетъ быть сомнѣніе, тѣмъ болѣе, что судимость въ волостномъ судѣ по существу, въ виду правилъ 1889 г., мало чѣмъ отличается отъ судимости у земскаго начальника. Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ она является факультативной: потерпѣвшій имѣеть право выбора. Затѣмъ, подсудность, въ силу ст. 165 и 167 прав. объ устр. суд. части, измѣняется при совокупности и соучастіи, и такимъ образомъ окажется, что ст. 165 ч. 1 улож. получить примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый хотя и дважды судился у земскаго начальника, но въ обоихъ случаяхъ—по совокупности, причѣмъ не кража, а другой проступокъ вліялъ на измѣненіе подсудности.

О неудобствахъ порядка принесенія касс. жалобъ по уголовнымъ дѣламъ.

Потомственный дворянинъ П. преданъ былъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по ст. 1656 улож. о нак.

Фактическая сторона, по обвинительному акту, заключалась въ томъ, что П., уходя изъ квартиры г-жи N, нашель на лѣстницѣ принадлежащей ей мѣховой воротникъ, стоящій нѣсколько рублей, и таковой заложилъ.

По обстоятельствамъ дѣла, на судѣ возникъ вопросъ, можно-ли поступокъ П. считать кражею, или въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто лишь присвоеніе находки.

Въ протоколъ судебного засѣданія было занесено, что защитникъ ходатайствовалъ о постановкѣ дополнительнаго вопроса по признакамъ ст. 178 устава о нак., но что судъ въ этомъ ему отказалъ.

На единственный, поставленный соотвѣтственно обвинительному акту, вопросъ присяжные засѣдатели отвѣтили: „да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія“.

Согласно этому вердикту, судъ, усматривая, что по признакамъ поставленнаго вопроса П. признанъ виновнымъ не въ кражѣ, а въ присвоеніи находки, приговорилъ: подвергнуть П. штрафу въ 10 руб., отъ какового штрафа по Всемилоствѣйшему манифесту его освободить.

Между тѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ П. былъ вновь вызванъ въ судъ, какъ обвиняемый по тому же дѣлу.

Оказалось, что прокуроръ принесъ кассационный протестъ въ порядкѣ ст. 915 уст. угол. суд., доказывая, что вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей П. признанъ виновнымъ не по ст. 178 уст. о нак., а по ст. 1656 улож., и что поэтому, оставя въ силѣ вердиктъ присяжныхъ засѣдателей, самый приговоръ, за нарушеніемъ ст. 1656 ул., долженъ быть отмѣненъ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: приговоръ суда, въ части, касающейся мѣры наказанія, отмѣнить, и дѣло передать для опредѣленія наказанія по ст. 1656 улож. о нак. въ другое отдѣленіе суда.

При вторичномъ разсмотрѣнн дѣла окружный судъ, согласно ст. 930 уст. уг. суд. и ст. 1656 улож. о н., приговорилъ П. къ лишенію особыхъ правъ, а слѣдовательно и дворянскаго достоинства, и заключенію въ тюрьму.

Иначе судъ поступить не могъ, и исправить нарушенія, допущенныя при первоначальномъ разбирательствѣ, конечно, не было никакой возможности. Между

тѣмъ весьма возможно, что этотъ суровый приговоръ суда основанъ на вердиктѣ, постановленномъ присяжными засѣдателями несогласно съ ихъ намѣреніемъ и по обстоятельствамъ дѣла, а лишь по недоразумѣнію.

Въ самомъ дѣлѣ. Если при разсмотрѣнн дѣла по существу судъ, состоящій изъ юристовъ, полагаель, что П. обвиняется не въ кражѣ, а въ присвоеніи находки, то нужно полагать, что и присяжные засѣдатели не имѣли намѣренія признать П. виновнымъ въ кражѣ.

Довольный приговоромъ подсудимый не имѣлъ основанія приносить кассационную жалобу, хотя судъ и допустилъ существенное нарушеніе закона, отказавъ въ постановкѣ дополнительнаго вопроса по признакамъ ст. 178 уст. о нак. Что прокуроръ приноситъ кассационный протестъ—подсудному не было извѣстно, а когда онъ объ этомъ узналъ—для него кассационный срокъ уже истекъ.

Кассационный протестъ былъ принесенъ лишь въ въ предѣлахъ ст. 915 уст. уг. с.; поэтому всѣ нарушенія, допущенныя на судебномъ слѣдствіи, не подлежали ревизіи Сената. Приговоръ по ст. 1656 улож. былъ постановленъ безповоротно и—для подсудимаго—безъ права кассачіи.

Нежелательныя послѣдствія, къ которымъ можетъ повести подача кассационнаго протеста по ст. 915 уст. уг. суд., могли бы быть устранены, между прочимъ, предоставленіемъ обвиняемому управа и послѣ измѣненія приговора обжаловать тѣ нарушенія, которыя были допущены при первоначальномъ разбирательствѣ дѣла.

Но есть способъ болѣе простой, заключающійся уже въ судебныхъ уставахъ, хотя, къ сожалѣнію, въ другомъ отдѣлѣ, и именно въ уставѣ гражданскаго судопроизводства.

Я говорю о ст. 764 уст. граж. суд., по которой, если одна сторона принесла жалобу, противной стороной предоставляется, въ срокъ, указанный ст. 760 уст. гр. суд., просить объ измѣненн рѣшенія и въ частяхъ, касающихся правъ апеллятора. Согласно ст. 801 уст. гр. суд., то же относится и къ кассационнымъ жалобамъ.

Врядъ-ли можно усмотрѣть серьезное препятствіе къ внесенію этихъ правилъ и въ уставъ уголов. судопр. и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда кассачія приноситъ въ предѣлахъ ст. 915 уст. гр. суд. Коснувшисъ правъ подсудимаго въ случаѣ подачи кассац. протеста, не могу не указать и на необходимость послыки ему, если не копии протеста, то по крайней мѣрѣ извѣщенія о томъ, что поданъ протестъ, и что, слѣдовательно, приговоръ можетъ быть отмѣненъ.

Наведеніе справокъ не всегда возможно, особенно если подсудимый находится въ другомъ городѣ.

Конечно, одинаковыя права должны быть предоставлены и прокурору *).

Прис. нов. М. Р.

* Пожеланія, выражаемыя авторомъ, тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что въ отношеніи апелляціоннаго разбирательства дѣйствующій законъ содержитъ соотвѣтствующую санкцію въ ст. 870 и 871 уст. угол. суд. Ред.

Антропометрія въ Парижѣ ¹⁾.

О методѣ Альфонса Бертильона много говорилось и писалось; мы позволимъ себѣ напомнить только основные его принципы, безъ чего трудно было бы усвоить сущность антропометрии, понять ея достоинства и недостатки, изучение которыхъ составляетъ нашу главную задачу.

Правосудіе всегда наталкивалось на большія затрудненія при попыткахъ установить на твердыхъ основаніяхъ судебные antecedенты обвиняемаго. Бертильонъ поставилъ себѣ задачей построить на научныхъ началахъ систему, которая дала бы возможность, съ одной стороны, зарегистрировать преступника такъ, чтобы физическая личность его установлена была разъ на всегда и въ очевидной для всѣхъ формѣ, каковы бы ни были наложенные на нее въ послѣдствіи отпечатки прожитыхъ годовъ и пережитыхъ невзгодъ; съ другой стороны, новая система должна была дать возможность легко и быстро найти личность преступника, внесеннаго въ судебные архивы. Первая изъ намѣченныхъ задачъ, болѣе общаго характера, была выполнена путемъ аналитическаго изученія анатомическихъ данныхъ элементовъ человѣческаго тѣла и усовершенствованія методовъ ихъ измѣренія и регистраціи; вторая—путемъ изобрѣтенія особой классификаціи, составляющей собственно оригинальную сторону системы Бертильона.

Мы постараемся указать въ общихъ чертахъ на *важнѣйшіе* изъ полученныхъ имъ результатовъ—сперва въ дѣлѣ изученія и измѣренія анатомическихъ данныхъ человѣческаго тѣла, затѣмъ—въ дѣлѣ ихъ классификаціи.

Для того, чтобы какой-либо анатомическій признакъ былъ признанъ годнымъ съ антропометрической точки зрѣнія, онъ долженъ удовлетворять цѣлому ряду требованій: онъ долженъ быть 1) неизмѣннымъ, 2) легко и безошибочно измѣряемымъ, при чемъ должны быть установлены предѣлы возможныхъ неизбѣжныхъ колебаній при его измѣреніяхъ, и—наконецъ, 3) онъ долженъ быть легко доступенъ регистраціи.

Первому требованію удовлетворяетъ цѣлый рядъ анатомическихъ данныхъ, но, и это крайне важно, не всѣ они представляютъ характеръ неизмѣнности въ одну и ту же эпоху человѣческой жизни; такъ—развитіе костнаго скелета завершается между 20—22 годами; съ этого момента и до глубокой старости всѣ элементы скелета могутъ считаться неизмѣнными; но уже до 22 лѣтъ нѣкоторые элементы закончены въ своемъ развитіи и могутъ слу-

жить для антропометрической характеристики индивида. Къ таковымъ относятся—глазъ и ухо. Очевидно, что анатомическій признакъ тѣмъ болѣе полезенъ въ этомъ направленіи, чѣмъ раньше устанавливается его неизмѣнность; съ этой точки зрѣнія преимущество было бы на сторонѣ уха и глаза, если бы только они удовлетворяли второму изъ установленныхъ нами требованій: возможности легкаго и точнаго измѣренія. Мы вернемся въ послѣдствіи къ болѣе детальному изученію этихъ признаковъ;—укажемъ теперь еще на одинъ, которому принадлежитъ, можетъ быть, значительное будущее въ антропометрии—это рисунокъ извилинъ кожи на внутренней сторонѣ человѣческихъ пальцевъ; если намазать пальцы типографскими чернилами и прижать ихъ затѣмъ къ бумагѣ, мы легко получимъ ихъ точный отпечатокъ, крайне цѣнный для антропометрии, благодаря своему постоянству, благодаря невозможности его измѣнить или симулировать¹⁾.

На ряду съ этими нормальными анатомическими данными, каждый индивидъ является носителемъ цѣлага ряда патологическихъ или искусственныхъ признаковъ: таковы—родимыя пятна, рубцы, татуировка.

Судебно-полицейская практика всегда пользовалась этими „особыми примѣтами“, ограничиваясь исключительно ихъ упоминаньемъ безъ точной анатомической локализаци; между тѣмъ ихъ значеніе въ смыслѣ установленія идентичности человѣческой личности растетъ по мѣрѣ того, какъ ихъ описаніе и локалізація становятся точнѣе²⁾; въ антропометрическомъ бюро эта точность достигла такихъ размѣровъ, что абсолютно немыслимо не найти ихъ съ перваго же взгляда. Практика выработала требованіе заносить по крайней мѣрѣ 5 такихъ особыхъ примѣтъ (почти нѣтъ человѣка, у котораго бы не нашлось такого числа), при чемъ главное вниманіе должно быть обращено на рубцы.

При пользованіи этими особыми примѣтами для установленія человѣческой личности должно держаться принципа, что при каждомъ новомъ измѣреніи всѣ особые примѣты, отмѣченные при предыдущемъ, должны быть на лицо, но что, напротивъ, особые примѣты, найденныя при послѣднемъ изслѣдованіи, могутъ не быть отмѣчены на предыдущихъ.

Для надобностей точной локалізаціи, какъ и вообще для легкости детальной регистраціи, Бертильонъ былъ придуманъ и особенный языкъ или, вѣрнѣе, особенные условные знаки,

¹⁾ Въ Китаѣ уже съ очень давнихъ временъ пользовались этими отпечатками для полицейскихъ дѣлъ. Проф. Гальтонъ (въ Лондонѣ) сдѣлалъ ихъ предметомъ очень детальнаго изслѣдованія.

²⁾ См. A. Bertillon: Identification anthropométrique. Instructions signalétiques. Nouvelle Edition. 1893 p. LVII.

¹⁾ Настоящій очеркъ является результатомъ работы автора въ Парижскомъ антропометрическомъ бюро подъ руководствомъ директора А. Бертильона и завѣдывающаго бюро.

позволяющіе заносающему въ фишки цифровыя или описательныя данныя писать со скоростью стенографа. Какъ общее правило—слово замѣняется его первою буквою.

Выбравши анатомическія данныя, удовлетворявшія требованію неизмѣнности, легкости измѣренія и регистраціи, нужно было изучить предѣлы неизбѣжныхъ при ихъ измѣреніи колебаній; безъ знанія этихъ послѣднихъ не было бы возможности сравнить данныя, полученныя разными измѣрителями и въ разное время; опыты и многочисленныя измѣренія дали возможность построить таблицы, на которыхъ отмѣчены предѣлы колебаній, совмѣстимыхъ съ достовѣрностью полученныхъ результатовъ.

Мы не будемъ останавливаться на деталяхъ техники измѣреній и коснемся только роли фотографіи, какъ одномъ изъ элементовъ антропометрической техники. Въ этомъ отношеніи въ отдѣленіи Бертильона сдѣлано многое; приняты всѣ мѣры для того, чтобы всѣ фотографіи снимались съ преступниковъ въ абсолютнo-идентичныхъ условіяхъ, какъ въ смыслѣ размѣра снимка (всѣ фотографіи— $\frac{1}{7}$ натуральной величины), такъ и въ смыслѣ положенія снимаемаго лица; фиксированіе положенія лица достигается путемъ наведенія на объективъ линій, которыя должны совпадать съ извѣстными точками на лицѣ снимаемаго. Всѣ негативы сохраняются въ особыхъ шкафахъ, въ порядкѣ отмѣченныхъ на нихъ номеровъ; кромѣ того всѣ снимающіеся заносятся въ особый регистръ, ведущійся изо дня въ день.

Собранныя на основаніи изложенныхъ принциповъ индивидуальныя анатомическія данныя наносятся на особыя фишки, которыхъ имѣется два типа: на фишки перваго типа наклеивается фотографія преступника и заносится, главнымъ образомъ, тѣ анатомическія данныя, которыя подлежатъ измѣренію; на фишкахъ втораго типа фотографія нѣтъ, но за то описаніе индивида полнѣе: кромѣ данныхъ цифровыхъ, имѣется еще и подробное описаніе всѣхъ элементовъ, не подлежащихъ точному измѣренію, но при извѣстномъ навыкѣ позволяющихъ возстановить съ большою правильностью физическій обликъ индивида (сюда входитъ детальное описаніе въ стенографической формѣ мельчайшихъ подробностей уха, носа, лба, бровей, рта etc). Наконецъ, на обѣихъ фишкахъ отмѣчаются особыя примѣты. Эти два типа фишекъ классифицируются на двухъ совершенно отличныхъ одинъ отъ другого принципахъ: фишки безъ фотографіи или съ описательною фотографіею (*portrait parlé*)—въ алфавитномъ порядкѣ, фишки съ фотографіею—по антропометрическому принципу (причемъ женщины совершенно отдѣлены отъ мужчинъ, такъ что въ общемъ 4 группы: двѣ мужскихъ и двѣ женскихъ). Первая (алфавитная) группа ничего новаго по своей идеѣ не представляетъ; она служитъ для быстрого

нахожденія фишекъ индивида, нескрывающаго своего имени и своихъ antecedентов¹⁾. Записи дѣлаются по фонетической методѣ. Вторая группа (съ фотографіями) классифицируется на антропометрическомъ основаніи, являющемся главнымъ и оригинальнымъ элементомъ новой методы.

Основной принципъ этой классификаціи таковъ: индивиды раздѣляются на основаніи какого-либо анатомическаго признака на три группы, каждая изъ нихъ въ свою очередь разбивается на три такія же подраздѣленія на основаніи другого анатомическаго признака и т. д., пока не доводится до такой специализаціи группъ, при которой сходные между собою въ анатомическомъ отношеніи индивиды будутъ въ крайне ничтожномъ количествѣ, а потому легко отличены другъ отъ друга; другими словами, вмѣсто того, чтобы искать даннаго индивида среди 100,000 другихъ индивидовъ путемъ исключенія несходныхъ съ нимъ, мы будемъ искать его среди 5—6 сходныхъ съ нимъ въ общихъ чертахъ, но отличающихся еще достаточнымъ количествомъ индивидуальныхъ отклоненій для того, чтобы и при отсутствіи фотографіи можно было найти искомаго субъекта.

Для большей наглядности укажемъ какъ дѣленіе это сдѣлано для взрослыхъ.

Всѣ фишки раздѣлены прежде всего по датѣ предполагаемаго рожденія индивидовъ на группы въ 15 лѣтъ каждая. Въ каждой изъ этихъ группъ индивиды дѣлятся на основаніи слѣдующихъ признаковъ: длины головы, ширины ея, длины средняго пальца лѣвой руки, длины ступни лѣвой ноги, длины лѣвой руки отъ локтя до конца пальцевъ, роста, длины 5-го пальца лѣвой руки, длины перваго уха, цвѣта глазъ.

Дѣленіе происходитъ такимъ образомъ: всѣ индивиды данной возрастной группы дѣлятся сперва на три группы: индивидовъ съ большою, индивидовъ со среднею и индивидовъ съ малою длиною головы; въ каждой изъ этихъ группъ есть новыя три группы: индивиды съ большою, среднею и малою шириною головы (въ общемъ слѣдовательно уже 9 группъ: 3×3) и т. д. Послѣдній въ классификаціи признакъ—цвѣтъ глазъ—подраздѣленъ на 7 категорій; для ихъ распознаванія Бертильономъ составлена хроматическая таблица, на которой установлена гамма цвѣтовъ глаза со всевозможными особенностями; каждая изъ цвѣтовыхъ группъ носитъ особый номеръ, что позволяетъ ихъ быстро и коротко отличать на фишкѣ.

Очевидно, что для правильности послѣдовательнаго дѣленія фишекъ на три приблизи-

¹⁾ А таковыхъ теперь много, такъ какъ личный опытъ показалъ рецидивистамъ абсолютную безупрочность скрыванія имени и своихъ antecedентовъ при функционированіи новой методы.

тельно равны въ количественномъ отношеніи группы необходимо: 1) чтобы анатомическій признакъ дѣленія нисшаго разряда не находился въ обязательной, нормальной зависимости отъ признака высшаго разряда, такъ какъ въ этомъ случаѣ нисшее дѣленіе не прибавило бы новыхъ данныхъ для классификаціи; 2) чтобы подраздѣленія большой, средней и малой были поставлены въ точныя цифровыя границы.

Это послѣднее условіе создало неизбежность въ извѣстныхъ случаяхъ такъ называемыхъ „double recherches“, которыя заключаются въ слѣдующемъ. Возьмемъ первое раздѣленіе—оно основано на измѣреніи длины головы; въ этой категоріи установлено, конечно, три подкласса: головы длинныя, отъ ω —190 mil. ¹⁾, среднія—отъ 189—184 mil. и короткія отъ 184— α . Когда попадаетъ индивидъ, длина головы котораго = 195,—можно смѣло оставить въ сторонѣ двѣ послѣднія группы и искать только въ первой; но если длина головы индивида—190 mil, какъ тутъ быть? Если бы измѣреніе было идеально точнымъ, было бы, конечно, достаточнымъ искать только въ первой группѣ; въ виду же возможности ошибки на 1 mil. и при самомъ добросовѣстномъ измѣреніи приходится искать и въ первой и во второй группахъ—что и создаетъ для разыскивающаго двойную работу.

Теоретически можно себѣ представить установленіе такихъ основъ для антропометрической классификаціи, при которыхъ раздѣленіе на 3 группы по количественному признаку было бы излишнимъ; въ этомъ отношеніи важны тѣ анатомическіе элементы, которые опредѣляются не цифровыми, а описательными данными: глазъ, отпечатокъ пальцевъ. Насколько удобоисполнима такая классификація, судить теперь трудно, такъ какъ при недостаткѣ простыхъ аппаратовъ, позволяющихъ замѣнить субъективную оцѣнку качества глаза (цвѣтъ, распредѣленіе пигмента) или рисунка извилинъ кожи пальцевъ механическою, выгода несомнѣнно на сторонѣ измѣримыхъ анатомическихъ данныхъ.

Оставаясь въ предѣлахъ анатомическихъ данныхъ, укажемъ еще на не вполне удовлетворительное дѣленіе цвѣта зрачка; 4, 5 и 6-ой классъ (глазъ chatain и два типа marron) могутъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣшиваемы другъ съ другомъ, такъ что double recherche превращается здѣсь въ triple recherche; это не имѣетъ большого значенія въ антропометрической классификаціи взрослыхъ, такъ какъ глазъ въ ней—послѣдняя категорія; не то въ классификаціи преступниковъ отъ α —15 и отъ 15—18 л., гдѣ глазъ является первой категоріей. Если въ данное время въ Парижскомъ антропометрическомъ отдѣленіи неудобства, вытекаю-

щія изъ этого факта, и не велики, то это зависитъ исключительно отъ небольшихъ сравнительно размѣровъ этихъ двухъ группъ ¹⁾.

Мало удовлетворителенъ также выборъ роста какъ одной изъ категорій классификаціи; очень легко уменьшить свой ростъ на 1 или 2 сантиметра увеличивъ выпуклость спины; тутъ еще болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, при всякомъ сомнѣніи необходимы double recherches.

При особенно неблагоприятныхъ обстоятельствахъ эта double recherches должна быть совершаема отъ начала и до конца поименованъ въ антропометрической классификаціи—потеря времени въ этомъ случаѣ сравнительно велика.

Чтобы покончить съ недостатками анатомическихъ элементовъ классификаціи, отмѣтимъ еще и то, что въ послѣднихъ дѣленіяхъ (а иногда уже и въ серединѣ) средняя группа (moyen) растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ двѣ крайнія (grand et petit), такъ что въ 6 или 7 дѣленіи группа moyen бываетъ равной по величинѣ суммѣ двухъ крайнихъ; это находится въ связи съ избранными для средней группы цифровыми предѣлами. Если принять во вниманіе, что *conditio sine qua non* цѣлесообразности антропометрической классификаціи—это равномерное въ количественномъ отношеніи дѣленіе группъ, то мы поймемъ, что указанный выше недостатокъ можетъ повлечь за собою большія неудобства при большомъ накопленіи фишекъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ методъ Бертильона; легкость его примѣненія, быстрота операціи установленія личности (*identification anthropométrique*) поразительна, если вспомнить, сколько для этого требовалось времени и усилій при прежде употреблявшихся системахъ ²⁾; но все же въ ней есть нѣкоторые недостатки: одни, вытекающіе изъ самаго существа матеріала, съ которыми приходится имѣть дѣло, другіе, зависящіе отъ разнообразныхъ, болѣе или менѣе устранимыхъ причинъ. Изложениемъ этихъ недостатковъ мы теперь займемся.

Выше мы указывали на тотъ фактъ, что элементы человѣческаго скелета завершаютъ свое развитіе къ 22 годамъ; съ этого времени

¹⁾ На практикѣ, въ случаяхъ сомнѣнія относительно принадлежности признака къ той или другой категоріи, измѣряющій отмѣчаетъ всѣ категоріи (напр. цвѣтъ глаза—4—5—6) при чемъ первую ставится наиболѣе соответствующая.

²⁾ Измѣреніе индивида дѣлается въ 2 минуты, занесеніе особыхъ примѣтъ требуетъ 3 минутъ, а записываніе имени, фамиліи и т. д.—2; въ общемъ 7 минутъ на индивида, что позволяетъ измѣрить 8 въ часъ; если принять во вниманіе, что измѣреніе требуетъ участія двухъ служащихъ (одинъ измѣряетъ и диктуетъ, а другой записываетъ), то очевидно будетъ, что 8 служащихъ достаточно, чтобы въ 3 часа измѣрить 100 индивидовъ.

Изысканія требуютъ больше времени; въ благоприятныхъ случаяхъ, если не встрѣчается надобности въ double recherches можно найти нужныя фишки въ алфавитной и антропометрической группахъ въ $\frac{1}{4}$ часа.

¹⁾ ω —предѣльная максимальная величина въ классификаціи, α —предѣльная минимальная.

и до конца дней длина и ширина черепа, длина ноги и т. д. остаются неизмѣнными; эти-то неизмѣнныя данныя и послужили основаніями для классификаціи по антропометрическому методу. Но очевидно, что для раздѣленія на группы индивидовъ моложе 22 лѣтъ всѣ эти данныя примѣнить нельзя было; послѣ многочисленныхъ опытовъ и измѣреній пришлось установить три новыхъ группы: группы индивидовъ отъ α —15 лѣтъ (включительно), отъ 16—18 и отъ 19—21. Въ первой группѣ первое дѣленіе основано на глазѣ, второе—на формѣ и величинѣ нижней внутренней складки ушной раковины, отъ 3—7—на формѣ другихъ элементовъ уха (или вѣрнѣе ушной мочки—ея профиль, степень ея слитія со щекою, ея величина, ея форма).

Во второй группѣ (отъ 16—18 л.) первымъ элементомъ классификаціи является глазъ, вторымъ—длина головы, третьимъ ширина, четвертымъ—длина ноги; дальше идетъ ухо и разстояніе между крестцемъ и верхушкою головы (французское *Buste*). Третья группа (отъ 19—21 г.) также раздѣлена, какъ и взрослые, но въ ней нужно *всегда* дѣлать *doubles recherches*, такъ какъ цифры получаемыя при позднѣйшихъ измѣреніяхъ, сдѣланныхъ надъ тѣмъ же индивидомъ, когда его скелетъ окончательно развился, могутъ значительно уклоняться отъ тѣхъ, которыя получились при его измѣреніи въ возрастѣ отъ 19 до 21 г.

Существованіе этихъ четырехъ группъ значительно усложняетъ поиски; если лѣта индивида позволяютъ предполагать возможность прохожденія его въ антропометрическомъ отдѣленіи до 15-лѣтняго возраста, его фишки приходится искать послѣдовательно во всѣхъ четырехъ группахъ, начиная съ группы взрослыхъ.

Мы до сихъ поръ говорили только о группахъ, установленныхъ въ средѣ мужскихъ индивидовъ; дѣло поставлено не лучше, если не хуже, въ средѣ женскихъ индивидовъ. До 1895 года въ Парижѣ измѣрялись всѣ женщины. Принимая во вниманіе, что и мужчины осматриваютъ не ниже поясицы, врядъ-ли могла быть рѣчь о недостаточно сдержанномъ или несогласномъ съ женскою стыдливостію отношеніи служащихъ; тѣмъ не менѣе въ 1895 году парижская пресса начала кампанію противъ якобы безнравственнаго и циничнаго обращенія съ женщинами преступницами; чтобы прекратить газетныя нападки, антропометрическое отдѣленіе отказалось совершенно отъ измѣренія женщинъ (хотя логичнѣе было бы предоставить женскую антропометрію служащимъ женщинамъ). Исключеніемъ являются тѣ преступницы, измѣреніе которыхъ специально требуется надлежащими судебными властями.

Съ 1895 г. ограничиваются дѣленіемъ женщинъ на группы по году предполагаемаго рожденія, затѣмъ на антропометрическія группы

по цвѣту глазъ, по отпечатку пальцевъ; всѣ женщины фотографируются, и это крайне важно и потому, что у женщинъ распознаваніе по фотографии гораздо легче изъ-за отсутствія растительности на лицѣ. Особыя примѣты, находимыя на рукахъ и лицѣ, отмѣчаются. По рассказамъ служащихъ измѣреніе женщинъ сопровождалось гораздо большими трудностями, чѣмъ измѣреніе мужчинъ; среди послѣднихъ за нѣсколько лѣтъ всего два раза пришлось натолкнуться на сопротивление субъекта, нежелающаго подвергнуться измѣренію; среди женщинъ—это было общимъ правиломъ.

Указанные выше недостатки незначительны по сравненію съ тѣми, которые создаются существованіемъ провинціального отдѣленія въ парижскомъ антропометрическомъ бюро.

М. С. Маргулесъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

I.

Нарушеніе строительнаго устава.

Приговоромъ Харьковскаго окружнаго суда пот. поч. гражд. Ашукинъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что на принадлежащемъ ему шерстомойномъ заведеніи въ г. Харьковѣ, при р. Лопани, во время промывки грязной шерсти въ 1892 и слѣдующихъ годахъ, остающіяся при этомъ мыльѣ шерсти нечистоты, завѣдомо для него, Ашукина, спускаются въ Лопань, отчего вода въ ней дѣлается безусловно вредной для народнаго здравія, и вредоносность эта происходитъ отъ устройства приспособленій на этомъ заводѣ для промывки шерсти и удаленія изъ него нечистоты, за что судъ, въ виду 863 и 4 п. 158 ст. улож. о нак., Всемилоствѣйшихъ манифестовъ 14 ноября 1894 г. и 14 мая 1896 г., 408 ст. устава строит. и рѣшенія Правит. Сената за 1890 г. № 34, освободивъ Ашукина, согласно 2 п. 771 ст. уст. уг. суд., отъ слѣдующаго ему по закону личнаго наказанія, опредѣлить уничтожить принадлежащее ему заведеніе на его счетъ.

Находя этотъ приговоръ неправильнымъ, защитникъ Ашукина, частный повѣренный Зеленскій, въ апелляціонномъ отзывѣ указалъ, что судъ, во-первыхъ, совершенно игнорировалъ представленный имъ къ дѣлу указъ Пр. Сената по I деп., отъ 17 ноября 1882 г., въ коемъ признано, что возникшее еще въ 1872 г. дѣло о порчѣ мойками воды въ р. Лопани, въ виду того, что эти мойки, не исключая и Ашукинской, теперь находятся въ чертѣ г. Харькова, подлежитъ обсужденію Харьковской городской думы, отъ постановленія которой зависитъ дальнѣйшая судьба мочныхъ заведеній и только, въ случаѣ неисполненія владѣльцами моекъ обязательнаго постановленія думы, они могутъ быть подвергнуты судебному преслѣдованію. Въ числѣ прочихъ собственниковъ этихъ заведеній и Ашукинъ самъ не устраивалъ своей мойки, а она перешла къ нему отъ его предшественниковъ, которые много лѣтъ тому назадъ построили ее на р. Лопани внѣ городской черты съ разрѣшенія надлежащей власти. Въ настоящее время онъ очутился въ предѣлахъ городской черты, въ виду постепеннаго расширенія г. Харькова, а дума все еще не издаетъ обязательныхъ правилъ, нормирующихъ это производство. Далѣе апелляторъ указываетъ на неправильное

примѣненіе къ нему 863 ст., которая гласитъ объ устройствѣ вреднаго заведенія въ городѣ или внѣ города, однако выше его по теченію рѣки; но мойка Ашукина была выстроена, когда мѣстность, на которой она стоитъ, не входила въ городскую черту, а самъ городъ подошелъ къ ней сбоку и сверху, а теперь забѣгаетъ уже и внизъ. Въ виду всего этого, апелляторъ проситъ объ отмѣнѣ приговора суда.■

Харьковская судебная палата признала, что представленный защитой указъ отъ 17 ноября 1882 г., не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу. Имъ признана только некомпетентность Харьковского губернскаго комитета общественного здравія обязывать содержателей шерстомоенъ въ г. Харьковѣ нар. Лопани переустроить эти заведенія, причемъ Сенатъ разъяснилъ, что возбужденный комитетомъ вопросъ, въ виду того, что мойки расположены въ предѣлахъ вѣдѣнія Харьковского городского общественнаго управления, надлежало передать Харьковской городской думѣ для принятія зависящихъ мѣръ. Въ настоящее время вредъ, приносимый окрестнымъ жителямъ г. Харькова харьковскими шерстяными мойками и мойкою Ашукина въ частности, зараженіемъ воздуха и загрязненіемъ воды въ р. Лопани, положительно установленъ. Ясно, что судъ не могъ остановиться въ примѣненіи къ Ашукину статьи карательнаго закона только потому, что городъ до сихъ поръ еще не собрался урегулировать моечное производство. Въ виду такихъ данныхъ дѣла и отзывы свидѣтелей и экспертовъ о явномъ вредѣ въ санитарномъ отношеніи харьковскихъ моекъ шерсти и въ томъ числѣ мойки Ашукина, заражающей на ряду съ другими воздухъ на далекое пространство и портящей воду въ р. Лопани, судъ, согласно разъясненію, преподанному уполн. кас. деп. Прав. Сената въ рѣшеніи его за 1890 г. № 34, правильно не встрѣтилъ препятствій къ примѣненію 863 ст. улож. о нак. къ Ашукину, такъ какъ, хотя мойка эта была построена много лѣтъ тому назадъ ниже по теченію рѣки и, вѣроятно, въ незаселенной тогда мѣстности, въ которой, быть можетъ, возможно было строить въ то время подобныя вредныя заведенія даже безъ всякаго разрѣшенія, но неопровергнутымъ остается тотъ фактъ, что въ настоящее время эти мойки стоятъ уже въ чертѣ города, среди густо-населенной мѣстности, что вредъ, приносимый ими порчею воздуха и воды, достаточно доказанъ и въ то же время установлено, что устраиваемыя на этихъ мойкахъ, — въ частности на Ашукинской, — приспособленія нисколько не уменьшаютъ вредности этихъ заведеній.

По всемъ этимъ соображеніямъ Харьковская судебная палата считаетъ приговоръ суда по отношенію къ Ашукину правильнымъ. Что же касается резолютивной части этого приговора, въ коей опредѣлено уничтожить шерстомойное заведеніе на его счетъ, то само собою разумѣется, что слово „уничтожить“ употреблено въ смыслѣ прекращенія вредоноснаго производства, а отнюдь не въ смыслѣ уничтоженія самыхъ заводскихъ построекъ.

На этотъ приговоръ частный повѣренный Зеленскій принесъ кассационную жалобу, въ которой указываетъ на неправильное примѣненіе къ Ашукину 863 ст. улож. о нак. Дѣло изъ отдѣленія было передано въ департаментъ для разъясненія 863 ст. улож. о нак.

Докладывалъ дѣло сенаторъ Н. И. Похвисневъ, заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій, кассационную жалобу поддерживалъ прис. пов. Н. Е. Шулепниковъ.

Н. Е. Шулепниковъ объяснилъ, что статья 863 улож. о нак. имѣетъ въ виду устройство *новыхъ* фабрикъ или заводовъ, признанныхъ вредными для чистоты воздуха и воды, *въ чертѣ* города, или же, хотя бы и внѣ города, но выше его по теченію рѣки. При такихъ условіяхъ къ дѣянію Ашукина не могутъ быть примѣнены не только ст.

863, 1075 или 1348 улож. о нак., но даже и вторая часть ст. 408 уст. строит., имѣющая въ виду тѣ заводы, которые уже существовали *въ городахъ*, въ моментъ изданія этого закона, источникомъ котораго является положеніе комитета министровъ 1826 года. Примѣненіе уголовнаго закона къ Ашукину, который самъ не строилъ завода, является тѣмъ болѣе неправильнымъ и несправедливымъ, что шерстомойныя заведенія принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя могутъ быть дозволяемы въ городахъ при условіи устройства на нихъ приспособленій, устраняющихъ вредность производства для народнаго здравія; по дѣлу же установлено, что Ашукинъ примѣнилъ къ своему шерстомойному заведенію всѣ тѣ усовершенствованія, которыя были отъ него потребованы надлежащими властями. Въ виду этихъ соображеній прис. пов. Шулепниковъ проситъ не только отмѣны приговора судебной палаты по неправильному примѣненію ст. 863 улож. о нак., но и объ уничтоженіи всего производства по силѣ ст. 1 улож. и ст. 1 уст. уг. суд. въ виду отсутствія признаковъ преступленія въ дѣяніи Ашукина.

Оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій, находя, что практика Прав. Сената по примѣненію ст. 863 улож. о нак. нѣсколько сбивчива, полагаетъ, что законъ этотъ получить широко примѣненіе въ интересахъ оградженія народнаго здравія; что такъ какъ по дѣлу установлено, что шерстомойное заведеніе Ашукина, нынѣ находящееся въ чертѣ города, безспорно портитъ воду р. Лопани и заражаетъ воздухъ, то на судебныхъ органахъ лежитъ обязанность оградить народное здравіе, независимо отъ тѣхъ мѣръ, которыя могутъ быть въ этомъ отношеніи приняты администраціею; что послѣдовавшій въ 1882 году по дѣлу о харьковскихъ шерстомойныхъ заведеніяхъ указъ Правительствующаго Сената по I департаменту разрѣшилъ лишь вопросъ о компетенціи, т. е. какому административному учрежденію принадлежитъ право изданія обязательныхъ постановленій по вопросу объ оградженіи народнаго здравія, но не можетъ препятствовать судебнымъ властямъ въ примѣненіи уголовнаго закона. Составившіе дагѣ на распространительное толкованіе, приданное ст. 863 улож. Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи 1895 г. № 9 по дѣлу Хряковыхъ, г. оберъ-прокуроръ полагаетъ кассационную жалобу оставить безъ послѣдствій.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе Харьковской судебной палаты отмѣнить по неправильному примѣненію ст. 863 улож. о нак. и дѣло, для новаго разсмотрѣнія, передать въ другой департаментъ той же палаты.

II.

Право общества взаимнаго отъ огня страхованія отзывать своимъ членамъ съ возобновленія страхованія.

Нѣкто Каргополовъ въ теченіе 10 лѣтъ страховалъ свое имущество — паровую мельницу и домъ — въ Пензенскомъ городскомъ взаимномъ отъ огня страховомъ обществѣ. 20 марта 1895 г. онъ высалъ по почтѣ слѣдующую отъ него премию, прося застраховать его мельницу на 1895—1896 г., но правленіе ему въ этомъ отказало, сославшись на постановленіе общаго собранія отъ 24 мая 1894 г. о томъ, чтобы впредь не принимать на страхъ паровыхъ мельницъ, какъ весьма опасныхъ въ пожарномъ отношеніи. Каргополовъ предъявилъ въ Пензенскомъ окружномъ судѣ искъ объ обязаніи общества возобновить страхованіе его мельницы на прежнемъ основаніи и согласно условіямъ, опредѣленнымъ въ уставѣ.

Пензенскій окружный судъ въ искѣ Каргополову отказалъ, Саратовская судебная палата удовлетворила исковыя требованія, но Сенатъ это рѣшеніе отмѣнилъ. При вторичномъ рѣшеніи дѣла, Московская судебная палата утвердила рѣшеніе Пензен-

скаго окружнаго суда объ отказѣ въ искѣ, по слѣдующимъ соображеніямъ: никого нельзя обязывать къ заключенію договора — это противорѣчило бы самому понятію договора (зак. гражд. ст. 1528). Нельзя, поэтому, обязывать Пензенское общество взаимнаго страхованія принять на страхъ имущество Каргополова. т. е. заключить съ нимъ договоръ страхованія. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что страхованіе мельницы Каргополова, кончилось 21 марта 1895 г. и съ этого дня наступилъ новый періодъ и начиналось новое отношеніе страхованія, но для образованія этого отношенія недостаточно одного желанія и согласія страхователя, а существенно необходимо и согласіе страховщика — общества (к. р. №№ 401—1870 г., 905—1871 г.). Какими бы соображеніями оно ни руководствовалося, постановляя 24 марта 1894 года о непріятіи на страхъ паровыхъ мельницъ вообще и отказавъ въ принятіи на страхъ мельницы Каргополова, но разъ общее собраніе членовъ общества находитъ почему либо невозможнымъ и несоотвѣствующимъ своей цѣли принять на страхъ данное имущество, оно не можетъ быть принуждаемо къ такому дѣйствию судомъ, тѣмъ болѣе, что паровая мельница относится къ числу особенно опасныхъ въ пожарномъ отношеніи имуществъ и можетъ быть принимаема на страхъ на *особыхъ условіяхъ* (Каргополовъ желалъ страховать свою мельницу на прежнемъ основаніи).

Въ кассационной жалобѣ, принесенной на это рѣшеніе, повѣренный истца, прис. пов. А. О. Гордонъ, указываетъ, что цѣль учрежденія Пензенскаго страхового общества — помогать бѣднѣйшему классу населенія Пензы въ обезпеченіи себя отъ пожарныхъ убытковъ, при возможно меньшемъ расходѣ на этотъ предметъ, а съ теченіемъ времени — и безъ взноса страховой преміи. Но эта цѣль можетъ быть достигнута только тогда, когда принятіе на страхъ имущества жителя г. Пензы будетъ составлять *обязанность* общества. Въ этомъ и заключается разница между частными страховыми обществами и обществами взаимнаго страхованія: первая свободны въ выборѣ страхованія, вторыя — нѣтъ. Если какое-либо имущество представляетъ собою значительную опасность отъ пожара, то это можетъ лишь служить для общества основаніемъ къ увеличенію размѣра страховой преміи, но не даетъ права вовсе отказаться отъ принятія на страхъ такого имущества. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ дѣятельность Пензенскаго общества взаимнаго страхованія точно опредѣлена уставомъ, то общество это могло бы отказаться отъ принятія на страхъ имущества только тогда, когда такое право было бы точно предоставлено ему уставомъ. Но не только ни о чемъ подобномъ нѣтъ помину въ уставѣ, но подобное право находилось бы въ рѣзкомъ противорѣчій со всѣмъ назначеніемъ общества и съ цѣлью, которую оно преслѣдуетъ. Примѣчаніе къ § 38 устава, въ которомъ точно предусмотрены случаи принятія на страхъ фабрикъ, заводовъ, театровъ, а также лавокъ и кладовыхъ, „въ которыхъ находятся легко воспламеняющіяся вещества“, — служитъ подтвержденіемъ той мысли, что общество не имѣетъ права отказываться отъ принятія на страхъ имущества, представляющаго большую опасность въ пожарномъ отношеніи.

Еще менѣе общество вправе отказываться отъ возобновленія страхованія того имущества, которое уже было у него застраховано. Жители г. Пензы, которые страхуютъ свое имущество въ этомъ обществѣ, тѣмъ самымъ становятся членами этого общества. Въ качествѣ члена общества, страхователь имѣетъ *право* на возобновленіе страхованія своего имущества, подъ условіемъ внесенія установленной страховой преміи. Когда страховая премія внесена, *тогда страхованіе уже возникает* eo ipso, въ силу предварительнаго соглашенія, состоявшагося при вступленіи члена въ общество. Общество не можетъ самопроизвольно лишать страхователя права на

возобновленіе страхованія — это было бы равносильно фактическому исключенію его изъ числа членовъ, на что оно не имѣетъ права безъ законнаго основанія.

Въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ г. Гордонъ доказываетъ, что вообще отношенія между обществомъ взаимнаго страхованія и страхователями-членами въ значительной степени проникнуты началомъ принужденія, что объясняется общественнымъ интересомъ, который преслѣдуютъ этого рода общества.

Палата ошибается, увѣряя, что Пензенское общество взаимнаго страхованія не можетъ быть понуждаемо возобновить страхованіе мельницы Каргополова на 1895—1896 г. Въ настоящее время въ правѣ твердо и безспорно установился взглядъ, въ силу котораго всѣ тѣ дѣйствія обязавшагося лица, которыя по природѣ своей могутъ быть вынуждаемы, подлежатъ принудительному реальному осуществленію посредствомъ суда (см. ст. 769 устава германскаго судопр. 20 января 1877 г. и ком. Вильмовскаго и Леви къ этой статьѣ; Лорана Principes de droit civil, т. 16, № 194 и послѣд. и др.). Этотъ взглядъ вполне соотвѣтствуетъ совокупному смыслу и духу нашихъ законовъ (1 ч., X т. ст. 570, 1512, 1513 и 1514, уст. гражд. суд. ст. 934 и 1083 и нот. полож. ст. 187). Взглядъ этотъ примѣняется у насъ и на практикѣ (касс. рѣш. 1880 г./118). Слѣдуетъ еще замѣтить, что рѣчь вовсе не идетъ о томъ, чтобы понудить общество заключить съ Каргополовымъ договоръ страхованія (какъ полагаетъ палата). Сущность принудительнаго реального осуществленія обязательства заключается въ томъ, что воля суда, изложенная въ его рѣшеніи, замѣняетъ собою волю обязавшагося лица. Поэтому, въ виду лежащей на обществѣ обязанности возобновить страхованіе мельницы Каргополова, судъ долженъ признать страхованіе мельницы Каргополова на 1895—1896 г. уже состоявшимся.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній прис. пов. А. О. Гордонъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ рѣшенія Московской судебной палаты.

Дѣло перенесено было изъ отдѣленія въ департаментъ для разъясненія вопроса: вправѣ ли Пензенское городское общество взаимнаго страхованія отъ огня имуществъ отказать члену своему въ возобновленіи страхованія?

Дѣло слушалось 10 марта подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго П. А. Маркова, докладывалъ сенаторъ Ю. С. Булакъ; заключеніе дѣлалъ и. о. оберъ-прокуроръ П. П. Булакъ. Повѣренный Каргополова, прис. пов. А. О. Гордонъ, поддерживалъ доводы, изложенные въ его кассационной жалобѣ.

Повѣренный Пензенскаго общества взаимнаго страхованія, прис. пов. П. Г. Мироновъ, объяснилъ, что именно для достиженія цѣлей общества — доставить бѣднѣйшему населенію города возможность дешево страховать свое имущество, пришлось отказаться отъ страхованія дорогихъ и въ то же время опасныхъ въ пожарномъ отношеніи построекъ, каковымъ является и паровая мельница Каргополова. Одинъ или два пожара такихъ зданій можетъ погубить все общество и уничтожить его запасный капиталъ. Общество вовсе не обязано во что бы ни стало принимать на страхъ имущества жителей гор. Пензы; ни одинъ параграфъ такой обязанности на общество не налагаетъ, и если въ п. 3 сказано, что общватели вольны страховать или не страховать имущество въ обществѣ, то это вовсе не потому, что безъ этого упоминанія они потеряли бы право на свободу дѣйствій въ этомъ отношеніи, а потому, что далѣе въ этомъ пунктѣ говорится именно объ условіяхъ, при которыхъ члены общества обязаны продолжать вносить страховую плату, — именно при займѣ на покрытие убытковъ. Но нигдѣ нѣтъ обязательнаго требованія принимать на страхъ предлагаемое имуще-

ство. Еще въ 1894 году общее собраніе постановило впредь на страхъ паровыхъ мельницъ не принимать. Каргополовъ, какъ членъ общества, могъ добиваться отмены этого постановленія, если считалъ его незаконнымъ, но коль скоро онъ этого не сдѣлалъ, то обязанъ подчиниться этому опредѣленію. Страхование заключается на годъ, и всякій разъ начинается новое страхование, а потому въ мартѣ 1895 г., когда прежнее страхование окончилось, общество вправѣ было не вступать въ новый договоръ и не принимать паровой мельницы на страхъ.

И. о. оберъ-прокурора сенаторъ *Н. Н. Мясоедовъ*, соглашаясь съ тѣмъ, что общество не обязано принимать на страхъ имущества противъ своей воли и имѣть право для достиженія своей цѣли отказаться отъ страхования дорого стоящихъ зданій, находилъ, однако, что въ рѣшеніи палаты не выяснено, какъ слѣдуетъ понимать рѣшеніе общаго собранія—какъ относящееся только къ новымъ страхованіямъ лицъ, прежде не бывшихъ членами общества, или къ возобновляемымъ страхованіямъ. Последнія по смыслу устава имѣютъ особый характеръ, такъ какъ по 60 ст. достаточно сдѣлать взносъ въ срокъ, чтобы возобновить страхование, которое имѣетъ какъ бы характеръ непрерывности. Въ виду этого, за неразъясненіемъ упомянутого вопроса, а равно и вопроса въ срокъ или нѣтъ вносили деньги Каргополовъ, г. оберъ-прокуроръ предлагалъ рѣшеніе Московской судебной палаты отменить.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе Московской судебной палаты отменить за нарушеніемъ § 60 устава Пензенскаго городского взаимнаго страхового общества и 339 и 713 ст. уст. гр. суд.

III.

Оскорбленіе на письмѣ.

Слушательница педагогическихъ курсовъ Александра Б. обратилась съ жалобой къ мировому судѣ 14 участка на Теофила Бѣлавина, прося наказать его за оскорбленіе на письмѣ, причѣмъ объяснила, что ею было помѣщено 6 октября 1898 г. въ „Новомъ Времени“ объявленіе слѣдующаго содержания: „50 коп. въ часъ слух. педагог. курсовъ ищеть уроковъ“. 8 октября она получила письмо отъ неизвѣстнаго ей лица, оказавшагося докторомъ мед. Бѣлавинымъ, съ предложеніемъ явиться по указанному въ письмѣ адресу, „къ одинокому мужчинѣ при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если вы говорите на французскомъ языкѣ и можете его преподавать; 2) если вы здоровая, молодая и неуродливая женщина“.

20 октября мировой судья 14 участка, разобравъ дѣло и признавая Бѣлавина виновнымъ въ оскорбленіи Б. на письмѣ, на основаніи 131 ст. уст. о нак., приговорилъ его къ аресту на пять дней.

По апелляціонному отзыву Бѣлавина, мир. сѣздъ нашелъ, что приглашеніе, обращенное къ женщинѣ, зайти къ одинокому мужчинѣ въ меблированную комнату, при условіи, что эта женщина „здорова, молода и неуродлива“, содержитъ ясно выраженное предложеніе явиться съ готовностью встрѣтить любовную интригу. Такое предложеніе, обращенное къ женщинѣ незнакомой, не подавшей повода къ тому, чтобы быть увѣреннымъ, что она проститутка, или что она сама ищеть любовныхъ интригъ съ мужчинами, составляетъ несомнѣнное оскорбленіе, заключающееся въ томъ, что обращающійся къ женщинѣ мужчина выражаетъ тѣмъ свое предположеніе, что женщина эта принадлежитъ къ категоріи такихъ, къ которымъ съ подобнаго рода предложеніями обращаться можно.

Въ данномъ случаѣ, со стороны потерпѣвшей не было дано рѣшительно никакого повода къ тому, чтобы кто-либо могъ заподозрить въ ней желаніе искать знакомства съ одинокими мужчинами; по-

мѣщенное ею въ газетахъ объявленіе совершенно ясно опредѣляло ея социальное положеніе, какъ слушательницы педагогическихъ курсовъ и ея желаніе давать уроки, а потому полученное ею письмо, написанное г. Бѣлавинымъ, по своему содержанію, является несомнѣнно оскорбительнымъ.

Не можетъ служить оправданіемъ для г. Бѣлавина и то обстоятельство, что онъ подобнаго же рода письма писалъ и другимъ женщинамъ, публиковавшимъ въ газетахъ о томъ, что онъ ищеть уроковъ; тѣ женщины не жаловались суду, а потому по отношенію къ нимъ дѣяніе г. Бѣлавина и не могло получить надлежащей судебной оцѣнки.

Въ виду этого, признавая приговоръ мирового судьи правильнымъ и мѣру наказанія, ему опредѣленнаго, не преувеличенною, мировой сѣздъ утвердилъ приговоръ мирового судьи.

На этотъ приговоръ повѣренный доктора медицины Бѣлавина, прис. пов. К. П. Валицкій, принесъ кассационную жалобу, въ которой доказываетъ, что для наличности состава преступленія, предусмотрѣннаго 131 ст. уст. о нак., требуется: 1) существованіе умысла при нанесеніи обиды и 2) чтобы употребленныя выраженія были оскорбительны сами по себѣ или по обстоятельствамъ, при коихъ они были высказаны. Относительно перваго изъ этихъ положеній ни въ дѣлѣ, ни въ соображеніяхъ судьи и сѣзда не имѣется указаній на то, что докторъ Бѣлавинъ имѣлъ умыселъ или даже какое-либо отдаленное намѣреніе нанести оскорбленіе совершенно неизвѣстнаго ему Александрѣ Б. Равнымъ образомъ едва-ли представляется основательнымъ признавать выраженія, помѣщенные въ письмѣ оскорбительными сами по себѣ, такъ какъ выраженія эти какъ въ отдѣльности взятыя, такъ и во взаимномъ ихъ сопоставленіи, не принадлежатъ къ числу выражений обидныхъ по общепринятому ихъ смыслу.

Что же касается признанія оскорбительными помѣщенныхъ въ письмѣ выраженій по обстоятельствамъ, при которыхъ они были употреблены, то необходимо, чтобы признаніе выраженія обиднымъ вытекало непосредственно изъ имѣвшихся въ виду суда фактовъ, а не являлось бы предположительнымъ. Мировой сѣздъ, раздѣляя воззрѣнія обвинительницы, пришелъ къ заключенію, что въ данномъ случаѣ со стороны Бѣлавина предполагалось предположеніе, оскорбительное для женской чести, но не привелъ оснований, въ силу коихъ онъ такому предложенію далъ преимущество передъ другими, вовсе исключающими оскорбительный характеръ сдѣланнаго предложенія. Предположеніемъ такого рода и, быть можетъ, болѣе подходящимъ къ стинѣ могло бы быть то, что мотивомъ для составленія подобнаго письма было приспаніе одинокимъ челоукомъ для находящихся при немъ дѣтей гувернантки владѣющей французскимъ языкомъ, при условіи здоровья и молодости этого лица, какъ болѣе способнаго къ осуществленію порученныхъ ему обязанностей, а также желанія отсутствія уродливости, тягостной для окружающихъ при всякихъ обстоятельствахъ. Требованія подобныхъ условій и при другихъ профессіяхъ, какъ-то: учительницы, бонны, тѣти и т. п. предосудительнаго въ себѣ ничего не заключаютъ. Между тѣмъ, изъ всѣхъ возможныхъ предположеній, которыя могли бы быть въ данномъ случаѣ сдѣланы, сѣздъ выбралъ единственное оскорбительное для Александры Б. предположеніе, не обосновавъ таковой своей выводъ на положительныхъ причинахъ какъ относительно вѣншей формы дѣянія, такъ и сопровождавшаго его умысла. По этимъ соображеніямъ прис. пов. Валицкій просить объ отменѣ приговора сѣзда.

Дѣло слушалось 13 марта по III отдѣленію уголовного кассационнаго департамента. Предсѣдательствовалъ сенаторъ А. Н. Марковичъ, докладывалъ дѣло сенаторъ А. Ф. Кони; заключеніе давалъ товарищъ оберъ-прокурора М. Ф. Губскій. Кассацион-

ную жалобу поддерживалъ прис. пов. Валицкій, со стороны потерпѣвшей выступилъ прис. пов. Гоппенъ.

Тов. оберъ-прокурора М. Ф. Губскій доказывалъ, что вопросъ о томъ, представляется ли извѣстное выраженіе оскорбительнымъ по своему характеру, составляетъ вопросъ существа дѣла, что желаніе оскорбить (*animus injurandi*) имѣется тогда, когда употребляющее извѣстныя выраженія лицо не можетъ не сознавать по житейской обстановкѣ, что они, дѣйствительно, оскорбляютъ адресата. Не понимать же ихъ оскорбительности докторъ Бѣлавинъ не могъ, разъ онъ не доказалъ, что онъ находится на такой низкой степени умственного и нравственного развитія, что не понимаетъ обыкновенныхъ вещей.

По этимъ соображеніямъ тов. о. прокурора предлагалъ, что кассационная жалоба не заслуживаетъ уваженія.

Правительствующій Сенатъ, опредѣлилъ: кассационную жалобу доктора Бѣлавина на основаніи 912 ст. у. у. с., оставить безъ послѣдствій.

IV.

Символическое самоуправство.

6-го марта во 2 отдѣленіи уголовнаго кассационнаго департам. Сената разсматривалось дѣло о кievскомъ купцѣ Шварцманѣ и приказчикѣ его Соколовѣ, признанныхъ мѣстнымъ съѣздомъ виновными въ самоуправствѣ.

Какъ видно изъ обвинительнаго приговора, 11 сентября 1898 г. въ магазинъ Шварцмана, въ Кіевѣ, явилась дама на „распродажу остатковъ“ и купила нѣсколько штукъ ихъ. Едва она успѣла выйти изъ магазина, какъ ее нагналъ приказчикъ магазина Соколовъ и предложилъ ей возвратиться въ магазинъ. Изъ дальнѣйшихъ объясненій неизвѣстная дама поняла, что ее подозрѣваютъ въ уносѣ неоплаченныхъ ею „остатковъ“. Зашелъ въ контору и самъ владѣлецъ магазина, который предоставилъ свободу дѣйствій своему приказчику, а самъ удалился изъ конторы. Провѣрили остатки, все оказалось въ порядкѣ. Тогда Соколовъ сталъ требовать отъ неизвѣстной, чтобы она распахнула ротонду и показала, не спрятано ли за нею чего нибудь, и сдѣлалъ движеніе, какъ бы собирався произвести обыскъ самолично. Возмущенная дама стала кричать, что не позволить себя обыскать, и потребовала приглашенія полиціи, а когда Соколовъ отказывался идти за полиціей, потребовала самого хозяина. Шварцманъ былъ приглашенъ изъ другого своего магазина и засталъ неизвѣстную въ состояніи крайняго возбужденія. Шварцманъ сталъ ее успокаивать, что онъ лично ни въ чемъ не подозрѣваетъ ее и ничего не имѣетъ противъ того, чтобы она свободно ушла изъ магазина. Но дама кричала, что разобьетъ всѣ окна въ магазинъ, если не будетъ приглашена полиція. Только послѣ этого заявленія былъ вызванъ по телефону околоточный надзиратель. Тутъ только неизвѣстная открыла свое званіе и оказалась женою надворнаго совѣтника Черняковскаго, приватъ-доцента мѣстнаго университета. Она потребовала, чтобы ее обыскали, и въ присутствіи г-на Шварцмана и полицейскаго надзирателя раздѣлась до бѣлья. Дѣйствительно, подозрѣніе Соколова оказалось неосновательнымъ. Мировой судья призналъ Соколова виновнымъ въ самоуправствѣ и приговорилъ его къ аресту при полиціи на два мѣсяца, Шварцмана же оправдалъ.

На этотъ приговоръ были принесены апелляціонныя жалобы какъ Соколовымъ, такъ и потерпѣвшей. Мировой съѣздъ нашелъ, что если даже признать возвращеніе въ магазинъ Соколовымъ Черняковской дозволеннымъ способомъ возстановленія своихъ правъ, при отсутствіи возможности обра-

титься къ содѣйствію полиціи (рѣш. уг. кас. депар. №№ 520 и 1507 1870 года), то дальнѣйшія дѣйствія Соколова вполне уже соотвѣтствуютъ въсѣмъ признакамъ самоуправства, такъ какъ, несмотря на бесспорную легкость и доступность приглашенія полиціи, онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ произвольный образъ своихъ дѣйствій, направленный къ нарушенію личныхъ правъ Черняковской. Такимъ образомъ, Соколовъ является виновнымъ въ совершеніи проступка, предусмотрѣннаго 142 ст. уст. о нак. Что же касается Шварцмана, то хотя онъ непосредственно дѣянія этого не совершалъ, но присутствуя въ два прихода свои въ контору принадлежащаго ему магазина при самоуправныхъ дѣйствіяхъ своего приказчика, Соколова, и зная о причинѣ задержанія этимъ послѣднимъ Черняковской содѣйствовалъ дальнѣйшему совершенію Соколовымъ самоуправства—что отвѣчаетъ понятію о соучастіи, наказуемому, согласно 15 и 142 ст. ст. уст. о нак.

Въ виду этого съѣздъ приговорилъ обоихъ обвиняемыхъ къ аресту въ домѣ для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей: Соколова—на три недѣли, Шварцмана—на пять дней.

На этотъ приговоръ были принесены кассационныя жалобы обоими обвиняемыми. Со стороны Соколова выступилъ пом. прис. пов. Д. А. Левинъ, интересы Шварцмана защищалъ прис. пов. А. Н. Турчаниновъ.

Защитникъ Соколова указалъ, что фактическій составъ самоуправства слагается здѣсь изъ двухъ актовъ—требованія подчиниться обыску добровольно и движеній рукъ, выражающихъ символизирующее намѣреніе произвести обыскъ самоуправно. Съѣздъ принялъ внѣшніе, видимые только для глаза, знаки самоуправныхъ намѣреній за самое самоуправство, символъ дѣйствительности онъ принялъ за самую дѣйствительность; если здѣсь и было самоуправство, то особаго рода—самоуправство символическое. Но самоуправство—преступленіе не символическое: въ самоуправствѣ насиліе не есть только символъ чего-то другого, лежащаго за нимъ, а необходимый и существенный моментъ состава этого грубо-конкретнаго, грубо-физическаго правонарушенія. Для наличности самоуправства необходимо либо физическое насиліе надъ лицомъ, либо физическое вторженіе въ область чужого владѣнія; одно психическое насиліе не можетъ наполнить собою составъ самоуправства. Необходимо физическаго момента вытекаетъ изъ самаго понятія самоуправства, изъ природы этого преступленія, составляющаго столько же посягательство на права личности, сколько и на прерогативы общественной власти; самоуправство это—проступокъ противъ суда, противъ судебной власти. Но никто не обязанъ обращаться къ содѣйствію общественной власти для того, чтобы потребовать или предложить кому-нибудь добровольно что-нибудь сдѣлать или исполнить; такое требованіе или предложеніе можетъ оскорбить права личности, если оно обидно по формѣ или содержанію, но не затрагиваетъ прерогативъ общественной власти и слѣдовательно не можетъ быть самоуправствомъ.

А. Н. Турчаниновъ, изслѣдуя дѣйствія своего довѣрителя во время инцидента 11 сентября и принимая ихъ въ томъ видѣ, какъ они установлены въ приговорѣ съѣзда, не видѣлъ въ нихъ состава какого бы то ни было преступленія. Что вмѣняется ему съѣздомъ въ вину? Что онъ, присутствуя при требованіи, обращенномъ его приказчикомъ Соколовымъ къ г-жѣ Черняковской, о томъ, чтобы она подверглась обыску, и слыша протесты послѣдней, не прекратилъ этой сцены и, во-вторыхъ, не исполнилъ домогательства г-жи Черняковской о приглашеніи полиціи. Г. Турчаниновъ полагаетъ, что Шварцманъ, въ сущности, и не могъ даже вмѣшаться въ это дѣло, разъ приказчикъ вступилъ въ непо-

средственныя отношенія къ г-жѣ Черняковской, что приказчикъ вправѣ былъ его послушаться и, во всякомъ случаѣ, еслибѣ онъ отпустилъ г-жу Черняковскую, а впослѣдствіи оказалась бы недостача товара, то уже хозяинъ не могъ бы требовать съ приказчика. Что касается приглашенія полиціи, то, по мнѣнію г. Турчанинова, ни одинъ квартирохозяинъ не обязанъ приглашать къ себѣ полицію по требованію посторонняго лица, для удостовѣренія тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, и если бы могла идти рѣчь объ обязательности для Шварцмана пригласить кого-нибудь, то развѣ — доктора, еслибѣ съ г-жей Черняковской сдѣлалось дурно. Въ одномъ только случаѣ происшествіе 11 сентября могло бы подойти подъ самоуправство, если бы было доказано, что г-жа Черняковская, вопреки ея волѣ, задерживалась въ магазинѣ до прибытія полиціи, но сѣздъ самъ установляетъ, что Шварцманъ предлагалъ потерпѣвшей удалиться изъ магазина и съ своей стороны заявлялъ, что рѣшительно ни въ чемъ не дозрѣваетъ ее.

Товарищъ оберъ-прокурора далъ заключеніе объ оставленіи кассационныхъ жалобъ безъ послѣдствій. Правительствующій Сенатъ, принимая во вниманіе: 1) что непризнаніемъ со стороны сѣзда, въ силу рѣшенія угол. кас. д-та 1870 г. за №№ 520 и 1507, самоуправства въ фактѣ возвращенія Черняковской въ магазинъ, дѣяніе, за которое осуждены обвиняемые, установлено въ приговорѣ суда въ слѣдующемъ видѣ: по приходѣ въ контору магазина, Соколовъ требовалъ отъ Черняковской подчиниться обыску, обнаруживая движеніями рукъ поползновеніе приступить къ таковому, чего, однако, не исполнилъ, въ виду сопротивленія Черняковской, требовавшей призыва полиціи для производства обыска; Шварцманъ же, приходившій въ контору и видѣвшій образъ дѣйствій Соколова, сначала отказывалъ Черняковской въ приглашеніи полиціи, а затѣмъ послалъ за таковою лишь тогда, когда Черняковская дошла до крайней степени раздраженія; 2) что въ изложенномъ выше дѣяніи обвиняемыхъ, признанномъ сѣздомъ самоуправствомъ, не усматривается признаніе этого проступка, такъ какъ самоуправствомъ называется осуществленіе своего дѣйствительнаго или мнимаго права, вопреки явнѣ выраженной волѣ потерпѣвшаго лица, посредствомъ употребленія противъ послѣдняго физическаго или нравственнаго насилия, а подсудимые именно не привели въ исполненіе своего мнимаго права обыска въ Черняковскую лично и, въ виду ея отказа допустить обыскъ въ отсутствіи полиціи, послали за таковою, причемъ не установлено задержанія Черняковской въ магазинѣ въ періодъ неисполненія ея требованій о призывѣ полиціи, въ чемъ могли бы заключаться признаки самоуправства; 3) что вслѣдствіе этого статьи 142 оказывается примѣненной неправильно, — опредѣлилъ: приговоръ Кіевскаго сѣзда мировыхъ судей отмѣнить, и дѣло, для новаго разсмотрѣнія, передать въ другой составъ того же сѣзда.

С.-Петербургская судебная палата.

Диффамация.

19 февраля въ С.-Петербургской судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію пот. дворянина М. М. Коншина въ диффамачіи. Въ № 303 за 1895 г. газеты „Виржевыя Вѣдомости“, редакторомъ которой состоялъ Коншинъ, была напечатана корреспонденція изъ города Остра, Черниговской губерніи, подписанная псевдонимомъ „L'ago“, въ коей между прочимъ сообщалось, что земскій начальникъ Остерскаго уѣзда В. Н. Ка—скій уволенъ въ отставку; что это тотъ самый Ка—скій, который, заручившись съ самаго вступленія въ должность сильными покровительствомъ и заступничествомъ, сразу заявилъ себя слишкомъ свободными и беззастѣнчивыми дѣйствіями, направленными далеко не въ пользу

крестьянъ; что Ка—скій изъ-за личной неприязни подготавливалъ, путемъ судебныхъ приговоровъ, тюремное заключеніе для крестьянъ, ни въ чемъ виновныхъ, — привлеченъ былъ затѣмъ къ слѣдствію за подкупъ на сельскомъ сходѣ избирателей и былъ признанъ достойнымъ занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ; что наконецъ Ка—скій захватилъ самоуправно у крестьянъ с. Смолина общественной участокъ земли.

Земскій начальникъ 2 участка Остерскаго уѣзда В. Н. Калиновскій, находя, что приведенная корреспонденція, представляетъ его служебную дѣятельность въ искаженномъ видѣ, возбудилъ ходатайство объ уголовномъ преслѣдованіи автора упомянутой корреспонденціи и отвѣтственнаго редактора „Виржевыхъ Вѣдомостей“ М. М. Коншина.

Фамилію автора корреспонденціи, подписавшагося псевдонимомъ „L'ago“, г. Коншинъ отказался назвать.

Въ засѣданіи г. Коншинъ виновнымъ себя не призналъ.

Защитникъ обвиняемаго присяжный повѣренный Кремлевъ представилъ палатѣ рядъ документовъ.

Товарищъ прокурора Бомъ настаивалъ на обвиненіи, находя его не опровергнутымъ.

Защитникъ обвиняемаго прис. пов. А. Н. Кремлевъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Гласность, во имя которой существуетъ печать, есть душа всякаго общественнаго дѣла — безъ такой души дѣло мертво. Но гласность есть и контроль общественнаго мнѣнія надъ тѣмъ или другимъ общественнымъ дѣломъ — безъ такого контроля общественное дѣло можетъ быть преступно. Мнѣ нѣтъ надобности перечислять подробно задачи печати по отношенію ко всѣмъ областямъ жизни и заслуги ея въ этомъ отношеніи.

По отношенію же къ закону печать имѣетъ если не большее, то во всякомъ случаѣ не меньшее значеніе, чѣмъ въ какой бы то ни было сферѣ общественной жизни. Достаточно вспомнить, какъ много она способствовала обнаруженію слабыхъ сторонъ тѣхъ или другихъ измѣненныхъ уже теперь законовъ и какъ часто она открывала такія нарушенія закона и преступленія, которыя безъ ея участія и вмѣшательства никогда не были бы обнаружены.

Въ числѣ явленій общественной жизни находится и институтъ земскихъ начальниковъ. Для того чтобы опредѣлить правильное законное отношеніе печати къ представителямъ этого института, необходимо выяснитъ идею и существо его.

Идея института явнѣ выражена въ именномъ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату 12 іюля 1889 г. Въ указѣ говорится: „Мы обратили вниманіе на затрудненія, представляющіяся правильному развитію благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей Имперіи. Одна изъ главныхъ причинъ этого неблагоприятнаго явленія заключается въ отсутствіи близкой къ народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями съ заботами по завершенію крестьянскаго дѣла и съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ“. Далѣе въ указѣ и выражено желаніе „устраненіемъ этого недостатка поставить мѣстную власть въ подобающее ей и согласное съ пользами государства положеніе“.

Къ сожалѣнію, русская пословица — „Жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь“ — сложилась не на почвѣ грезъ, а на почвѣ суровой дѣйствительности.

Въ массѣ нашего общества понятія власти и провозвола, власти и насилия различаются неясно. Стоитъ вспомнить знаменитое дѣло земскаго начальника Протопопова, котораго А. О. Кони мѣтко называлъ кандидатомъ безправія. Стоитъ упомянуть еще болѣе поразительный примѣръ превышенія власти земскимъ начальникомъ Львовымъ, который, какъ видно изъ представленной мною корреспонден-

денціи „Бирж. Вѣд.“ 14 февраля 1899 г. № 44, отмѣнили своей властью вступившее въ законную силу рѣшеніе Московской судебной палаты.

И если дѣятельность того или другого земскаго начальника не отвѣчаетъ закону, а тѣмъ болѣе нарушаетъ его, печать должна стать на защиту закона и безусловно обличать его нарушителей, а не покрывать ихъ и не повторствовать имъ.

Какъ же должна была отнестись печать къ тому случаю, по которому возникло настоящее дѣло?

Какъ видно изъ сообщенія Черниговскаго губернскаго правленія отъ 23 сентября 1896 г. № 4478 и изъ представленныхъ мною официальныхъ и неофициальныхъ документовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію судебной палаты по разъясенію общаго собранія Правительствующаго Сената 1889 г. № 30 и др., дѣятельность земскаго начальника Калиновскаго съ 18 апрѣля 1891 г. (со времени назначенія) по день увольненія его отъ должности представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) По удостовѣренію Черниговскаго губернскаго присутствія 16 января 1899 г. № 186, Калиновскимъ были допущены: *медленность и нерадѣніе*, послѣдствіемъ которыхъ произошли беспорядки и упущенія въ дѣлахъ; *превышеніе власти*, выразившееся въ удаленіи сельскаго старосты отъ службы безъ представленія о его увольненіи въ уѣздный сѣздъ, въ назначеніи волостнымъ судьей вновь избраннаго лица при наличности кандидатуръ; *превышеніе власти*, выразившееся въ понужденіи общества составить новый приговоръ при наличности законно составленнаго приговора, непредставленнаго къ отмѣнѣ въ уѣздный уѣздъ; *бездѣйствіе власти* по исполненію возложенныхъ на земскаго начальника обязанностей, вслѣдствіе чего произошли полная дезорганизация волостного и сельскаго управленій и волостнаго суда, расхищеніе общественнаго лѣса и растрата мірскаго капитала.

2) По дѣлу о кражѣ принадлежащаго Калиновскому чурбана стоимостью въ 5 коп. потерпѣвшій Калиновскій, пользуясь своимъ положеніемъ земскаго начальника, самъ руководилъ дознаніемъ, приказалъ учинить обыскъ, арестовать „лѣсной матеріалъ“ (5-копѣечный чурбанъ) и послѣ этой предварительной подготовки властный и сильный выступилъ въ качествѣ потерпѣвшаго противъ ни въ чемъ неповиннаго крестьянина Гореваго; Горевой приговоренъ былъ очереднымъ земскимъ начальникомъ къ заключенію въ тюрьму на 4 мѣсяца ¹⁾, но въ сѣздѣ товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія, приговоръ былъ отмѣненъ и Горевой оправданъ.

3) Благодаря антагонизму между крестьянами села Смолина и Калиновскимъ, послѣдній, выставившій 2 раза свою кандидатуру на должность предсѣдателя Смолинскаго церковнаго попечительства, 2 раза забаллотировывается крестьянами, которые не сочли Калиновскаго „надежнымъ“.

4) По составленному 31 октября 1891 г. обвинительному акту Калиновскій предается Черниговскому окружному суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ томъ, что передъ выборами въ гласные Остерскаго земскаго собранія, на которомъ онъ былъ избранъ въ гласные, подарками и общаніемъ выгодъ склонялъ лично и черезъ другое лицо нѣкоторыхъ изъ избирателей подать голосъ въ его, Калиновскаго, пользу, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1425 ст. улож. о наказ.

Правда, изъ сообщенія прокурора Черниговскаго окружнаго суда отъ 9 января 1893 г. № 82 видно, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ освободить дворянина Владиміра Калиновскаго отъ уголовнаго преслѣдованія по обвиненію въ подкупѣ избирателей, но объ этой амнистии ничего до сихъ поръ не было извѣстно, а въ мо-

ментъ написанія корреспонденціи было полное основаніе думать и вѣрить, что дѣянія Калиновскаго и преступленія его будутъ судимы по закону.

Прошу васъ, гг. судьи, сравнить корреспонденцію съ дѣйствительностью, удостовѣренною документами, и вы увидите, что корреспонденція сравнительно съ дѣйствительностью представляется лишь слабымъ ея отраженіемъ, скромною лѣтописью, обнимающею только часть совершившихся событій.

Въ корреспонденціи есть только одна неточность — это упоминаніе о томъ, что отставка Калиновскаго — „совершившійся фактъ“. Корреспонденція написана въ 1895 году, а, какъ видно изъ дѣла, Калиновскій служилъ еще земскимъ начальникомъ и въ 1896 г.; уволенъ же онъ былъ позднѣе. Такая неточность, разумѣется, не можетъ представлять ни опозоренія, ни злословія, ни брани.

Другое обстоятельство — самоуправный захватъ у крестьянъ села Смолина 20 десятинъ чернозема — пока еще не подтверждено письменными документами, такъ какъ, несмотря на свидѣтельство палаты отъ 11 декабря 1898 г. № 19921, до сихъ поръ не получена изъ волостнаго правленія копія приговора общества села Смолина о захватѣ Калиновскимъ общественной земли.

Все остальное, изложенное въ корреспонденціи, безусловно доказано:

1) Сильное покровительство и заступничество въполнѣ удостовѣрено документами, ибо безъ такого покровительства не было бы и амнистии.

2) Слишкомъ свободныя и беззапѣчивыя дѣйствія Калиновскаго вполне доказаны представленными вырѣзками изъ газетъ.

3) Подготовленіе тюремнаго приговора подтверждено корреспонденціей „Бирж. Вѣдомостей“ № 304 1894 г., оставшейся никѣмъ не опровергнутой.

4) Забаллотированіе въ церковно-приходскіе попечители подтвердилось корреспонденціей „Кіевскаго Слова“, тоже не опровергнутой.

5) Наконецъ, преданіе суду за подкупъ избирателей подтверждено копіей обвинительнаго акта 31 октября 1891 г.

Такимъ образомъ, дѣятельность Калиновскаго представлена въ корреспонденціи не только не въ искаженномъ, а скорѣе въ уменьшенномъ видѣ, потому что въ корреспонденціи не упоминается ни о беспорядкахъ и упущеніяхъ, ни о превышеніи и бездѣйствіи власти, ни о полной дезорганизации волостного и сельскаго управленій и волостнаго суда, ни о расхищеніи общественнаго лѣса, ни о растратѣ мірскаго капитала.

Калиновскій утверждаетъ, что корреспонденція вредитъ его чести и достоинству. Онъ ошибается: его чести и достоинству вредятъ совершенныя имъ дѣянія, а не корреспонденція, которая ихъ отразила какъ зеркало, хотя отчасти.

Къ дѣянію подсудимаго обвинительный актъ, а затѣмъ и г. товарищъ прокурора прилагаютъ мѣру 1039 и 1040 ст. улож.

Прежде всего я долженъ сказать, что примѣненіе 1040 ст. должно быть во всякомъ случаѣ исключено. 1040 статья караетъ за оскорбительный отзывъ въ печати безъ указанія опредѣленнаго порочащаго обстоятельства (что подтверждается рѣшеніями Правит. Сената 1870 г. №№ 1300 и 1659 по дѣламъ Стасова и Вѣшенцова, и приговоромъ Сената 1877 г. № 79 по дѣлу Озмидова), а переходъ отъ обвиненія по 1039 ст. къ обвиненію по 1040 ст. законъ допускаетъ только въ томъ случаѣ, „если судъ въ формѣ изслѣдуемаго сочиненія или въ способъ его распространенія и другихъ обстоятельствахъ усмотритъ явный умыселъ нанести должностному лицу или установленію оскорбленіе“. (По приговору Сената 1878 г. № 80, по дѣлу Хрущова-Сокольниковы, для примѣненія 1040 ст. необходимы нападенія на личность, униженіе нравственнаго достоинства кого либо).

Такимъ образомъ, нельзя ни примѣнить 1040

¹⁾ По уст. о нак. за кражу на сумму менѣе 50 к. наказаніе можетъ быть уменьшено до $1\frac{1}{2}$ мѣс.

статью, ни перейти къ ней, ибо ни самая форма корреспонденціи не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго, ни явнаго умысла нанести оскорбленіе нѣтъ, ни нападокъ на личность, ни униженія нравственнаго достоинства кого либо. Корреспонденція сообщаетъ факты, а если они унижаютъ нравственное достоинство кого-либо, въ этомъ уже не вина печати. Что касается 1039 ст., то на точномъ основаніи 2 ея части подсудимый Коншинъ долженъ быть освобожденъ отъ всякаго наказанія, ибо не только факты, сообщенные корреспонденціей, подтверждены письменными документами, но эти письменные документы удостовѣрили обстояательства, гораздо болѣе обличающія и осуждающія Калиновскаго, чѣмъ скромная газетная замѣтка. Документы даютъ гораздо болѣе чѣмъ требуетъ законъ.

Такимъ образомъ, печать въ данномъ дѣлѣ не только добросовѣстно исполнила обязанность публициста, но и обнаружила извѣстное гражданское мужество, не всегда и не вездѣ практикуемое. А такъ какъ, по разъясненію общаго собранія Прав. Сената 1889 г. № 30, цѣль уголовного правосудія заключается въ раскрытіи не формальной, а матеріальной истины, то подсудимый Коншинъ долженъ быть безусловно оправданъ*.

Въ своемъ последнемъ словѣ подсудимый обратилъ вниманіе суда на то значеніе, какое можетъ имѣть его приговоръ по настоящему дѣлу для русской печати и ея отношенія къ дѣятельности земскихъ начальниковъ. „Г. Калиновскій сдѣлалъ много разныхъ несправедливостей,—сказалъ г. Коншинъ.— Сначала онъ попалъ подъ судъ,—подъ судъ *судебный*, но не былъ оправданъ, хотя и не былъ обвиненъ. Далѣе, за тѣ преступныя дѣянія, которыя онъ совершалъ въ качествѣ земскаго начальника, онъ подвергнутъ суду *административному*, въ лицѣ губернскаго присутствія, и опять-таки не былъ оправданъ, хотя и не былъ обвиненъ. Этотъ необычайный ходъ вещей можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что въ этомъ дѣлѣ дѣйствовала таинственная сила,—наша всемогущая протекція. Наконецъ, г. Калиновскій попалъ подъ судъ общественнаго мнѣнія, въ лицѣ ея печати, и тутъ,—я счастливъ сказать,—ему не было пощады,—та сила, которая спасла его отъ суда officialнаго, оказалась безсильною. Г. Калиновскій имѣлъ мужество протестовать и противъ этого суда. Если палата подкрѣпитъ своимъ приговоромъ его изумительную претензію,—я предвижу, что все наши новые администраторы, изъ тѣхъ, которые придериваются взглядовъ г. Калиновскаго на свои обязанности, высоко поднимутъ свои головы и скажутъ: чего намъ бояться? Судъ насъ не судитъ, начальство прощаетъ, а печать... развѣ она смѣетъ говорить о насъ даже правду!“

Послѣ краткаго совѣщанія палата опредѣлила: на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд., считать г. Коншина оправданнымъ.

С.-Петербургскій столичный мировой судья 5 уч.

Нарушеніе циркуляра гл. управленія по дѣламъ печати.

6 ст. устава о цензурѣ и печати гласитъ: „Отъ предварительной цензуры изъять нижеслѣдующія произведенія печати: а) *въ обиходъ столичагъ*: 1) всѣ оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и 2) всѣ переводы объемомъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ; б) *повсемѣстно*...“

Въ циркулярѣ отъ 24 сентября 1896 г. главное управленіе по дѣламъ печати разъяснило, что „по буквальному смыслу закона“ (т. е. ст. 6) „безъ предварительной цензуры могутъ быть печатаемы установленнаго объема лишь книги, заключающія въ себѣ одно какое-либо сочиненіе“, и черезъ инспекторовъ типографій обязало подпиской всѣхъ содержателей заведеній печати въ столицахъ не печатать

впредь безъ предварительной цензуры сборниковъ оригинальныхъ или переводныхъ статей. А когда одинъ изъ владѣльцевъ типографій—В. А. Тихоновъ, напечатать безъ предварительной цензуры книгу „Націонализація земли, ея необходимость, цѣли и способъ осуществленія. Статьи: Г. Спенсера, Д. С. Милля, А. Уоллеса, Ч. Уикстиды и М. Флюршейма. Переводъ и изданіе Д. Л. Муратова“,—представилъ ее въ цензурный комитетъ, старшій инспекторъ типографій привлекъ его къ ответственности по 29 ст. уст. о нак.

2 марта дѣло разсматривалось у мирового судьи 5 уч. Со стороны обвиненія выступилъ инспекторъ типографій ст. сов. А. П. Сафоновъ; обвиняемаго защищать пом. прис. пов. М. В. Беренштамъ.

Не входя въ оцѣнку законности циркуляра гл. управленія, обвинитель указалъ лишь на то, что В. А. Тихоновъ, напечатать книгу, не представляющую изъ себя одного сочиненія, нарушилъ требованіе гл. управленія, подчиниться которому онъ обязался своей подпиской.

Въ своей рѣчи защитникъ обвиняемаго указалъ, что уставъ о ценз. и печ. изданъ 6 апр. 1865 г., а циркуляръ гл. управленія—24 сент. 1896 г. Если бы законъ дѣйствительно запрещалъ печатаніе сборниковъ безъ предварительной цензуры, то цензурные комитеты, цензоры и главное управленіе не могли бы въ теченіе 31½ года выдавать владѣльцамъ типографій разрѣшеніе на выпускъ такихъ сборниковъ въ свѣтъ. Очевидно, раньше 6 ст. принималась иначе, и только два года назадъ признали незаконнымъ то, что всѣми, даже самими авторами закона 6 апр. 1865 г., признавалось согласнымъ съ истиннымъ смысломъ его. А такъ какъ уст. о ценз. и печ. не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній на тѣ требованія, которыя выставлены въ циркулярѣ, такъ какъ единственнымъ критеріемъ для разрѣшенія вопроса, можетъ-ли книга печататься безъ предварительной цензуры, 6 статья выставяетъ количество листовъ ея и совершенно не касается состава книги,—то, несомнѣнно, необходимо признать, что только прежнее толкованіе этой статьи можетъ считаться правильнымъ, и что требованіе гл. управленія не можетъ быть признано законнымъ.

Циркуляръ заканчивается такими словами: „исключеніе можетъ быть сдѣлано только для такихъ сборниковъ учебныхъ или научныхъ, каковыя, напримѣръ, хрестомаліи, историческіе матеріалы и т. п.“. Такимъ образомъ, рѣшающимъ моментомъ, по мнѣнію гл. управленія, является уже не „единство“ сочиненія, а содержаніе книги: нѣкоторые сборники (какіе именно—въ циркулярѣ указано слишкомъ неопредѣленно) могутъ печататься и безъ предварительной цензуры. А такъ какъ 6 ст. ничего не говоритъ о „научности“ сборниковъ, такъ какъ она вовсе не упоминаетъ объ историческихъ матеріалахъ и хрестоматіяхъ, то, очевидно, признакъ научности долженъ быть отброшенъ, и тогда единственнымъ мѣриломъ останется только количество листовъ книги.

6 ст. называетъ „оригинальныя сочиненія“ и „переводы“. Если бы предположить даже, что подъ словомъ „сочиненіе“ можно понимать „отдѣльное сочиненіе“, то и тогда требованіе гл. управленія было бы законнымъ лишь по отношенію къ оригинальнымъ сочиненіямъ. Замѣнитъ слово „переводы“ цѣлымъ выраженіемъ „одно переводное сочиненіе“ можно только въ томъ случаѣ, если не считаться съ требованіемъ 65 ст. осн. зак.: „утверждать опредѣленія свои на точныхъ словахъ закона, не перемѣняя въ нихъ, безъ доклада Его Императорскому Величеству, ни единой буквы и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій“.

Требуй, чтобы книга представляла изъ себя „одно сочиненіе“, гл. управленіе указываетъ только, что сборники, состоящіе изъ нѣсколькихъ статей,

не подходить под понятие „одного сочинения“. Несомненно, однако, что книги, содержащая в себѣ нѣсколько самыхъ разнообразныхъ статей, въ разное время вышедшихъ изъ-подъ пера *одного и того же* автора, такъ же мало удовлетворяютъ требованіямъ гл. управленія, какъ и сборники статей разныхъ авторовъ. Оставаясь послѣдовательнымъ, гл. управленіе должно было бы воспретить печатаніе безъ предварительной цензуры и всѣхъ „собранныхъ сочиненій“ одного автора. Однако, гл. управленіе этого не дѣлаетъ и различаетъ собраніе сочиненій одного писателя отъ сборниковъ статей разныхъ авторовъ. Но такъ какъ 6 ст. ничего не говоритъ о принадлежности книги одному или нѣсколькимъ авторамъ, то и этотъ признакъ долженъ быть отброшенъ; слѣдовательно, печатаніе сборниковъ безъ предварительной цензуры—не противорѣчитъ „буквальному смыслу закона“.

Освобожденіе книгъ извѣстнаго объема отъ предварительной цензуры министръ вв. д., гр. Валуевъ, мотивировалъ „серьезностью содержанія ихъ, значительностью продажной платы и ограниченностью въ обращеніи“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сборники опредѣленнаго объема отличаются „значительностью платы и ограниченностью въ обращеніи“ ничуть не меньше „отдѣльных“ сочиненій того же объема. И если иногда они менѣе серьезны, чѣмъ отдѣльныя сочиненія въ 160 или 320 страницъ, то иногда они бываютъ и болѣе научны, и болѣе серьезны. Лучшимъ этому доказательствомъ служить тотъ сборникъ, который послужилъ поводомъ къ обвиненію В. А. Тихонова: имена Спенсера, Милля и др. являются достаточной гарантіей серьезности всего сборника.

Установивъ затѣмъ, что подписка, данная обвиняемымъ, какъ неоднократно разъясняли Пр. Сенатъ, не освобождаетъ судъ отъ обязанности войти въ обсужденіе вопроса о законности требованій административныхъ властей, пом. прис. пов. М. В. Беренштамъ закончилъ свою рѣчь просьбой признать требованіе гл. управленія по дѣламъ печати незаконнымъ и оправдать обвиняемаго.

Мировой судья опредѣлялъ: признать В. А. Тихонова въ обвиненіи по 29 ст. уст. о нак. по суду оправданнымъ.

Всеподданнѣйшее представленіе Финляндскаго Императорскаго Сената по поводу Высочайшаго манифеста и основныхъ положеній 3 февраля 1899 года.

„Согласно милостивому манифесту отъ 3 (15) февраля, Ваше Императорское Величество утвердили особыя основныя положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ, согласно Вашему Императорскаго Величества милостивому повелѣнію, сегодня обнародовалъ доставленныя ему копии помянутаго милостиваго манифеста и основныхъ положеній. Сенатъ, которому вѣрено общее управленіе страной, полагаетъ своимъ священнымъ долгомъ, предписываемымъ ему служебною присягой, не менѣе чѣмъ и вышеупомянутымъ его положеніемъ, всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству свой отзывъ о тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя милостивый манифестъ и основныя положенія вызвали въ Сенатѣ.

„Внутреннее устройство Финляндіи и ея положеніе относительно Имперіи утверждены милостивымъ удостовѣреніемъ блаженной памяти Императора Александра I отъ 15 (27) марта 1809 года, въ которомъ Императоръ Самъ милостиво соблаговолилъ выра-

зить, что „этими актомъ, торжественно, въ присутствіи сословій, изданнымъ и во имя святости Всевышняго объявленнымъ“, Онъ утвердилъ и удосто- вѣрилъ религію и основныя законы страны, а также тѣ привиллегіи и права, которыми въ Великомъ Княжествѣ каждое сословіе особо и всѣ его обитатели въ общемъ, какъ высшіе, такъ и низшіе, до сихъ поръ согласно конституціи пользовались. Что Императоръ при этомъ имѣлъ въ виду тѣ конституціонныя права, которыя предоставлялись подданнымъ дѣйствовавшей тогда въ Финляндіи государственною конституціей, или же, точнѣе, древнія права населенія, самообложенія и участія въ законодательствѣ, само по себѣ очевидно... Императоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ нужнымъ при представлявшихся случаяхъ выражать свои намѣренія въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ Императоръ открылъ сеймъ словами:

„J'ai promis de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales.

„Въ манифестѣ отъ 15 (27) марта 1810 года Императоръ выражаетъ, какимъ образомъ онъ намѣревался управлять этою страной „comme une nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantie“.

„Въ милостивомъ объявленіи отъ 9 (23) февраля 1816 года Императоръ говоритъ далѣе:

„Убѣжденный, что та конституція и тѣ законы, какъ согласующіеся съ правами, обычаями и образованіемъ Финскаго народа, въ теченіе многихъ лѣтъ составляли основы его гражданской свободы и спокойствія, а также что они безъ вреда для народа не могутъ быть ограничены или нарушены, то Мы съ перваго же часа Нашего царствованія надъ этою страной торжественно утвердили ея конституцію и законы съ тѣми каждому финляндскому гражданину изъ сего исходящими свободами и правами, вѣдѣнствіе чего Мы, по совѣщанію съ собравшимися сословіями страны, учредили особое правленіе, составленное изъ финляндцевъ, которое, подъ названіемъ нашъ Правительственный Совѣтъ, до сихъ поръ Нашимъ Именемъ имѣло попеченіе о гражданскомъ управленіи страной и чинило правосудіе въ высшей инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующеюся съ оной Нашей волей. Таковыми мѣрами доказавъ Наше доброе расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святости сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою Нашею и наслѣдниковъ Нашихъ“.

„По тѣмъ основамъ, положеннымъ актомъ соединенія Императора Александра I, правленіе Финляндіи руководилось и развивалось, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сословіямъ страны мудрыми мѣрами Императора Александра II подготовлена возможность собираться чаще и въ опредѣленное время. Такъ какъ Финляндія соединена и подчинена Имперіи, обладающей властью Державною, то изъ сего естественно слѣдуетъ, что нѣкоторые вопросы, касающіеся порядка наслѣдованія Императорской Фамиліи и международныя дѣла вовсе изъяты изъ вѣдѣнія и производства финскихъ учреждений. Но, согласно конституціи страны, такою, какъ она была утверждена и примѣнена Императоромъ Александромъ Первымъ и Его Высочайшими Преемниками, вопросы, подлежащіе обсужденію финскихъ учреждений, не могутъ быть изъяты отъ согласной законамъ разработки ихъ въ этихъ учрежденіяхъ только потому, что они вмѣстѣ съ тѣмъ касаются общихъ интересовъ всей Россійской Имперіи, или общихъ имперскихъ, или иначе состоятъ въ связи съ законодательствомъ Имперіи, въ виду того, что помянутую конституціей, дѣль которой,—согласно многократно высказанному Императоромъ Александромъ I, подготовить финляндскому народу его политическое и національное существованіе,—опредѣ-

ляется, что Финляндія сама по себѣ самостоятельна въ области законодательства и управленія, для которой законы издаются Монархомъ при содѣйствіи собственныхъ учреждений страны. Въ такомъ случаѣ, если конституція требуетъ участія сословій въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ, то ихъ рѣшеніе Монархъ утверждаетъ неизмѣннымъ, или же дѣло признается на этотъ разъ не рѣшеннымъ. Въ прочихъ случаяхъ Монархъ одинъ постановляетъ рѣшенія, которыя онъ усматриваетъ полезными для страны.

„Между тѣмъ пунктъ 5-й основныхъ положеній предписываетъ, чтобы проекты законовъ, которые, согласно порядку внутреннего управленія Великаго Княжества Финляндскаго, передаются сейму Финляндіи, передавались ему только для обсужденія, и о нихъ требуется у сейма лишь его отзывъ, такъ же какъ и при изданіи такъ называемыхъ имперскихъ законовъ. Но тѣ законопроекты, которые, согласно основнымъ законамъ Финляндіи, слѣдуетъ передавать на сеймъ, становятся не только предметомъ его отзыва, но должны быть вершаемы рѣшеніемъ сословій и, какъ упомянуто, утверждаются Монархомъ неизмѣняемыми, или отклоняются имъ. Однако, содержаніе помннутыхъ основныхъ положеній заключаетъ возможность изданія законовъ вопреки отзыву сейма, слѣдовательно, положенія эти ограничиваютъ согласныя основнымъ законамъ права сословій. Подобное ограниченіе настолько же неопредѣленно, какъ и самый объемъ законовъ, признаваемыхъ затрагивающими интересы Имперіи, и объёмъ подобнаго закона можно распространить на какую угодно законодательную область. Такъ какъ основныя постановленія, о которыхъ говорится, заключаютъ въ себѣ отклоненія отъ основныхъ законовъ Финляндіи, то изъ этого слѣдуетъ, что подобная законодательная мѣра не могла на законномъ основаніи произойти помимо содѣйствія сословій, потому что, согласно § 71 сеймоваго устава, основной законъ можетъ быть изданъ, измѣненъ, объявленъ или прекращенъ только по предложенію Императора Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій.

„Сенатъ, поэтому, усматриваетъ, что его побуждаетъ долгъ всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что означенная законодательная мѣра не произошла согласно порядкамъ утвержденнымъ основными законами Финляндіи. Сенатъ не колеблется всеподданнѣйше выразить, что финскій народъ, безъ различія какъ высшіе, такъ и низшіе, вынужденъ видѣть въ этомъ угнетеніи (undertryckande) его конституціонныхъ правъ, котораго, насколько извѣстно народу, онъ не вызвалъ какими-либо дѣйствіями.

„Всемиловитѣйшій Императоръ, жители Финляндіи никогда не переставали благословлять память великаго Монарха, который, когда Финляндія, соединившись съ Имперіей, пошла навстрѣчу своихъ новыхъ судебъ, сумѣлъ привязать къ себѣ этотъ народъ неразрывными узами вѣрности и любви. Финляндскій народъ также глубоко сознаетъ тотъ долгъ благодарности, которымъ онъ обязанъ своимъ послѣдующимъ благороднымъ Монархамъ, за ту защиту, которую Они оказывали этому народу и за всѣ Ихъ благодѣянія. Его мысли высоки о священной Особѣ Монарха и ненарушимости Его Царскаго слова; онъ всегда видѣлъ въ нихъ надежный оплотъ охраны законнаго положенія страны. У Сената Вашего Императорскаго Величества не можетъ даже возникнуть и мысли, чтобы въ милостивыя желанія и намѣренія Вашего Императорскаго Величества входило отступитъ отъ торжественнаго удостовѣренія: сохранить твердо и ненарушимо конституцію страны во всей ея силѣ. Сенатъ, поэтому, долженъ, предложить, что, по недоразумѣнію, не обращено должнаго вниманія на конституціонныя права Финляндіи, и если подобное не исправить, то это распространитъ глубочайшее удрученіе среди финскаго на-

рода и обезсилить его трудолюбивую дѣятельность по повышенію образованія и благосостоянія въ этихъ скудно природою надѣленныхъ сѣверныхъ областяхъ.

„Сенатъ питаетъ твердое удѣженіе, что Ваше Императорское Величество какъ настоящимъ, а равно и прочими правительственными мѣропріятіями имѣли въ виду благо финскаго народа, и что надлежащее уваженіе къ конституціоннымъ правамъ сословій не несомѣстимо съ порядкомъ обсужденія дѣлъ, предписаннымъ въ основныхъ положеніяхъ.—Сенатъ осмѣливается всеподданнѣйше ходатайствовать; чтобы Ваше Величество соизволили милостиво объявить, что настоящимъ мѣропріятіемъ изданія законовъ не имѣется въ виду ограничить права финскаго народа, согласныя съ основными законами. Безъ сомнѣнія, могутъ быть вопросы о законахъ, затрагивающихъ общіе интересы Имперіи, которые надлежитъ обсуждать инымъ, а до сихъ поръ обыденнымъ путемъ, такъ какъ Сенатъ убѣжденъ, что финскій народъ не уклонится отъ жертвъ, требуемыхъ дѣйствительными интересами Имперіи, то Сенатъ осмѣливается симъ ходатайствовать, чтобы Ваше Императорское Величество соизволили поручить свѣдущимъ лицамъ, какъ со стороны русскихъ, такъ и финновъ, выработать проектъ закона о порядкѣ законодательства по дѣламъ, касающимся общихъ интересовъ Имперіи, каковой законопроектъ, по заботливой подготовкѣ и рассмотрѣніи, былъ бы, согласно съ основными законами, переданъ сословіямъ Финляндіи для его обсужденія“.

(Моск. Вѣд.).

Хроника.

15 февраля Высочайше утверждено мнѣніе Государственного Совѣта о введеніи судебной реформы въ полномъ объемѣ въ пяти сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губ.

При этомъ между прочимъ постановлено уст. гражд. суд. дополнить статью 962¹ слѣдующаго содержанія: „Въ уѣздахъ Велико-Устюжскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ, Вологодской губ., жалобы на неправильное исполненіе рѣшеній общихъ судебныхъ мѣстъ и всѣ споры по исполненію, за исключеніемъ касающихся толкованія рѣшеній, подлежатъ рассмотрѣнію мѣстнаго, по производству исполнительныхъ дѣйствій, уѣзднаго члена окр. суда“,—и статью 163 пол. части дополнить примѣчаніемъ 2, слѣдующаго содержанія: „Въ уѣздахъ Велико-Устюжскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ Вологодской губ., нотаріусамъ и заступающимъ ихъ мѣсто должностнымъ лицамъ дозволяется выписи изъ актовъ, подлежащихъ утвержденію старшаго нотаріуса, отсылать къ сему послѣднему по почтѣ“.

Того же числа Высочайше утверждено мнѣніе Государственного Совѣта объ устройствѣ судебной части въ Закаспійской области.

Проектъ новаго, по счету седьмого, табачнаго устава окончательно выработанъ и министерствомъ финансовъ внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе объ измѣненіи системы взиманія акцизнаго съ табака налога, въ смыслѣ однообразнаго полюднаго обложенія листового табака.

Министерством финансовъ, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, разъяснено, что **евреи, плательщики дополнительнаго сбора**, не могутъ быть избираемы членами или замѣстителями ихъ въ присутствіяхъ по промысловому налогу внѣ черты постоянной еврейской осѣдлости, такъ какъ, согласно ст. 39 положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ, члены изъ плательщиковъ и ихъ замѣстители въ присутствіи по государственному промысловому налогу могутъ быть избираемы только изъ числа лицъ, имѣющихъ по закону право участія въ выборахъ, по дѣйствующимъ же законоположеніямъ евреев, внѣ мѣстъ постоянной еврейской осѣдлости, не допускаются къ участию ни въ земскихъ, ни въ городскихъ выборахъ.

На послѣднемъ сѣздѣ углепромышленниковъ юга Россіи былъ возбужденъ **рядъ ходатайствъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей нынѣ дѣйствующаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ**, причемъ всѣ эти ходатайства касаются лишь увеличенія числа гласныхъ въ земскихъ собраніяхъ, такъ какъ, по мнѣнію сѣзда, въ настоящее время въ многочисленныхъ собраніяхъ гласныхъ земства участіе только двухъ представителей отъ горнозаводскихъ промысловъ представляется крайне незначительнымъ и мало вліятельнымъ. Въ цѣляхъ увеличенія числа гласныхъ отъ горной промышленности въ земскихъ собраніяхъ, сѣздъ призналъ необходимымъ просить о дополненіи земскаго положенія въ томъ смыслѣ, чтобы въ число гласныхъ могли бы быть избираемы управляющіе горнозаводскими предпріятіями по довѣренности владѣльцевъ или членовъ правленій обществъ, какъ это, согласно 20 ст. полож. о земск. учрежд., допущено для Вятской, Олонецкой, Пермской губ. и нѣкоторыхъ уѣздовъ Вологодской и Уфимской губерній. Удовлетвореніе подобнаго ходатайства, по мнѣнію сѣзда, не нарушая вовсе основъ земскаго положенія, предоставило бы большую вѣроятность для представителей горной промышленности быть избранными въ гласные отъ 2-го избирательнаго собранія.

При Астраханскомъ окружномъ судѣ возникъ **кружокъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и кандидатовъ на судебныя должности**, имѣющій цѣлью помогать его членамъ въ пріобрѣтеніи знаній въ области дѣйствующаго законодательства. Цѣль эта будетъ достигаться чтеніемъ рефератовъ. Въ кружкѣ приняли участіе и нѣкоторые присяжные повѣренные. Необходимость такой самопомощи обусловливается недостаточностью руководства молодыми юристами со стороны ихъ принципаловъ.

Среди тѣхъ же помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ возникла мысль объ учрежденіи при судѣ консультаціи для недостаточныхъ слоевъ населенія.

(„Сынъ От.“).

Въ „Черниг. Губ. Вѣд.“ напечатана **вѣдомость о движеніи дѣлъ въ Черниговскомъ губернскомъ присутствіи за 1898 годъ**.

Оставалось къ 1 января 1898 года неразрѣшенныхъ дѣлъ: судебныхъ 486, административныхъ 129.

Поступило въ теченіе прошлаго 1898 года: судебныхъ 3,006, административныхъ 1,348.

Въ 1898 году разрѣшено: судебныхъ 3,021, административныхъ 1,304.

Загѣмъ къ 1 января 1899 г. осталось дѣлъ: судебныхъ 471, административныхъ 123.

Засѣданій въ 1898 году состоялось: судебныхъ 18, административныхъ 22.

Такимъ образомъ оказывается, что въ одно судебное засѣданіе разрѣшается около 170 дѣлъ.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ постановляются рѣшенія вродѣ напечатаннаго въ № 9 „Права“ на стр. 465.

Недавно издатель газеты „Вятскій Край“ извѣстилъ своихъ подписчиковъ, что если они не получаютъ этого изданія, несмотря на окончаніе, 4 февраля, срока 8-мѣсячной его пріостановки, то причина этого заключается въ неимѣніи редактора, но что, когда послѣдуетъ утвержденіе такового, газета станетъ выходить по прежнему. По этому случаю мы считаемъ нелишнимъ привести справку о томъ, что своимъ возникновеніемъ газета обязана бывшему Вятскому губернатору, генералъ-маіору **Θ. Θ. Трепову**, видѣвшему въ частной газетѣ лучшаго себѣ помощника по управленію обширнымъ краемъ и за все время своей службы въ Вятской губерніи относившемуся къ газетѣ съ полнымъ сочувствіемъ. Съ отъѣздомъ **Θ. Θ. Трєпова** отношеніе мѣстной администраціи къ газетѣ измѣнилось, и представившіеся кандидаты на званіе редактора (два техника, два врача и учитель гимназіи) не получили утвержденія. („Сынъ От.“).

Въ послѣдней выѣздной царевкокошайской сессіи Казанскаго окружнаго суда разсматривалось безъ участія присяжныхъ засѣдателей **дѣло по обвиненію крестьянина Д. Сосновой, Сотнурской в. (Царевококош. у.), Матвѣя Иванова въ оскорбленіи земскаго начальника**.

По даннымъ обвинительнаго акта и предварительнаго слѣдствія дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ.

7 декабря 1898 г. земскій начальникъ 3 уч. Царевококош. у. разбиралъ въ Сотнурскомъ вол. правленіи дѣло о самовольной порубкѣ дѣса Ивановымъ. Послѣдній во время разбора дѣла былъ выпивши. По прочтеніи приговора земскимъ начальникомъ, Ивановъ началъ махать руками и кричать: „недоволенъ я твоимъ приговоромъ! давай сейчасъ копію!“ По распоряженію земскаго начальника сторожъ волостного правленія, Иванъ Никитинъ, сталъ выводить Иванова изъ камеры, но послѣдній, не желая уходить, сопротивлялся и кричалъ: „не смѣешь выводить, я не укралъ!“ Тогда земскій начальникъ вмѣшался самъ, чтобы помочь сторожу вывести Иванова, но послѣдній схватился за пуговицу форменной одежды, и когда земскій начальникъ оттолкнулъ Иванова, то сукно у пуговицы оказалось надорваннымъ. Иванова, все время произносившаго площадную брань, все-таки удалось вывести изъ камеры, но онъ снова ворвался въ нее и, продолжая ругаться неприличными словами, сталъ искать свою шапку.

Изложенное при слѣдствіи удостовѣрили земскій начальникъ Львовъ и сторожъ Никитинъ.

На судебное слѣдствіе въ засѣданіе суда земскій

начальникъ не явился, представивъ медицинское свидѣтельство, что онъ страдаетъ катарральной жабой (angina catharrhalis).

Свидѣтель Никитинъ показалъ, что въ указанное по дѣлу время онъ вошелъ въ комнату, гдѣ земскій начальникъ рѣшалъ дѣла, на зовъ послѣдняго, который приказалъ ему вывести подсудимаго; на полу около подсудимаго онъ видѣлъ пуговицу съ сюртука земскаго начальника; подсудимый шумѣлъ и кричалъ, громко говорилъ, что „судилъ его земскій начальникъ невѣрно“. Свидѣтель не слышалъ, чтобы подсудимый бранился или касался руками земскаго начальника. Когда онъ, свидѣтель, и писарь выводили подсудимаго изъ комнаты, гдѣ рѣшалъ дѣла земскій начальникъ, послѣдній къ нимъ не подходилъ. На вопросъ предсѣдательствующаго, гдѣ въ то время находился земскій начальникъ, свидѣтель не далъ положительнаго отвѣта.

Свидѣтель Федоровъ, между прочимъ, показалъ, что онъ былъ очевидцемъ, какъ земскій начальникъ билъ подсудимаго Иванова за то, что послѣдній попросилъ у него копию по только-что рѣшенному имъ дѣлу; билъ онъ кулакомъ и, пиная колѣнкой въ заднюю часть тѣла, вытолкалъ Иванова изъ комнаты. Подсудимый не бранился и земскаго начальника не трогалъ. Кто оборвалъ пуговицу у земскаго начальника, свидѣтель не видѣлъ. Въ комнатѣ въ то время было много народу, но сторожа Никитина тутъ въ то время не было; онъ попалъ подсудимому навстрѣчу въ дверяхъ, когда послѣдняго выталкивалъ земскій начальникъ.

Быль-ли въ то время подсудимый пьянъ, свидѣтель не замѣтилъ.

Свидѣтель Михайловъ: При немъ земскій начальникъ оштрафовалъ подсудимаго Иванова на 7 р. 42 коп.; и когда послѣдній сказалъ: „недоволенъ, позвольте мнѣ копию“, земскій начальникъ всталъ съ своего мѣста, схватилъ Иванова одной рукой за правое плечо, а другой сталъ выталкивать его въ шею изъ комнаты, затѣмъ позвалъ сторожа и велѣлъ Иванова арестовать. Когда Иванова вывели, земскій начальникъ сѣлъ на свое мѣсто и продолжалъ рѣшать дѣла. Народу въ то время въ правленіи было немного. Подсудимый не шумѣлъ и земскаго начальника не бранилъ. Кто оборвалъ земскому начальнику пуговицу, онъ, свидѣтель, не знаетъ. Подсудимый схватить земскаго начальника за бортъ сюртука не могъ, такъ какъ Львовъ толкалъ подсудимаго сзади и не позволялъ ему обернуться, держа его за плечо. Шанку подсудимому вынесъ сторожъ. Быль-ли въ то время подсудимый пьянъ, свидѣтель не знаетъ.

Свидѣтельница Анна Ларіонова показала, что когда земскій начальникъ „обсудилъ“ Иванова на 7 рублей 42 коп., послѣдній заявилъ, что онъ недоволенъ, и просилъ дать ему копию. Земскій начальникъ всталъ тогда изъ-за стола, взялъ Иванова за плечо и сталъ бить его кулакомъ по головѣ, говоря: „вотъ тебѣ копія“. Подсудимый не ругалъ и земскаго начальника за сюртукъ не хваталъ. Быль-ли подсудимый въ то время пьянъ, свидѣтельница не замѣтила. По распоряженію земскаго начальника подсудимый былъ арестованъ. Свидѣтельница живетъ верстахъ въ 40 отъ деревни подсудимаго.

Окружный судъ поставилъ вопросъ о виновности

Иванова въ томъ, что онъ, будучи пьянъ, произносилъ площадную брань, сопротивлялся сторожу, желавшему вывести его изъ присутственной комнаты, хваталъ за бортъ форменной одежды земскаго начальника, какими неприличными словами и поступками оказалъ неуваженіе къ присутствующему мѣсту.

Судъ призналъ его виновнымъ съ оговоркой, что площадную брань не произносилъ и за бортъ форменной одежды сюртука не хваталъ.

На основаніи 1 отд. 3 ч. 282 и 39 ст. улож. судъ приговорилъ Иванова къ аресту при полиціи на три дня. Подсудимый не имѣлъ защитника.

Ивановъ приговоромъ суда остался недоволенъ и подалъ апелляціонную жалобу въ Казанскую судебную палату. („Волжск. Вѣстн.“).

По словамъ „Приазовскаго Края“, Таганрогскимъ окружнымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ разсматривалось въ послѣднемъ засѣданіи дѣло по жалобѣ крестьянки Гончаровой на то, что по распоряженію мѣстнаго сельскаго старосты Александра Калашникова надъ нею было учинено сѣченіе розгами во дворѣ сельскаго правленія. Дознавіемъ по этой жалобѣ было выяснено, что Гончарова плохо жила со своимъ мужемъ, который неоднократно жаловался на это мѣстному сельскому начальству. И вотъ Гончарова была потребована въ сельское правленіе и здѣсь, въ присутствіи всего собравшагося сельскаго схода, была наказана 30 ударами розогъ. Самъ староста Калашниковъ объяснилъ, что наказаніе розгами Гончаровой было произведено по распоряженію всего общества за плохую ея жизнь съ мужемъ. Присутствіе передало дѣло судебному слѣдователю для производства слѣдствія и привлеченія Калашникова къ отвѣтственности.

Въ Харьковскомъ окружномъ судѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей слушалось на дняхъ дѣло о крестьянахъ Головковыхъ, обвинявшихся въ нанесеніи побоевъ старшинѣ Дергачевской волости. На судѣ обвиняемые, не признавая себя виновными, объяснили, что старшина самъ первый началъ бить ихъ желѣзной палкой и таскалъ ихъ за волоса. Свидѣтели показали, что дѣйствительно старшина, прибѣжавъ на поле, гдѣ ораль Головковъ, началъ бить сначала воловь, а потомъ Головкова; за мужа вступилась жена, но старшина схватилъ ее за волосы и повалилъ на землю; она въ свою очередь схватила старшину за волосы и такъ они катались по полю; прибѣжала тетка Головкова Марья, за ней — сотскіе, которые и развели дерущихся. У старшины оказалась разорванная цѣпь и царапина на головѣ. Окружный судъ, по словамъ „Харьк. Губ. Вѣд.“, призналъ Головковыхъ виновными и приговорилъ каждого изъ нихъ къ трехнедѣльному аресту при полиціи.

Казакъ Лукьянъ Вожокъ подалъ прокурору Нѣжинскаго окружнаго суда жалобу на истязаніе, причиненное ему городовымъ 1-го стана Отрошевскимъ, письмоводителемъ пристава Деревянкою, сотскимъ Галайбою и кучеромъ пристава Гурченко, причемъ называлъ шестерыхъ свидѣтелей, въ числѣ коихъ глав-

нымъ былъ казакъ Яковъ Левченко, очевидецъ истязанія съ начала до конца. Совершенно неожиданно для жалобщика, дѣло это обращено противъ него и его свидѣтеля, и было рассмотрѣно въ камерѣ земскаго начальника по обвиненію ихъ полиціею по 29 и 42 статьямъ устава о наказаніяхъ. Божокъ объяснилъ на судѣ слѣдующее. 5 июня онъ, будучи съ матерью на базарѣ въ мѣстечкѣ Батуринѣ, увидѣлъ, что городской прогоняетъ съ базара крестьянъ села Обмачева. „Что ты ихъ прогоняешь, развѣ они дѣлаютъ какой безпорядокъ?“—спросилъ Божокъ у городского. Въмѣсто отвѣта Отрошевскій нанесъ Божку нѣсколько ударовъ, схватилъ его за руку и повелъ въ станъ. Во дворѣ становой квартиры Отрошевскій, Деревянка, Галайба и Гурченко избили Божка и потащили въ подвалъ. Тамъ они свалили его съ ногъ, скрутили веревками руки и ноги, отняли деньги и снова били каблуками по лицу и по чѣмъ попало, а городской даже становился ногой на лицо Божка. На сыромъ и грязномъ полу темнаго подвала Божокъ пролежалъ съ 12 часовъ дня до 8 часовъ вечера. Туда же были заперты затѣмъ 60-лѣтняя мать Божка и Яковъ Левченко за то, что пришли въ станovou канцелярію просить объ освобожденіи плѣнника. Только когда стемнѣло всѣ были отпущены во свояси, причемъ приставъ велѣлъ возвратитъ Божку отнятыя у него деньги. Свидѣтели Андрей Сибирь и Теокиста Слезкина показали, что Божокъ пьянъ не былъ (какъ утверждаетъ полицейскій). Принявъ все это въ соображеніе, земскій начальникъ призналъ Божка по суду оправданнымъ, а Левченка приговорилъ къ штрафу въ 5 рублей. („Вирж. Вѣд.“).

Корреспондентъ „Сибирскаго Листка“ сообщаетъ, что проѣздомъ чрезъ д. Паченку ему пришлось быть свидѣтелемъ такого инцидента. **Волостной писарь, въ сотовариществѣ со своимъ помощникомъ и, конечно, въ присутствіи волостного начальника,** пожаловали въ домъ крестьянина П. П., отъ котораго и потребовали предъявленія правъ на торговлю молочнымъ товаромъ; а такъ какъ самая торговля производится въ квартирѣ самого хозяина безъ особаго помѣщенія, то послѣдній и указалъ на свидѣтельство мелочного торгова, прибитое въ комнатѣ на стѣнѣ, но г. писарь и его помощникъ высказали: „намъ ненужны эти документы, мы производимъ генеральную повѣрку торговыхъ документовъ, не имѣется-ли у тебя документовъ Паклевскаго?“ Догадливый хозяинъ, конечно, позаботился угостить должнымъ порядкомъ такихъ ревизоровъ, которые послѣ этого побывали еще въ 2—3 домахъ дер. Паченки, затѣмъ проѣхали въ другія селенія и, вѣроятно, такимъ же доблестнымъ порядкомъ dokonчили свои ревизорскія дѣйствія.

Для устраненія сознательнаго уклоненія отъ гербоваго сбора, выработаннымъ министерствомъ финансовъ **проектomъ новаго гербоваго устава,**—какъ мы слышали,—предположено установить фактическую ревизію дѣлопроизводства и счетоводства въ правительственныхъ, земскихъ, общественныхъ и другихъ частныхъ учрежденіяхъ публичнаго характера.

6 марта, въ столичномъ по городскимъ дѣламъ присутствіи разсматривалось опротестованное градоначальникомъ **постановленіе думы,** коимъ пріемъ на службу и увольненіе служащихъ въ исполнительныхъ комиссіяхъ предоставляется предсѣдателемъ комиссій. Особое присутствіе нашло, что предсѣдатели исполнительныхъ комиссій, на основаніи городского положенія могутъ принимать и увольнять служащихъ не иначе, какъ съ вѣдома городского головы. Въ этомъ же за сѣданіи обсуждался вопросъ о праздничномъ отдыхѣ. Рѣшено—утвержденное уже думою обязательное постановленіе вновь внести для пересмотра и дополненія параграфомъ, воспрепятствующимъ ресторанамъ и трактирамъ торговать въ воскресные и праздничные дни послѣ 5 час. пополудни спиртными напитками. При этомъ думѣ будетъ предложено обсудить вопросъ о нераспространеніи этого правила на первоклассные рестораны. (Гражд.).

6 марта въ уголовномъ департаментѣ Московской судебнаго палаты слушалось **дѣло по обвиненію помощника пристава 2-й ч. гор. Тулы Мацнева въ противозаконномъ лишеніи свободы** дворянъ Лебедева, Невѣровича и Глаголева и нанесеніи имъ побоевъ и оскорбленій. Обстоятельства дѣла при разсмотрѣніи его въ Тульскомъ окружномъ судѣ представлялись въ слѣдующемъ видѣ.

14 августа 1897 г., вечеромъ, въ увеселительномъ саду „Эрмитажъ“ въ гор. Тулѣ, сидѣла компанія молодыхъ людей: гг. Лебедевъ, Вельтищевъ, Невѣровичъ и Глаголевъ. Они пили пиво и разговаривали; говорили между прочимъ о томъ, что помощникъ полицейскаго пристава Мацневъ недавно судился. Это слышала проходившій въ это время мимо нихъ Мацневъ, отправился къ распорядителю сада и предложилъ ему удалить изъ сада Лебедева съ товарищами. Распорядитель не рѣшился на это и ограничился тѣмъ, что велѣлъ прислугѣ не подавать имъ больше пива, послѣ чего вся компанія ушла изъ сада. Мацневъ послѣдовалъ за ними и, остановивши ихъ возлѣ дома Михайлова, крикнулъ имъ: чего они горланяютъ? Молодые люди отвѣтили ему насмѣшками. Тогда Мацневъ приказалъ городонымъ отвести Лебедева и Невѣровича въ участокъ. Когда ихъ сажали на извозчика, Мацневъ толкалъ Лебедева кулакомъ и ругалъ, а когда Глаголевъ сталъ протестовать противъ такого обращенія, то Мацневъ ударилъ его шашкой, не вынимая ея изъ ноженъ, по головѣ, отчего Глаголевъ на минуту лишился сознания и упалъ. Въ участкѣ Мацневъ продолжалъ ругать ихъ, и затѣмъ, не составивъ никакого протокола, посадилъ въ арестантскую, изъ которой они были выпущены только утромъ, причемъ былъ составленъ протоколъ о произведенномъ ими буйствѣ и нарушеніи общественной тишины.

Мировой судья, разсмотрѣвши дѣло по этому протоколу, всѣхъ обвиняемыхъ оправдалъ, а о дѣйствіяхъ Мацнева было возбуждено разслѣдованіе, и онъ былъ преданъ суду за лишеніе свободы.

Тульскій окружный судъ призналъ Мацнева виновнымъ и приговорилъ его къ аресту на три недѣли.

Въ апелляціонномъ отзывѣ на этотъ приговоръ Мацневъ утверждалъ, что Лебедевъ и его товарищи шумѣли, будучи совершенно пьяны, и онъ отправилъ

ихъ въ участокъ для удостовѣренія ихъ личности, и отпустилъ бы ихъ немедленно, но одинъ изъ нихъ ударилъ его палкой по спинѣ съ такой силой, что палка переломилась, и тогда онъ отправилъ ихъ въ арестантскую. Онъ ихъ не билъ и не ругалъ, а напротивъ, они называли его „чучеломъ“.

Судебная палата признала Мацнева невиновнымъ и отмѣнила приговоръ Тульского окружнаго суда. (Рус. Вѣд.).

Нѣкоторымъ изъ земствъ при обсужденіи вопроса **объ устраниніи волостныхъ старшинъ и писарей отъ участія, въ качествѣ земскихъ гласныхъ, въ засѣданіяхъ земскихъ собраній** сообщены министерству крайне интересныя историческія свѣдѣнія, относящіяся до вышеупомянутаго вопроса. Такъ Смоленскимъ земствомъ сообщенъ случай, когда въ 1877 году въ засѣданіи губернскаго земскаго собранія было заявлено, что одинъ изъ губернскихъ гласныхъ отъ Ельнинскаго у., волостной старшина Сычевской волости Рогановъ не могъ прибыть въ собраніе по случаю арестованія его Ельнинскимъ уѣзднымъ исправникомъ въ самый день отъѣзда на пути въ г. Смоленскъ за невзысканіе разныхъ казенныхъ сборовъ съ крестьянъ. Собраніе по поводу этого случая постановило: 1) просить г. предсѣдателя собранія ходатайствовать у г. губернатора о немедленномъ освобожденіи гласнаго Роганова отъ ареста и 2) ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы гласные какъ уѣздные, такъ и губернскіе, принадлежащіе къ крестьянскимъ сельскимъ и волостнымъ управленіямъ, на все время состоянія ихъ въ этомъ званіи были освобождены отъ взысканій единоличною властью исправниковъ, а чтобы таковыя взысканія были налагаемы на нихъ не иначе, какъ по коллегіальнымъ постановленіямъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Первое изъ этихъ ходатайствъ было удовлетворено г. губернаторомъ, а второе признано комитетомъ министровъ не подлежащимъ удовлетворенію. Далѣе въ 1879 году губернскае земское собраніе постановило: возбудить ходатайство о недопущеніи волостныхъ старшинъ быть избираемыми въ земскіе гласные на томъ основаніи, что по характеру возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей, они составляютъ сельскую полицію и что отсутствіе ихъ изъ волостей на время сессіи уѣздныхъ собраній весьма дурно отзывалось на дѣлахъ тѣхъ волостей. Наконецъ въ 1881 году губернскае земское собраніе признало необходимымъ повторить ходатайство о недопущеніи къ участію въ земскихъ собраніяхъ волостныхъ старшинъ и писарей, доколѣ они будутъ подчинены единоличной власти гг. исправниковъ. Въ послѣднее время Смоленская губернская земская управа, въ своемъ докладѣ земскому собранію по тому же вопросу, признала, что при современномъ строѣ административнаго управленія не только волостные старшины и писаря, какъ гласные земскихъ собраній, но и каждый изъ крестьянъ находятся въ сильной зависимости отъ земскихъ начальниковъ, которые, слѣдовательно, могутъ оказывать на нихъ извѣстное давленіе. Для устранинія этого послѣдняго, по мнѣнію управы, необходимо измѣнить тѣ ненормальныя отношенія, которыя существуютъ между волостными старшинами и зем-

скими начальниками, и которыя главнымъ образомъ служатъ причиною того, что волостные старшины не могутъ свободно высказывать своихъ мнѣній въ присутствіи земскихъ начальниковъ. Какъ извѣстно, законъ (ст. 62—64 пол. о зем. нач.) предоставляетъ земскому начальнику право, безъ всякаго формальнаго производства, подвергать волостныхъ старшинъ различнымъ административнымъ взысканіямъ. Перенесеніе настроенія, создаваемого такою подчиненностью, въ среду земскаго собранія отнимаетъ у послѣдняго главное его назначеніе—быть выразителемъ общественнаго мнѣнія. Вотъ почему, съ земской точки зрѣнія, представляется крайне желательнымъ, чтобы волостные старшины, въ качествѣ гласныхъ, были освобождены отъ той административной подчиненности, въ которой они находятся въ настоящее время по отношенію къ земскимъ начальникамъ, почему, по мнѣнію управы, вполне цѣлесообразнымъ и согласнымъ съ традиціями земства было бы возбудить ходатайство о томъ, чтобы дисциплинарныя взысканія на лицъ крестьянскаго сословія, состоящихъ земскими гласными, налагались не по единоличному распоряженію земскихъ начальниковъ или исправниковъ, а по постановленіямъ уѣзднаго съѣзда, причемъ этимъ лицамъ должно быть предоставлено право на такія постановленія приносить жалобу въ губернское присутствіе.

Въ послѣднемъ засѣданіи чрезвычайнаго губернскаго собранія дворянства Тифлисскаго губерніи обсуждался **вопросъ о введеніи въ Тифлисскаго губерніи земскихъ учреждений**. Въ концѣ-концовъ вопросъ былъ поставленъ въ баллотировку и большинствомъ голосовъ (74 бѣлыхъ шара и 11 черныхъ) постановлено возбудить объ этомъ ходатайство передъ высшею властью.

Правительствующимъ сенатомъ недавно разъяснено, что **жены евреевъ, ссылаемыхъ по приговорамъ судебныхъ мѣстъ въ Сибирь**, имѣютъ право слѣдовать за своими мужьями на общемъ основаніи и право это не ограничивается никакимъ срокомъ.

Департаментъ торговли и мануфактуръ разъяснилъ надняхъ, что **расплата фабрикантовъ съ рабочими товаромъ вмѣсто денегъ** вовсе не допускается, независимо отъ того, производится ли таковая принудительно или съ согласія самихъ рабочихъ.

Въ послѣднее время громаднымъ большинствомъ нашихъ уѣздныхъ земствъ было **возбуждено ходатайство о предоставленіи имъ права непосредственнаго предъ правительствомъ ходатайства о мѣстныхъ нуждахъ помимо губернскаго земскаго собранія**. Мотивами къ возбужденію подобнаго ходатайства послужили, по преимуществу, нижеслѣдующія два существенно важныхъ обстоятельства, вредно отзывавшихся на успѣшной дѣятельности уѣздныхъ земствъ—а именно, что при существующемъ нынѣ порядкѣ направленія ходатайствъ уѣздныхъ земствъ чрезъ губернское земское собраніе многія изъ неотложныхъ ходатайствъ задерживаютъ

разсмотрѣніемъ губернскимъ земствомъ на весьма и весьма продолжительное время, и далѣе—что нѣкоторые изъ ходатайствъ, имѣющихъ чисто мѣстное значеніе и касающіяся одного лишь даннаго уѣзда, въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ нерѣдко встрѣчаютъ полный индифферентизмъ, почему обсужденіе ходатайствъ уѣздныхъ земствъ губернскими гласными сводится, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, лишь къ выполнению простой формальности. Съ другой стороны, губернскія земскія собранія, отвергая ходатайства уѣздныхъ земствъ, тѣмъ самымъ стѣсняють самостоятельную дѣятельность уѣздныхъ земствъ, причѣмъ подобное отношеніе губернскихъ земствъ къ интересамъ уѣздныхъ земствъ не всегда согласуется съ взглядами тѣхъ или иныхъ вѣдомствъ, отъ которыхъ зависитъ если не всегда самое разрѣшеніе ходатайствъ уѣздныхъ земствъ, то, во всякомъ случаѣ, направленіе ходатайствъ къ благопріятному ихъ разрѣшенію. Сходные мотивы къ измѣненію соотвѣтственнаго закона, въ смыслѣ предоставленія права уѣзднымъ собраніямъ входить непосредственно къ правительству съ своими ходатайствами, были высказаны многими изъ уѣздныхъ земствъ Полтавской губерніи, причѣмъ губернская управа, давая свое заключеніе губернскому земскому собранію, пришла къ тому заключенію, что просимое уѣздными земствами право если и можетъ быть имъ предоставлено, то за исключеніемъ вопросовъ, касающихся интересовъ всей губерніи, или требующихъ общихъ мѣръ и общихъ правительственныхъ распоряженій; при этомъ, тою же губернской управою предложено земскому собранію возбуждать одновременно съ этимъ ходатайство и о томъ, чтобы земствамъ было даровано право сноситься чрезъ губернатора непосредственно съ тѣмъ министерствомъ, къ компетенціи котораго относится возбуждаемое ходатайство. Мотивомъ къ возбужденію этого послѣдняго ходатайства для губернской управы послужило то обстоятельство, что нынѣ, согласно установленному порядку, всякое земское ходатайство поступаетъ къ губернатору, которымъ и направляется въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и если ходатайство относится къ компетенціи другого министерства, то передается по принадлежности. При отрицательномъ разрѣшеніи министерствъ, ходатайство можетъ поступить въ комитетъ министровъ, гдѣ и разрѣшается окончательно и затѣмъ отвѣтъ идетъ тѣмъ же порядкомъ. При такомъ количествѣ инстанцій, по заявленію той же губернской управы, по нѣкоторымъ ходатайствамъ отвѣтовъ вовсе не получается, а по другимъ получается въ то время, когда вопросъ, составлявшій предметъ ходатайства, уже разрѣшился, благодаря тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ, къ явному ущербу для интересовъ мѣстнаго населенія, или когда въ разрѣшеніи его уже не представляется никакой надобности.

Въ новомъ проектѣ положенія о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ имѣется въ виду установить правило, въ силу коего аресту и продажѣ на пополненіе недобора съ неисправныхъ домохозяевъ можетъ подлежать не все, а лишь нѣкоторое принадлежащее имъ имущество, въ виду чего и признано необходимымъ сдѣлать къ самому законѣ исключеніе изъ продажной

описи нижеслѣдующихъ предметовъ недвижимой собственности крестьянъ: а) иконъ, образницъ и кіотовъ съ иконами, богослужебныхъ и учебныхъ предметовъ и книгъ, знаковъ отличія и почетныхъ кафтановъ; б) ежедневной одежды и совершенно необходимой домашней утвари; в) хлѣба и овощей, необходимыхъ для продовольствія семьи въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ; г) одной коровы, а въ мѣстностяхъ, гдѣ въ крестьянскомъ обиходѣ коровы замѣняются козами и овцами, двухъ козъ или овецъ и необходимаго для этого скота корма; д) топлива на трехмѣсячное отопленіе жилья семьи; е) земледѣльческихъ и промысловыхъ орудій, безусловно необходимыхъ для поддержанія хозяйства на надѣльной землѣ, а также соотвѣтственное количество рабочаго скота и необходимаго для этого скота корма; ж) сѣмянъ—въ количествѣ, необходимомъ для посѣва на надѣльной землѣ, и з) судъ на продовольствіе и обмѣненіе полей, а также суммъ, выданныхъ въ пожарное вознагражденіе.

КАЗАНСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(Отъ нашего корреспондента).

6 марта состоялось очередное засѣданіе общества въ присутствіи 17 его членовъ. По избраніи въ члены общества профессорскихъ стипендіатовъ В. Л. Борисова и Г. А. Вапура, прис. повѣреннаго М. С. Венеціанова и помощн. прис. повѣр. С. П. Нелидова, и по обсужденіи вопросовъ внутренняго распорядка, предсѣдатель общества Г. Ф. Шершеневичъ прочелъ рефератъ на тему: „объ отвѣтственности Московско-Казанской желѣзной дороги за срочность доставки грузовъ“.

Сущность реферата выражается въ слѣдующемъ основномъ его положеніи. Въ виду отсутствія въ уставѣ Московско-Казанской желѣзной дороги какихъ либо изъятій изъ общихъ положеній о перевозкѣ грузовъ, установленныхъ въ общемъ уставѣ Россійскихъ жел. дорогъ,—ни публикаціи о сложеніи отвѣтственности, печатаемая съ разрѣшенія министерства путей сообщенія, ни правила 1887 года о перерывѣ сроковъ доставки, изданныя совѣтомъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, ни соглашенія съ грузоотправителями,—не освобождаютъ Московско-Казанскую желѣзную дорогу отъ обязанности по каждому предъявленному къ ней иску представить, согласно 110 ст. общаго устава, доказательства, что она не могла устранить вліянія ледохода на просрочку, несмотря на принятіе ею всѣхъ мѣръ, лежащихъ на обязанности исправнаго возчика.

Въ преніяхъ по реферату приняли участіе А. Н. Быховскій, Н. А. Макаровъ, М. Л. Мандельштамъ, Н. К. Моисеенко и Н. В. Рейнгардтъ. Центръ тяжести преній лежалъ въ выясненіи истиннаго соотношенія 53 и 110 ст. общаго устава Россійскихъ жел. дорогъ. Должны ли правила о перерывѣ срока доставки грузовъ, составленныя въ 1887 году, на основаніи 53 ст., совѣтомъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, быть лишь развитіемъ положеній желѣзнодорожнаго устава, и слѣдовательно, сообразоваться съ началомъ, выраженнымъ 110-ю его статьей, или же эти правила могутъ устанавливать порядокъ, отступающій отъ нормальнаго,

такъ что принципъ 110 ст. долженъ быть признанъ въ силѣ лишь постольку, поскольку прекращается дѣйствіе указанныхъ правилъ, какъ исключительныхъ нормъ? Пренія были направлены также на уясненіе дѣйствительнаго значенія публикацій желѣзныхъ дорогъ, какъ способа оглашенія фактовъ, способныхъ освободить дорогу отъ ответственности за несвоевременную доставку грузовъ, — какъ средства предупредить предъявленіе къ жел. дорогѣ исковъ, успѣхъ которыхъ слишкомъ рискованъ.

Въ виду важности и сложности обсуждаемаго вопроса, собраніе постановило продолжать пренія въ слѣдующемъ своемъ засѣданіи.

Библіографія.

Дмитрій Дриль. Ссылка во Франціи и Россіи. (Изъ личныхъ наблюденій во время поѣздки въ Новую Каледонію, на о. Сахалинъ, въ Приамурскій край и Сибирь). Спб. 1899 г.

Книга эта составилась изъ собранія статей о ссылкѣ, напечатанныхъ авторомъ въ нашихъ юридическихъ журналахъ въ 1896, 1897 и 1898 гг.

Значительнѣйшую ея часть представляютъ разсмотрѣніе русской ссылки, новокаледонскую же ссылку авторъ рисуетъ въ краткомъ, но чрезвычайно содержательномъ очеркѣ. Выводы автора по отношенію и къ французской и къ отечественной ссылкѣ — безусловно отрицательные. Успѣхъ ссылки, какъ прибавочнаго къ каторгѣ и какъ самостоятельнаго наказанія, по его мнѣнію, невозможенъ, Переселеніе можетъ успѣшно существовать только въ качествѣ одного изъ способовъ устройства дальнѣйшей судьбы тѣхъ выпущенниковъ изъ долгосрочныхъ тюремъ, которые сами пожелаютъ воспользоваться имъ, и которые, по оцѣнкѣ тюремной администраціи и по своему прошлому и настоящему, окажутся вполне пригодными для правильной колонизаціи рѣдко населенной тюрмы. Но тогда, справедливо замѣчаетъ авторъ, ссылка будетъ уже мѣрой рациональнаго патроната, а не наказаніемъ. Г. Дриль неоднократно возвращается къ тому положенію, что центромъ тяжести въ вопросѣ о ссылкѣ представляется устройство штрафной колонизаціи. Каторжная тюрьма, говоритъ онъ, если только въ мѣстности для нея есть достаточная и выгодная работа, съ одинаковымъ удобствомъ можетъ помѣщаться на Сахалинѣ, близъ Нерчинска, въ Орловской, Харьковской и во всѣхъ другихъ губерніяхъ и областяхъ нашего обширнаго отечества. Отъ перемѣны мѣста каторжная тюрьма ничего не приобретаетъ и не утратитъ. Вся разница будетъ состоять лишь въ томъ, что въ однихъ мѣстностяхъ, какъ напр., на отдаленныхъ окраинахъ, общая стоимость содержанія каторжника будетъ больше, а въ другихъ, расположенныхъ центральнѣе, она будетъ

меньше. Ссылка, какъ таковая, начинается въ сущности со времени освобожденія каторжнаго изъ каторжной тюрьмы и со времени его перевода на поселеніе.

И вотъ, организація ссылки въ этой стадіи связана съ такими огромными затрудненіями, преодолѣть которыя до сихъ поръ не удалось безусловно. Какое, въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ авторъ, сколько-нибудь правильно устроенное поселеніе и добропорядочное общежитіе могутъ быть образованы на далекой чужбинѣ, въ малокультурной ея странѣ, среди суровой природы, требующей настойчиваго, тяжелаго труда, безразлично и исключительно изъ людей, оторванныхъ отъ родной почвы, отъ родныхъ и привычныхъ условій быта, изъ людей нерѣдко болѣе или менѣе пожилыхъ, изжитыхъ и растерявшихъ здоровье и силы въ теченіе своей преступной карьеры, и не только не исправлявшихся, а еще систематически развращавшихся въ тюрьмахъ различныхъ наименованій, часто изъ людей, никогда не занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ, его не знающихъ и никакой склонности къ нему не питающихъ, изъ людей нерѣдко безсемейныхъ или бывшихъ никуда негодными отцами семей, основавшихъ теперь новыя семьи съ такими же развращенными и изжитыми тюремными выпущенниками, прежними проститутками, прошедшими черезъ остроги, партіи и этапы, изъ людей, въ значительномъ числѣ случаевъ не имѣющихъ рѣшительно никакихъ стимуловъ къ упорному труду въ надеждѣ на сравнительно отдаленное будущее (сельское хозяйство устраивается не въ годъ и не въ два) и очень часто, по состоянію своихъ силъ и энергіи, вовсе неспособныхъ къ нему?

Защитники ссылки, по мнѣнію г. Дриля, исходятъ изъ чисто теоретическихъ возрѣній, разсматривая эту мѣру внѣ всякихъ условій времени и мѣста, относя неудовлетворительные результаты на счетъ разныхъ болѣе или менѣе случайныхъ причинъ. Между тѣмъ, обиліе фактовъ, приведенныхъ авторомъ, показываетъ, что причины эти — отнюдь не случайныя, а органическія, и заключаются онѣ, главнѣйшимъ образомъ, въ свойствахъ тѣхъ элементовъ, которыхъ приходится подвергать ссылкѣ, и которые являются безусловно негодными для колонизаціонныхъ цѣлей.

Выводы автора, иллюстрируемые множествомъ фактическихъ данныхъ, цифръ и яркихъ примѣровъ, являются особенно интересными въ настоящее время, когда на очереди стоитъ реформа всего нашего уголовного законодательства. До сихъ поръ ссылка, какъ придатокъ каторги, являлась центральному узломъ нашей карательной системы. Теперешнее ея состояніе несомнѣнно — плачевно. И вотъ является альтернатива: или совершенный отказъ отъ ссылки, какъ мѣры карательной, или глубокое, коренное ея преобразование. И при томъ, и при другомъ рѣшеніи вопроса необходимо имѣть въ виду какъ можно болѣе свѣдѣній, разумно и тщательно собранныхъ и безпристрастно провѣренныхъ, не довольствуясь официальными отчетами. Въ этомъ — важное значеніе книги г. Дриля.

В. Н.

Судебная и судебно-административная практика.

І департаментъ Правительствующаго Сената.

Производство содержанія городовымъ врачамъ. — Ст. 170—181 уст. пенс. — Пенсіи и единовременныя пособія лицамъ, состоящимъ на общественной службѣ.

(Указъ 18 февраля 1899 г.)

Распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ вы-

дача единовременнаго пособія, слѣдовавшаго на основаніи ст. 599 уст. пенс. вдовѣ городского врача, была отнесена на средства города Углича.

Городской голова по уполномочію городской думы принесъ Прав. Сенату жалобу на это постановленіе министра внутреннихъ дѣлъ. Въ жалобѣ своей онъ объяснялъ, что при учрежденіи въ Угличѣ въ

1844 году должности городского врача отпускъ содержания ему былъ возложенъ на приказъ общественного призрѣнія, а со введеніемъ земскаго положенія содержание городовому врачу отпускается изъ средствъ уѣзднаго земства. Такимъ образомъ не только выдача пособія городовому врачу, но и отпускъ ему штатнаго содержания не относятся по закону къ обязанностямъ города. Правда, что съ 1887 по 1895 г. содержание городовому врачу производилось не изъ земскихъ, а изъ городскихъ суммъ, но такъ какъ это происходило лишь по недоразумѣнію, а согласно п. 2 ст. 138 город. пол. производство пенсій и пособій служившимъ по городу лицамъ относится на средства городского населенія только, если оно въ „установленномъ порядкѣ“ отнесено на мѣстныя средства, то полученіе городовымъ врачомъ И. одно время содержанія отъ города для настоящаго дѣла никакого значенія имѣть не можетъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Пр. Сенатъ находить, что, по общему смыслу ст. 170—181 уст. о пенс. (св. зак. т. III изд. 1896 г.), пенсіи и пособія, за исключеніемъ точно указанныхъ случаевъ, назначаются должностнымъ лицамъ, а равно и семействамъ сихъ лицъ, изъ тѣхъ же источниковъ, изъ коихъ имъ производилось содержаніе по службѣ. Принимая во вниманіе, что, согласно разъясненію Пр. Сената въ указѣ 20 іюля 1894 г. № 9002, производство содержанія городовымъ врачамъ, получавшимъ ранѣе содержаніе изъ суммъ приказовъ общественного призрѣнія, составляетъ обязанность земскихъ учреждений, и что, согласно такому разъясненію, Угличскій городской врачъ И. получалъ содержаніе по должности Угличскаго городского врача изъ средствъ Угличскаго уѣзднаго земства, Пр. Сенатъ находить, что изъ этого же источника, т. е. изъ средствъ Угличскаго уѣзднаго земства, и должна была быть произведена и выдача пособія семейству покойнаго И., причемъ то обстоятельство, что нѣкоторое время, по недоразумѣнію и до восполненія приведеннаго разъясненія Прав. Сената, содержаніе И. производилось изъ городскихъ средствъ, по неправильности и незаконности такого порядка, не могло служить основаніемъ къ возложенію производства пособія семейству И. на средства гор. Углича. Правильность приведенныхъ соображеній подтверждается и опредѣленіемъ Пр. Сената 5 апрѣля 1878 года № 3135, коимъ разъяснено, что городовые врачи, не получавшіе жалованья по своей должности изъ доходовъ города, не имѣютъ права и на пенсію изъ этого источника. По изложеннымъ основаніямъ Пр. Сенатъ, признавая распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ по настоящему дѣлу лишеннымъ законнаго основанія, опредѣляетъ: таковое отмѣнить, поручивъ министру войти въ новое разсмотрѣніе дѣла.

Настоящее дѣло, по существу своему совершенно простое и ясное, разрѣшено Пр. Сенатомъ вполне согласно и съ законами и съ положеніями, уже давно твердо установившимися въ практикѣ Пр. Сената (напр. рѣш. 31 янв.—13 марта 1873 г. № 1054).

При такихъ условіяхъ приведенный указъ не имѣлъ бы общаго значенія, если бы въ немъ не заключалось въ высшей степени точно сформулированнаго начала нашего пенсіоннаго устава, начала, виднѣ категорично не выраженнаго и весьма затемненнаго ст. 11, 60 и въ особенности прим. 1 къ

ст. 181, а именно: что „пенсіи и пособія, за исключеніемъ точно указанныхъ случаевъ, назначаются должностнымъ лицамъ, а равно и семействамъ сихъ лицъ, изъ тѣхъ же источниковъ, изъ коихъ имъ производилось содержаніе по службѣ“.

Въ ближайшемъ будущемъ мы предполагаемъ вернуться къ подробному разбору вопроса, въ какихъ именно случаяхъ производство пенсій относится на средства нашихъ самоуправленій и въ какихъ на средства казны.

С.-Петербургская судебная палата.

Возбужденіе ex officio отвода о неподсудности по просьбамъ объ утвержденіи въ правахъ наследства.

I.

Разсмотрѣвъ дѣло по частной жалобѣ Ч. на опредѣленіе Спб. окр. с. 18 августа 1898 г., коимъ сему суду признано неподсуднымъ ходатайство Ч. объ утвержденіи въ правахъ наследства къ имуществу умершаго въ гор. Келифѣ 24 марта 1897 г. ст. сов. Ч., и принявъ во вниманіе: а) что окр. судъ призналъ себя неподсуднымъ дѣло о наследствѣ послѣ Ч., основываясь на томъ, что онъ умеръ въ гор. Келифѣ (Туркестанской области), т. е. внѣ округа С.-Петербургскаго суда, по силѣ же ст. 1408 и 215 уст. гражд. суд. и разъясненію Правит. Сен. въ рѣшеніи 1885 года № 131 наследники для опредѣленія своихъ правъ на наследство должны заявить о томъ по общимъ законамъ о подсудности исковъ мировымъ или общимъ судебнымъ установленіямъ по роду и цѣли наследственнаго имущества; б) что, между тѣмъ, по ст. 584 уст. гр. суд. окружный судъ по собственной инициативѣ можетъ возбуждать вопросы о подсудности дѣла лишь въ предусмотрѣнныхъ этою статьею закона случаяхъ, т. е. или когда дѣло по роду изъято отъ подсудности, или же когда оно подсудно другому суду по мѣсту нахождения недвижимаго имущества; в) что въ данномъ случаѣ имущество Ч., заключающееся въ закладной квитанціи Россійскаго общества застрахованія капитала и доходовъ отъ 13-го мая 1881 года за № 3933 на заложный страховой полисъ за № 9593 въ 4,000 р., подъ которой выдана ссуда въ 970 руб. по роду своему не изъята отъ подсудности Спб. суду; г) что посему окр. судъ не вправе непосредственно отъ себя возбуждать вопроса о подсудности по мѣсту открытія наследства послѣ Ч., судебная палата находить состоявшееся по настоящему дѣлу опредѣленіе окружнаго суда неправильнымъ.

II.

Разсмотрѣвъ дѣло по частной жалобѣ вдовы генералъ-маіора В. на опредѣленіе С.-Петербургскаго окружнаго суда 28 апрѣля 1898 года, коимъ оставлено безъ разсмотрѣнія, по неподсудности, ходатайство В. объ утвержденіи ея въ правахъ наследства къ имуществу умершей въ гор. Ливорно 14 сентября 1896 года дочери кол. сов. В., и принявъ во вниманіе: а) что окружный судъ призналъ себя неподсуднымъ дѣло о наследствѣ послѣ В., основываясь на томъ, что она умерла въ гор. Ливорно, т. е. внѣ предѣловъ Россіи, а между тѣмъ по дѣлу осталось неустановленнымъ послѣднее постоянное мѣсто жительства ея въ предѣлахъ вѣдомства С.-Петербургскаго суда; б) что законъ (ст. 1408 уст. гражд. суд.) предоставляетъ наследникамъ для опредѣленія своихъ правъ обращаться къ судѣйству мировыхъ и общихъ судебныхъ учреждений на основаніи общихъ законовъ о подсудности исковъ по роду и цѣли наследственнаго имущества; в) что, посему и въ силу ст. 584 уст. гражд. суд. окружный судъ по собственной инициативѣ можетъ возбудить вопросъ о подсудности дѣла лишь въ предусмотрѣн-

ныхъ приведенною ст. 584 случаяхъ, т. е., или когда дѣло по роду изъято отъ подсудности, или же когда оно подсудно другому суду по мѣсту нахождения недвижимаго имущества; г) что въ данномъ случаѣ наследство В., заключающееся въ разной движимости и процентныхъ бумагахъ на сумму свыше пяти сотъ рублей, по роду своему не изъято отъ подсудности С.-Петербургскаго суда, а по соображеніямъ, выше сего изложеннымъ, окружный судъ непосредственно отъ себя не вырвавъ возбуждать вопроса о подсудности дѣла по мѣсту открытія наследства послѣ В.,—судебная палата находить состоявшееся по настоящему дѣлу опредѣленіе окружнаго суда неправильнымъ.

Сообщаемыя два рѣшенія прежде всего можно упрекнуть въ излишней краткости. Касаясь вопроса большой практической важности, они вмѣстѣ съ тѣмъ не содержатъ соображеній, хотя бы до известной степени исчерпывающихъ этотъ вопросъ. И по существу подлежащей разсмотрѣнію, Спб. суд. палаты вопросъ, по нашему мнѣнію, разрѣшенъ неправильно. Можно предполагать, что дѣйствительно составители судебныхъ уставовъ имѣли въ виду дать въ ст. 584 исчерпывающее перечисленіе случаевъ, въ которыхъ судъ ex officio долженъ возбуждать вопросъ о подсудности. Едва ли однако можно сомнѣваться, что они предназначили правило ст. 584 исключительно для исковыхъ дѣлъ. Въ этомъ убѣждаетъ какъ мѣсто, въ которомъ помѣщена ст. 584, такъ и содержащееся въ мотивахъ къ этой статьѣ примѣрное перечисленіе случаевъ, въ которыхъ судъ долженъ признать себѣ дѣло неподсуднымъ. Намъ въ данномъ мѣстѣ нѣтъ основанія останавливаться на томъ, не встрѣчаются ли и въ нашихъ процессуальныхъ законахъ непредусмотрѣнные въ ст. 584 случаи, въ которыхъ вопросъ о подсудности спорнаго требованія долженъ быть возбужденъ самимъ судомъ; въ этомъ отношеніи достаточно будетъ указать на вполне убѣдительныя, по нашему мнѣнію, соображенія, изложенныя у Анненкова (опытъ комментарія стр. 89 слѣд.). Но тотъ же вопросъ получаетъ большое практическое значеніе для охранительнаго судопроизводства. На ряду со ст. 584 Спб. суд. пал. основала свое рѣшеніе на текстѣ ст. 1408, согласно которой наследники, если считаютъ необходимымъ для опредѣленія ихъ правъ обратиться къ суду, заявляютъ о томъ мировымъ или общимъ судебн. установленіямъ на основаніи общихъ законовъ о подсудности исковъ по роду и по мѣсту недвижимаго имущества. Подчеркнутыя нами слова очевидно могутъ имѣть лишь то значеніе, что ими разграничивается компетенція общихъ и мировыхъ судебныхъ установленій въ зависимости отъ величины и состава наследственнаго имущества, т. е. въ томъ смыслѣ, что мировымъ учрежденіямъ подлежатъ просьбы объ утвержденіи въ правахъ наследства къ такому имуществу, цѣнность котораго не превышаетъ 500 рублей и въ составъ котораго не входитъ имущество недвижимое. Приведенныя слова сами по себѣ, слѣдовательно, не могутъ имѣть того смысла, что въ силу ихъ всѣ правила о подсудности, установленныя для исковыхъ дѣлъ, получаютъ примѣненіе и относительно дѣлъ, производимыхъ въ охранительномъ порядкѣ. Справедливости сказаннаго подтверждается между прочимъ сопоставленіемъ ст. 1408 съ соответствующими ей статьями 2019 и 2011, относящимися до судопроизводства въ губерніяхъ Прибалтійскихъ. Надлежитъ поэтому исходить изъ того, что, какъ справедливо замѣчаетъ и Анненковъ въ указанномъ мѣстѣ, примѣнительно къ охранительному судопроизводству въ нашихъ законахъ нѣтъ положительнаго правила, опредѣляющаго право суда ex officio возбуждать вопросъ о подсудности, и, что, слѣдовательно, приходится исходить изъ общаго значенія, которое могутъ имѣть правила о подсудности просьбъ объ утвержденіи въ правахъ наследства, т. е. прежде всего

изъ того, установлены ли эти правила въ интересахъ отвѣтчика—ratione personae или въ интересахъ публичныхъ—ratione materiae. При такой постановкѣ вопроса, разрѣшеніе его не можетъ представлять большихъ трудностей. Въ дѣлахъ объ утвержденіи въ правахъ наследства отвѣтчика не существуетъ; до известной степени роль его переходитъ на судъ, проверяющій требованія просителя и отклоняющаго неосновательныя доказательства. Поэтому едва ли можно утверждать, что правила о подсудности просьбъ объ утвержденіи въ правахъ наследства—установлена ratione personae. Съ другой стороны, государство въ случаѣ смерти владѣльца имущества остается не безучастнымъ, оно принимаетъ мѣры—притомъ мѣры нерѣдко стѣснительныя для ближайше заинтересованныхъ лицъ—къ установленію состава наследственнаго имущества, къ его охранѣ и къ оповѣщенію возможныхъ наследниковъ объ открытіи наследства. Этому отношенію государства къ наследству противорѣчило бы, если бы подача просьбы объ утвержденіи въ правахъ наследства въ тотъ или иной судъ была бы предоставлена свободному усмотрѣнію просителя. Мы поэтому полагаемъ, что исходя изъ общаго значенія содержащихся въ т. X ч. 1 и судебныхъ уставахъ постановленій объ утвержденіи въ правахъ наследства, нужно придти къ тому заключенію, что правила о подсудности просьбъ объ утвержденіи установлены въ интересахъ публичныхъ. А если такъ, то отмѣненныя судебною палатою рѣшенія окр. суда представлялись правильными, т. к. судъ обязанъ былъ ex officio возбудить вопросъ о подсудности ему данныхъ требованій объ утвержденіи въ правахъ наследства, хотя бы эти требованія и не соответствовали случаямъ, предусмотрѣннымъ въ первыхъ двухъ пунктахъ ст. 584.

Казанская судебная палата.

(Кассационный залогъ въ Сибирскихъ судебныхъ установленіяхъ).

Тобольскій окружный судъ возвратилъ крестьянамъ М. и О. Г.—мѣ кассационную жалобу, поданную ими на окончательное рѣшеніе суда отъ 11 августа 1898 г. по иску ихъ съ дв. В. въ суммѣ 360 рублей, за непредставленіемъ ими залога; Г-іе принесли на это распоряженіе суда частную жалобу, въ коей, указывая на то, что окружный судъ обязанъ былъ кассационную жалобу имъ не возвращать, а оставить безъ движенія впредъ до представленія ими этого залога, просятъ кассационную жалобу ихъ принять и рассмотреть дѣло по существу.

Судебная палата нашла, что при примѣненіи 190 ст. у. гр. с. возвращеніе жалобы за неприложеніемъ залога было бы правильно, но само примѣненіе этой статьи не можетъ имѣть мѣста. Первоначальная редакція 190 ст. уст. гр. суд. была дополнена въ 1868 году требованіемъ представленія залога въ 10 рублей для кассационныхъ жалобъ, приносимыхъ въ Правительствующій Сенатъ на рѣшенія съѣздовъ мировыхъ судей, безъ каковаго залога жалобы не принимаются, а для кассационныхъ жалобъ на окончательныя рѣшенія окружныхъ судовъ въ качествѣ мировыхъ съѣздовъ, подаваемыхъ въ Тифлисскую судебную палату, которая до введенія реформы въ Сибири являлась единственною въ Россіи палатой, составившей кассационныхъ инстанцію для окружныхъ судовъ, дѣйствовавшихъ въ качествѣ мировыхъ съѣздовъ, былъ установленъ залогъ въ 20 руб. (нынѣ 1470 ст. уст. гр. суд.). Вообще требованіе залога вызвано особыми обстоятельствами—чрезмѣрнымъ поступленіемъ неосновательныхъ жалобъ и обремененіемъ

неніем кассационныхъ инстанцій дѣлами, причѣмъ требованіемъ залога имѣлось въ виду сократить число неосновательныхъ кассационныхъ жалобъ. Законъ о залогѣ—законъ ограничительный и не можетъ быть толкуемъ въ распространительномъ смыслѣ, при чемъ только въ будущемъ выяснится количество и качество кассационныхъ жалобъ мировой подсудности Сибирскаго округа. Если бы при введеніи въ Сибири реформы закономъ была установлена необходимость представленія въ палаты Казанскую и Иркутскую при кассационныхъ жалобахъ залога въ 10 или 20 руб., то это было бы точно выражено въ правилахъ о примѣненіяхъ судебныхъ уставовъ въ губерніяхъ и областяхъ Сибири. Между тѣмъ въ правилахъ этихъ сказано, что уставы Императора Александра II примѣняются съ слѣдующими изъятіями и въ статьѣ 37 говорится лишь, что просьбы объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній окружныхъ судовъ, постановленныхъ ими въ качествѣ мировыхъ сѣздовъ, приносятся судебной палатѣ, о залогѣ при такихъ кассационныхъ жалобахъ въ правилахъ не упомянуто и нѣтъ достаточнаго основанія къ требованію такового, въ виду чего возвращеніе Тобольскимъ окр. судомъ кассационной жалобы Г-мъ за непредставленіемъ ими залога нельзя признать правильнымъ.

Приведенное рѣшеніе имѣетъ большое практическое значеніе, такъ какъ палата выступаетъ въ роли кассационной инстанціи, взгляды ея не подлежатъ дальнѣйшему инстанционному пересмотру и можетъ быть усвоенъ всѣми сибирскими судебными установленіями.

Едва ли можно оспаривать, что освобожденіе тяжущихся отъ всякихъ сборовъ по дѣлу (пошлинъ судебныхъ и канцелярскихъ, залога и т. п.), шире раскрывая двери правосудія, представляется весьма желательнымъ—особенно на окраинахъ, гдѣ, благодаря печальнымъ традиціямъ дореформеннаго суда и отсутствію прочнаго правопорядка, необходимо еще воспитать довѣріе и способствовать обращенію населенія къ суду. Поэтому, нельзя сомнѣваться, что высказанный судомъ взглядъ вполне отвѣчаетъ задачамъ мудрой законодательной политики, но съ точки зрѣнія дѣйствующаго закона, которымъ судъ только и долженъ руководствоваться, взглядъ этотъ является неправильнымъ.

Судъ исходитъ изъ того, что „законъ о залогѣ (кассационномъ)—законъ ограничительный и не можетъ быть толкуемъ въ распространительномъ смыслѣ“. Эпитетъ „ограничительный“ есть, повидимому, lapsus linguae; этимъ ничего еще не сказано, ибо всякій законъ, устанавливая мѣру дозволеннаго и недозволеннаго, содержитъ какое либо ограниченіе. Повидимому, палата желала сказать: законъ исключительный, но въ этомъ и заключается коренная ошибка, повлекшая неправильный выводъ. Правило о представленіи кассационнаго залога, установленное въ ст. 190 ст. уст. гр. суд. для мировыхъ судебн. установленій и въ 800 ст. для рѣшеній общихъ судебныхъ мѣстъ, распространено на всю область дѣйствія судебныхъ уставовъ, на всѣ исковыя дѣла; изъятія, допущенныя изъ этого закона (въ пользу казенныхъ управленій), прямо выражены въ законѣ. Такимъ образомъ, правило о кассационномъ залогѣ есть законъ общій, и не только не можетъ быть рѣчи объ его ограничительномъ толкованіи, но, напротивъ, изъятія изъ него не могутъ быть допускаемы, если они не указаны прямо или не вытекаютъ изъ смысла законовъ. Такъ напр., въ 1896 г. (рѣш. № 56) Пр. Сенатъ призналъ свободными отъ оплаты кассационныхъ залогомъ просьбы лицъ, признанныхъ

несостоятельными должниками неосторожными съ послѣдствіями по 622 ст. уст. суд. торг. на томъ справедливомъ основаніи, что такіе должники лишены по закону права имѣть свои имущественныя средства и пріобрѣтать таковыя въ свою собственность, въ виду чего требованіе отъ этихъ лицъ представленія залога было бы равносильно лишенію ихъ права судебной защиты и правосудія, а подобнаго ограниченія ихъ правъ въ законѣ не содержится. Между тѣмъ, въ отношеніи Сибирскихъ судебныхъ установленій не только не сдѣлано никакихъ изъятій, но напротивъ „врем. правилъ о прим. суд. уст. къ Сибири“ начинаются съ категорическаго указанія, что „судебныя установленія образуются въ губерніяхъ и областяхъ Сибири на основаніи судебныхъ уставовъ Императора Александра II съ нижеслѣдующими измѣненіями и дополненіями“. Такъ какъ ниже, въ числѣ измѣненій и дополненій, касающихся уст. гр. судопр. (ст. 24—52), не упоминается ни словомъ о кассационномъ залогѣ, то становится очевиднымъ, что должно имѣть мѣсто общее правило о представленіи кассационнаго залога при жалобахъ на рѣшенія мир. сѣздовъ (въ Сибири—окр. судовъ) въ Пр. Сенатъ (въ Сибири—суд. палата). Конечно, нельзя здѣсь примѣнять правило 1470 ст., требующей 20-рублеваго залога для жалобъ, подаваемыхъ въ Тифлисскую судебную палату, потому что эта статья помѣщена въ главѣ особыхъ порядковъ производства и составляетъ законъ спеціальныи, но точно также нельзя не примѣнять правила 190 ст., какъ закона общаго.

Одесскій окружный судъ.

(Чиншевое владѣніе въ предѣлахъ Западныхъ и Блгородскихъ губерній).

Повѣренный мѣщанинъ Х. предъявилъ 2 января 1898 года искъ въ суммѣ 1,000 руб. къ Березовскому упрощенному городскому общественному управленію, и просилъ окружный судъ: 1) признать за его вѣрителемъ право вѣчно-чиншеваго пользованія мѣстомъ въ границахъ, указанныхъ въ надписи экономіи, согласно открытому листу отъ 20 декабря 1891 года за № 3, и 2) признать опредѣленный въ означенномъ открытомъ листѣ размѣръ платы за пользование по 28 руб. въ годъ не подлежащимъ измѣненію и обязательнымъ для отвѣтчика. До дарованія мѣстечку Березовкѣ городского общаго самоуправленія, мѣстечко это принадлежало частнымъ владѣльцамъ, и служащій предметомъ иска участокъ земли былъ отведенъ М-ой по открытому листу отъ 20 декабря 1891 года за № 3, а отъ нея пріобрѣтенъ истцомъ, съ согласія экономіи, по надписи отъ 12 июня 1894 года.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, окружный судъ нашелъ, что „существенный вопросъ, подлежащій въ данномъ дѣлѣ разрѣшенію, заключается въ томъ, признаетъ-ли русское законодательство существованіе чиншеваго права, какъ правового института въ Имперіи вообще и въ частности въ Херсонской губерніи, и если не признаетъ, то пользуется-ли фактическое состояніе съ признаками чиншеваго владѣнія покровительствомъ закона и правомъ судебной защиты? Для разрѣшенія сего вопроса необходимо обратиться къ нашимъ законамъ, коими опредѣляются, во-первыхъ, существо права собственности и тѣхъ элементовъ, которые могутъ быть отдѣлены отъ него и переданы другому, съ сохраненіемъ вотчинникомъ крѣпостнаго владѣнія, и во-вторыхъ тѣ условія, кои могутъ быть допущены при такой передачѣ. Право собственности есть полное господство надъ вещью съ правомъ владѣнія, пользованія и распоряженія оною вѣчно и потомственно, доколѣ собственникъ не передастъ своей власти на имущество другому лицу (ст. 420 X т. 1 ч.). Право собственности можетъ быть неполнымъ, когда оно ограничивается въ пользованіи, владѣніи и распоряженіи другими, также неполными правами на то же имущество, или въ силу закона

(п. 1, 2, 3 и 4 ст. 432 X т. ч. 1), или по воле самого вотчинника (п. 5 и 6 ст. 432), когда онъ, удержавъ за собою право собственности по укрѣпленію, отдѣлится отъ него, на основаніи 514 ст. X т. 1 ч., владѣніе и передаетъ или уступаетъ оное другому лицу по договору, дарственной записи или другому какому-либо акту, или когда, на основаніи 542 ст. X т. 1 ч., отдѣляетъ право распоряженія посредствомъ довѣренности, данной другому лицу. При этомъ уступленіе или переданіе собственникомъ другому лицу отдѣльное владѣніе составляетъ, по силѣ 514 ст. гражд. зак., само по себѣ особое право, коего пространство, пожизненность или срочность опредѣляется тѣмъ самымъ актомъ, коимъ оно установлено. Если затѣмъ приняты во вниманіе ст. 1692 X т. 1 ч., по силѣ которой недвижимыя частныя имущества запрещается отдавать въ наемъ или содержаніе свыше 12 лѣтъ, то ясно, что собственникъ вправѣ отдѣлится владѣніе и пользованіе своего имущества не иначе, какъ или срочно, или пожизненно, но никакъ не вѣчно. Таковъ принципъ нашихъ гражданскихъ законовъ по этому предмету. Что же такое чиншевое право? Чиншевое право есть право безсрочнаго, вѣчнаго, потомственного, съ правомъ распоряженія, владѣнія и пользованія землею за извѣстныя повинности или за опредѣленный въ пользу собственника чиншъ, размѣръ коего опредѣляется разъ навсегда и не подлежитъ измѣненію по произволу собственника. Такое право вѣчнаго и потомственного владѣнія и пользованія землею, принадлежащее вотчиннику, возникло въ Западномъ краѣ еще при польскомъ и литовскомъ владѣнствѣ, въ то время, когда сельскіе обыватели и горожане не имѣли права пріобрѣтать недвижимую собственность (конституція Іоанна Альбрехта 1496 г.), и когда правительство и принадлежащія къ привилегированному классу собственники недвижимыхъ имѣній, вызывая поселенцевъ для заселенія вновь учреждаемыхъ королевскихъ городовъ и владѣльческихъ мѣстечекъ, предоставляли имъ извѣстныя льготы и привилегіи, а въ томъ числѣ и право вѣчнаго потомственного владѣнія отведенными имъ участками земли за разъ навсегда опредѣленную плату, именуемую чиншемъ. (См. статутъ вислицкій 1347 г., статутъ Сигизмунда I 1520 г., стат. торунвскій 1521 г., констит. 1717 г., ординація референдарныхъ судовъ 1768 г., констит. 1792 г., стат. литовскій § 8, арт. 29, раз. 1) По присоединеніи этого края обратно къ Россіи, право чиншеваго владѣнія признавалось сохранившимъ свою силу до распространенія на губерніи сего края дѣйствія общихъ законовъ Имперіи. Но съ момента подчиненія Западныхъ и Бѣлорусскихъ губерній дѣйствію общихъ законовъ, то есть со дня вослѣдованія Высочайшаго указа 25 іюня 1840 года, дѣйствіе литовскаго статута и польскихъ законовъ прекратилось, причѣмъ силу и законность только актовъ, выданныхъ въ этихъ губерніяхъ до 1840 года, предписано было опредѣлять по законамъ, дѣйствовавшимъ во время составленія этихъ актовъ, что затѣмъ было подтверждено и указомъ 7 января 1846 г. Такимъ образомъ введеніе въ дѣйствіе въ означенныхъ губерніяхъ законовъ Имперіи прекратило и возникновеніе вновь на законномъ основаніи всѣхъ правоотношеній, несогласныхъ съ русскими законами, а въ томъ числѣ и новыхъ чиншевыхъ сдѣлокъ, такъ какъ русское законодательство не допускаетъ въ принципѣ вѣчнаго, безсрочнаго, потомственного владѣнія и пользованія имуществомъ: законы Россійской Имперіи признавали и признаютъ только срочное или пожизненное право владѣнія и пользованія, за исключеніемъ случаевъ, точно указанныхъ въ законѣ (таковы ст. 49 т. VIII о казен. обр. ст., особ. прил. къ IX т. о крестьян. город. полож., ст. 515 и примѣч. X т. 1 ч., ст. 43 и 108 т. XII ч. 2 изд. 1857 г. и ст. 1 по продолж. 1876 г., прилож. къ ст. 322, примѣч. IX т. изд. 1876 г., правила объ устройствѣ единовѣрцевъ и старообрядцевъ въ губ. Сѣверо-Западныхъ и Бѣло-

русскихъ). Эти спеціальныя постановленія, разбросанныя въ сводѣ законовъ, составляя исключеніе изъ общаго правила, должны быть исполняемы въ силу 65 ст. зак. основн. „по точному и буквальному смыслу, безъ всякаго измѣненія и распространенія“, и только подтверждаютъ общее правило гражданскихъ законовъ о воспрещеніи заключать сдѣлки объ отдахъ частныхъ имуществъ и земель въ безсрочное вѣчное владѣніе и пользованіе. Напротивъ, означенныя спеціальныя узаконенія, напр. полож. о взаимн. отнош. владѣльцевъ и жителей въ мѣстечкахъ и городахъ Бессарабской губ. (прилож. къ ст. 322 IX т. прим.); правила о единовѣрцахъ и старообрядцахъ въ Западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ и, наконецъ, законъ 9 іюня 1886 года, нормирующій чиншевыя отношенія въ тѣхъ же губерніяхъ, указываютъ на то, что законодатель, не упуская изъ виду и слѣдя за развитіемъ тѣхъ или другихъ фактическихъ правоотношеній, хотя и несогласныхъ съ русскимъ законодательствомъ, но возникшихъ въ данной мѣстности въ силу обычая и экономическихъ потребностей, узаконяетъ, нормируетъ и регламентируетъ такія правоотношенія, какъ исключеніе изъ общаго принципа русскихъ гражданскихъ законовъ, для той именно мѣстности, какую признаетъ подлежащею исключенію отъ дѣйствія общихъ законовъ, и тѣмъ самымъ какъ бы охраняетъ остальную территорію Имперіи отъ внесенія въ дѣйствующее законодательство чуждыхъ російскимъ законамъ началъ.

Поэтому, хотя въ Западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ фактически и возникали вновь и послѣ указа 1840 года чиншевыя отношенія вопреки дѣйствующему законодательству, — причѣмъ возникновеніе ихъ легко объясняется силою обычая, установившагося подъ влияніемъ долгаго примѣненія литовскаго статута и польскихъ законовъ, незнакомствомъ населенія съ новыми для него русскими законами, отмѣнившими дѣйствіе прежнихъ, съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что требованія практической жизни и понятія, вошедшія въ сознаніе народа, не легко уступаютъ мѣсто новымъ юридическимъ нормамъ, противорѣчащимъ установившемуся обычаю и хозяйственнымъ и торговымъ потребностямъ, — но всѣ такія фактическія чиншевыя правоотношенія не могли считаться законными, обязательными для сторонъ и подлежащими охраненію со стороны суда, обязаннаго руководствоваться только положительнымъ законодательствомъ. Такое положеніе высказано и Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи № 131 1889 г., которое, какъ позднѣйшее и постановленное послѣ изданія закона 9 іюня 1886 г. о чиншевицахъ, должно быть принято въ руководствѣ при обсужденіи чиншевыхъ правоотношеній, вслѣдствіе чего всѣ прежнія рѣшенія Правительствующаго Сената, на которыя ссылаются повѣренные истовой стороны, какъ несогласныя съ послѣднимъ взглядамъ Сената на тотъ же предметъ, потеряли всякое значеніе. Въ означенномъ рѣшеніи Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что „въ русскомъ законодательствѣ, помимо приведенныхъ выше отдѣльныхъ исключительныхъ случаевъ, основнымъ началомъ представляется именно воспрещеніе заключать сдѣлки объ отдахъ земель въ безсрочное и вѣчное арендное содержаніе. Поэтому и русскіе суды, въ виду прямо предписанной въ 1840 году замѣны всѣхъ мѣстныхъ узаконеній и постановленій общими русскими законами, и въ виду того, что, на основаніи 1692 ст. X т. 1 ч., допускается лишь срочное арендное содержаніе, имѣли правильное основаніе признавать лишеными законной силы всѣ сдѣлки о вѣчно-чиншевомъ владѣніи, заключенныя по обнародованіи указа 25 іюня 1840 года, и въ этомъ смыслѣ соображеніе палаты о томъ, что этотъ указъ не служилъ препятствіемъ къ образованію новыхъ по его изданію чиншевыхъ правъ, не можетъ быть признано правильнымъ“. Узаконить такія возникшія послѣ указа 1840 года, незаконныя правоотношенія въ смыслѣ

присвоения имъ правового института, какъ бы ни казалось введеніе ихъ въ данной мѣстности практичнымъ и полезнымъ, зависѣло исключительно отъ законодательной власти. До изданія же законодательнаго акта, присвоющаго фактическимъ чиншевымъ отношеніямъ и сдѣлкамъ характеръ правовыхъ нормъ, суды не вправѣ были придавать имъ значеніе чиншеваго права, какъ юридическаго института, и признавать такія сдѣлки законными и обязательными для сторонъ. Такой законодательный актъ воспослѣдовалъ 9 іюня 1886 года съ обнародованіемъ Высочайше утвержденаго положенія о поземельномъ устройствѣ чиншевиковъ въ Западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, и только съ этого момента чиншевыя отношенія въ означенныхъ губерніяхъ, возникшія послѣ обнародованія указа 1840 г., но не позже какъ за десять лѣтъ до изданія положенія 1886 года о чиншевикахъ, получили, при указанныхъ въ томъ положеніи условіяхъ, законное признаніе въ смыслѣ вѣчно-чиншеваго владѣнія. Но законъ этотъ, изданіе коего само по себѣ доказываетъ правильность заключенія, что и въ той мѣстности, гдѣ въ дѣйствительности издавна существовало чиншевое владѣніе, возникновеніе его послѣ распространения на эту мѣстность дѣйствій общихъ законовъ не признавалось положительнымъ законодательствомъ, такъ какъ для признанія его законнаго существованія потребовался новый законъ, изданіе коего было бы совершенно излишне, если бы чиншевое владѣніе признавалось дѣйствующими законами,—имѣть спеціальныя характеръ особаго закона, относящагося до известной мѣстности и потому, въ силу 65 ст. зак. основн., не распространяющагося на остальные мѣстности Имперіи, въ особомъ законѣ не упоминаются и подчиненныя дѣйствію общихъ законовъ. Такимъ образомъ возникшее въ Западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, подъ влияніемъ известныхъ историческихъ и бытовыхъ условій, чиншевое владѣніе, узаконенное польскими и литовскими законами, терпимое нашимъ законодательствомъ до распространенія на эти губерніи дѣйствія общихъ законовъ Имперіи въ 1840 году, и, наконецъ, регламентированное положеніемъ 9 іюня 1886 года, есть не только историческій фактъ, но и правовой институтъ, узаконенный положительнымъ законодательствомъ для означенныхъ губерній,—но только для этихъ губерній. Для установленія же и признанія вѣчно чиншеваго владѣнія въ остальныхъ мѣстностяхъ Имперіи, подчиненныхъ всегда дѣйствію исключительно общихъ законовъ, не признававшихъ другого владѣнія имуществомъ, отдѣльнаго отъ права собственности, какъ только срочнаго и пожизненнаго, нѣтъ и не можетъ быть никакого логическаго и законнаго основанія: ни освященнаго вѣками обычая, возникшаго на почвѣ известныхъ историческихъ и бытовыхъ условій, ни положительнаго закона. И хотя фактъ существованія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края правоотношеній, имѣющихъ характеръ чиншеваго владѣнія, какъ это усматривается изъ дѣлъ, доходившихъ до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената и бывшихъ въ производствѣ Одесскаго окружнаго суда, и представляется доказаннымъ, но имъ нельзя придавать значенія общеправовыхъ мѣстнаго обычая, такъ какъ всѣ такія отношенія возникли только во второй четверти истекающаго столѣтія и, какъ на это указываетъ повѣренный истца, вызваны къ жизни иноземцами, поляками, перенесшими съ собою изъ Западнаго края въ Новороссійскій и обычаи той мѣстности, чуждые обычаямъ Херсонской губерніи и дѣйствующимъ въ оной общимъ законамъ. Тѣмъ нѣтъ

можно придавать такимъ фактическимъ правоотношеніямъ какое-либо значеніе, въ виду того, что они противны принципамъ русскаго договорнаго права и не легализированы закономъ. Всѣ означенныя соображенія приводятъ судъ къ заключенію, что на поставленный имъ выше вопросъ получается безусловно отрицательный отвѣтъ; что русское законодательство не признаетъ вѣчно чиншеваго владѣнія, какъ правового института, ни въ Имперіи вообще, ни въ Новороссійскомъ краѣ и въ Херсонской губерніи въ частности; что фактическія отношенія на этой почвѣ, при ихъ противорѣчьи съ основными принципами нашихъ законовъ, допускающихъ только срочность или пожизненность владѣнія землею, не могутъ пользоваться судебною защитою, и что посему искъ X., какъ лишенный законнаго основанія, удовлетворенію не подлежитъ. Но, независимо отъ сего, искъ X. не подлежитъ удовлетворенію еще и по слѣдующимъ соображеніямъ: повѣренные истцовой стороны утверждаютъ, что существовавшее до 1886 г. сомнѣніе въ признаніи русскими законами чиншеваго права устранено съ изданіемъ закона 9 іюня 1886 г. о чиншевикахъ въ Западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, и что вѣчно чиншевое владѣніе землею могло начаться и при дѣйствіи общихъ законовъ до 1886 года, и пользуется покровительствомъ закона, если только существованіе его можетъ быть установлено письменными доказательствами. Но означенные повѣренные допускаютъ изъ виду, что силою того же закона, которымъ по ихъ мнѣнію надлежитъ руководствоваться и при обсужденіи чиншевыхъ отношеній въ Херсонской губерніи, непрѣвнымъ условіемъ признанія вѣчно чиншеваго владѣнія является не только заключеніе чиншевой сдѣлки на письмѣ, но и срокъ ея заключенія, именно не позже какъ за десять лѣтъ до 1886 года, а затѣмъ, что существованіе вѣчно чиншеваго владѣнія въ означенныхъ губерніяхъ на будущее время прекращено вовсе, окончательно, путемъ выкупа съ содѣйствіемъ правительства участковъ, признанныхъ вѣчно чиншевыми, причѣмъ для опредѣленія правъ чиншевиковъ и поземельнаго ихъ устройства учреждены особые административные органы—уѣздныя по чиншевымъ дѣламъ присутствія—подчиненныя въ порядкѣ инстанцій, губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ и Правительствующему Сенату по II департаменту. Что же касается до лицъ, безсрочно владѣвшихъ земельными участками, по получившихъ отказъ въ признаніи за ними вѣчно чиншевыхъ правъ на эти участки, то закономъ 9 іюня 1886 г. (VIII ст. Мѣн. Госуд. Сов.) означеннымъ лицамъ по истеченіи пяти лѣтъ предоставлено: „право оставаться на занимаемыхъ ими участкахъ только тогда, когда добровольнымъ соглашеніемъ съ вотчинниками они пріобрѣтутъ сіи участки покупкою или заключать на нихъ надлежащіе арендные договоры, на законномъ основаніи“. Такимъ образомъ, даже въ Западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ законъ не допускаетъ существованія вѣчно чиншеваго владѣнія; лица, безсрочно владѣвшія земельными участками, за коими признано было право вѣчно чиншеваго владѣнія, получили означенные участки на выкупъ и сдѣлались собственниками оныхъ, а лица, за коими право вѣчно чиншеваго владѣнія не признано, должны были или освободить эти участки или купить ихъ у вотчинниковъ по добровольному съ ними соглашенію, или же заключить съ вотчинниками арендные договоры, на законномъ основаніи, т. е. на основаніи дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ о наймѣ и арендномъ содержаніи частныхъ имуществъ.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 15 марта, по 3 Департаменту.

Апелляц.: по иску повѣр. торг. дома П. А. Первушина съ Яогансонъ о землѣ; по иску Глухова къ Данилову и др. о нарушен. владѣніи.

Слѣств.: по иску Акмолинской гор. упр. съ Савельева, Романенко, Ожегова платы за земли и о способѣ построекъ; Ледоховской о спорномъ съ Стерникомъ участкѣ земли по иску Вологодск. дух. консист. къ сельск. общ. дер. Вортины оземлѣ.

Частныя: по иску Бутакова съ Москвина и др. 1200 р. арестной платы; Богдановыхъ на отказъ въ выдачѣ копій опред.; Дороховой о неосвобожденіи отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ; по иску Хохлова къ командру казачьяго войска о нарушенномъ владѣніи и убыткахъ; о полученіи дополнительной ссуды подъ залогъ имѣнія Григоросуло; о продажѣ драгоцѣнностей наследниковъ Гольдманъ; о перезалогѣ имѣнія наследниковъ Кирхгеймъ; о продажѣ недвижимостей: Ногаткиныхъ; наследниковъ: Аргамаковой; Кашурина; Везлауценко; Мостовенко; Рѣзниченко; объ освид. умств. способ.: Алеманова.

На 18 марта, по 3 эксп. 4 Департамента.

Апелляц.: по иску Добродѣва къ общ. „Издатель“ 26833 р. съ %; то же о датѣ отчета; то же о 9604 р. 45 к.; по взаимнымъ искамъ общ. „Издатель“ и Добродѣва о 3379 р. и 1783 р. 32 к. съ %; по иску Скаратина о взысканіи съ Мальцева и Кузнецова 3022 р. 22 к. съ %; по иску Титорова съ Терещенко 8582 р. за замедлѣнч. машины и 576 р. 1 к. по выпискѣ изъ книги; по иску Черкева къ имуществу Черкезъ 33200 р.; южно-русск. общ. поощренія земледѣлія и сельской промышленности съ Щербаномъ.

Частныя: ж. Вѣльскаго на Виленск. губ. правл.; о продажѣ золотыхъ вещей Никитиной; о продажѣ и залогѣ имѣній: Булгакова; Добрыниныхъ; Калашникова; граф. Гендриковой; Николаенковой; Дзиковскихъ; малолѣтнихъ: Ассъ; Пискорскаго; наследниковъ: Шутова; Вухановскаго; Бакиева; Шульдинера; объ освид. умств. способ.: Чуксанова; Фраймана; Вакуленко; Зайчиковой; Боровскаго; Боровской; Атонкова; Стахановича; Щелкунова; Леонтьева; Бахарева.

На 16 марта, по 5 Департаменту.

Уголовныя: о Авазбаевѣ въ нанесеніи смерт. раны; о Липатовичѣ въ кражѣ.

Арест.: о Сауруковѣ и др. въ сопротивленіи власти; о Гуровѣ въ конокрадствѣ и подлогѣ; о Наймановѣ въ ложномъ доносѣ.

Частныя: по прошеніямъ: Сѣдельникова; Иноятуллаевѣ; Гутовой; Борисова; о Хлюпигѣ.

На 18 марта, по 5 Департаменту.

Арест.: о Нураятаевѣ въ вымогательствѣ; о Курьяковѣ по 271 ст. ул.; о Каштановѣ въ конокрадствѣ.

Частныя: жалоба Егорина; прошеніе Марциновскаго.

Уголовныя: о Павловѣ и Богдановѣ по 591 ст. ул.

Апелляц.: о Демидовыхъ въ причиненіи насильственныхъ дѣйствій.

На 20 марта по соедин. присут. 1 Угол. и Касс. Департ.

Представленія и жалобы о возобновленіи дѣлъ: Зюева; пов. Медвѣдовскаго; Коняковыхъ и др.; Руднева; Лаврухина; Локтева; Пирожкова; Салхова; Волкова; пов. Родина и др.; Горюнина; Воронкова; Демьянова и др.; Индѣева; Хмѣлинскаго; Юнгеровой; Щербинина; Слинъко.

На 19 марта, по второму общему собранію.

По всеподданѣйшимъ жалобамъ: Филиппова на опредѣленіе 4 департамента Сената о высканіи имъ съ Ефимова 13792 р. 83 к. по договору о продажѣ соли; Сарафонуло и Керасіоти на опредѣленіе 4 департамента Сената, по спору ихъ съ Евангелидиной по договору найма помѣщенія подъ ресторанъ. За разногласіемъ г.г. сенаторовъ 3 департамента Сената: По иску крестьянъ Плесовскихъ къ управленію государственныхъ имуществъ Тобольской губерніи о землѣ.

На 16 марта, по апелляц. отд. Угол. Касс. Департ.

По отзывамъ: Троицкаго на Тифлисс. с. п. 362 и 4 ч. 354 ст. ул.; защит. редактора-издателя Евсѣева и Чаголова на Тифлисс. с. п. 1039 ст. ул.; Вишневскаго на Харьковск. с. п. 1 ч. 447 ст. ул.; Дурново на Московск. с. п. 2 ч. 354 ст. ул.

На 18 марта по 1 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Бунакова Харьковск. о. с.; упр. акц. об. Плодк. 1 окр. м. с. по обв. Желевскаго; Ломакина Армавирск. м. с.; Андреева У. Медвѣдиц. м. с.; Сонькиной Черковск. м. с.; Яковлева Черковск. м. с.; Жураховой Сквирск. м. с.; Новорудской Волковыск. м. с.; Гройсманъ Кишиневск. о. с.; Ко-

зина Симбирск. о. с.; упр. акц. об. Поневѣжск. м. с. по обв. Пакемпнера; упр. акц. об. Поневѣжск. м. с. по обв. Траубе; Зинченко Симферопольск. о. с.; упр. акц. об. В.-Вейсштейнск. м. с. по обв. Нетце; упр. акц. об. Калужск. о. с. по обв. Алексѣевой; Зиберта Двинск. м. с.; Скворцова Харьковск. с. п.; Ловкова Владимірс. о. с.; упр. акц. об. Россіенск. м. с. по обв. Кушель; Марашей Гродненск. м. с.; Вейландъ Одесск. гор. м. с.; Чернина Оршанск. м. с.; упр. акц. об. Ростовск. на-Д. м. с. по обв. Кудрявченко; Лпфшица Черковск. м. с.; Таратынова Армавирск. м. с.; Шапиро Оршанск. м. с., — всѣ по обв. въ наруш. пнт. уст.; Люблина Житомирск. м. с. по обвиненію Ушеренко и Фастовскаго; Гуревичъ и Менювича Радомысльск. м. с.; Вазарова Спб. ст. м. с.; Мстиславск. у. полиц. упр. Чериковск. м. с. по обв. Шнееронова и др.; Жонголовичъ Ковенск. м. с. по обв. Прессова; Яновера Варшавск. гор. м. с.; уполномоч. упр. Хоперск. окр. Хоперск. м. с. по обв. Сельвестровой и Васильева; Попковой Ломжинск. 2 окр. м. с.; Дорофина Спб. ст. м. с.; Варшавской Петроковск. 3 окр. м. с.; Опшенгейма Варшавск. гор. м. с.; Веренбойма и др. Ровенск. м. с., — всѣ по обв. въ наруш. стр. уст.; упр. акц. об. Екагеринодарск. м. с. по обв. Киркыр-оглы; Дикмана Ю.-Верроск. м. с.; Долгана Херсонск. о. с.; упр. акц. об. Симферопольск. о. с. по обв. Сейтъ-Ибрагимъ-Эмиръ-Али-оглы; Лудувера Ю.-Верроск. м. с.; упр. акц. об. Ковенск. м. с. по обв. Вурштейна; упр. акц. об. Одесск. о. с. по обв. Коганова, — всѣ по обв. въ наруш. таб. уст.; Осипцева и др. Троицк. о. с. 1642 ст. ул.; Федосова Архангельск. о. с. 51⁴ ст. ул.; нач. Радзивиловск. тамож. окр. Кременецк. м. с. по обв. Мордязю-Кавой и Веднарскихъ въ наруш. тамож. у.; Волховитянова Тамбовск. о. с. 1666 ст. ул.; Пейсаха и др. Одесск. с. п. 1522 и др. ст. уст. тамож.; Тасемки Варшавск. с. п. наруш. тамож. у.; Гладкова Оренбургск. о. с. 177 ст. ул.; нач. Радзивиловск. тамож. окр. Киевск. с. п. по обв. Зильбермама въ наруш. тамож. у.; Петрова и Вулкина Саратовск. о. с. 170¹ ст. устава.

На 19 марта, по 2 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Пиммермана и Фудымовъ К.-Подольск. о. с. 169 ст. у.; Брешицкаго на опред. Харьковск. с. п.; Петрова Спб. о. с. 294 ст. ул.; Жосанъ Кишиневск. о. с. кража; Ярма-севича Кременецк. м. с. кража; Вакало Ставропольск. о. с. по обв. Волохова въ ростовщичество; Демчинскаго Вердичевск. м. с. 31 ст. у.; Вѣлкоровича Вѣльск. м. с. 31 ст. у.; Труба Вишицк. м. с. 131 ст. у.; Филоженко Херсонск. о. с. 1525 ст. ул.; Рудюка и Огера Житомирск. о. с. убійство; Воинова на опр. Харьковск. с. п.; Кантора Уманск. о. с. 1692 ст. ул.; Шмичука и др. 3-Острожск. м. с. 142 ст. у.; Грохольскаго 3-Острожск. м. с. по обв. Лермана и др. по 142 ст. у.; Урѣйкаго Р.-Мозырк. м. с. ростовщичество; Мушинцаго В.-Литовск. м. с. 169 ст. у.; Влоха Тельшевск. м. с. 115 ст. у.; Стониса Тельшевск. м. с. 142 ст. у.; Горчинскаго К.-Подольск. м. с. кража; Половицкаго и Лившица Могилевск. о. с. по обв. Половицкаго по 1707 ст. ул.; Герчина Одесск. гор. м. с. 134 ст. у.; Малиновскихъ и др. Игуменск. м. с. 148 ст. у.; Марголиной Одесск. гор. м. с. 136 ст. у.; Кіку и Агапія Кишиневск. о. с. по обв. Кіку въ ростовщичество; Тихончука Пинск. м. с. 136 ст. у.; Дорошенко Чериковск. м. с. 142 ст. у.; Валжскаго Виленск. м. с. 112 ст. у.; Морозова Стародубск. о. с. ростовщичество; Бочарова и др. на опред. Московск. с. п.; Бубулиса и др. Могилевск. о. с. 1690 ст. ул.; Ледоховскаго Староконстантиновск. м. с. по обв. Атамашюка и др. по 142 ст. у.; Меламеда Одесск. гор. м. с. 133 ст. у.; Ратнера и Гинзбурга Горецк. м. с. 173 ст. у.; Мевиса Одесск. гор. м. с. 135 ст. у.; Кривина Кременецк. м. с. 180 ст. у.; Левицкой Одесск. гор. м. с. 131 ст. у.; Нарушевича Виленск. м. с. по обв. Лопаевыхъ и др. по 142 ст. у.; Шевырялиной Новгородск. о. с. 172 ст. у. (2 дѣла); Шевырялина Новгородск. о. с. кража (2 дѣла); Груинской Тельшевск. м. с. 142 ст. у.; Тальвашевича и Грабовскаго Тельшевск. м. с. 142 ст. у.; Гаматя Одесск. гор. м. с. 123 ст. у.; Лисовскаго Ямпольск. м. с. по обв. Лебедевой въ кражѣ; Амброжевичей и др. Ковенск. м. с. 148 ст. у.

Протестъ: тов. прокурора на Елисаветградск. о. с. по обв. Минасарова въ кражѣ.

На 20 марта, по 3 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Гостева и др. Сузск. о. с. 1642 ст. ул.; Арсинова Смоленск. о. с. 170¹ ст. у.; Гибзе Р.-Вольмарск. м. с. 169 ст. у.; Швирца Спб. ст. м. с. 31 ст. у.; Кишинцева Московск. ст. м. с. 142 ст. у.; Соколова Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Золотухиной Ростовск. на Д. м. с. 180 ст. у.; Аусек-

Редакторы-издатели: Привать-доцентъ В. М. Гессенъ.

Н. И. Лазаревскій.